

Идрис Шах

Командующее Я

ЭННЛАТОН ПРЕСС

Практическая философия в суфийской традиции Основным препятствием в развитии человека и реализации им собственной уникальной судьбы автор считает Командующее Я. Книга Идриса Шаха раскрывает природу этого явления и неявно показывает пути преодоления его влияний. Произведение стало на Западе классическим и теперь впервые публикуется в России. Шах обращается со своим посланием не столько к нашему уму и чувствам, неизбежно искажающим тонкую природу передаваемых методов, сколько к глубочайшему сознанию. Искусно пользуясь нелинейными аналогиями, сказками и историями, автор сообщает читателю некую особую энергию мысли.

ИДРИС ШАХ.

Командующее Я.

СУФИЙСКИЕ МЫСЛЬ, ОПЫТ И УЧЕНИЕ

О суфизме и суфиях были написаны тысячи книг и монографий, рассматривающих предмет с какой угодно точки зрения, но только не с суфийской. Это привело к хаосу в литературе и замешательству читателей. Пытаясь оценить или рассмотреть феномен суфиев через призму предубеждений, обусловленных культурой, в этой ловушке на протяжении столетий оказывались наиболее известные ученые своего времени.

Возможно, все это не так глупо, как предстает сегодня: в конце концов, исследователи, включая академистов и духовных личностей, только относительно недавно начали понимать, что субъективизм и неисследование предположения традиционно оказывает сильное влияние на их подход к проблеме. Хотя маятник и качнулся слегка, все еще нет недостатка в людях — специалистах и иных, — продолжающих рассматривать любые явления, в том числе и суфиев, как им заблагорассудится, но только не объективно.

Проблема в основном состоит в том, что большая часть комментаторов приучена считать духовные школы «системами», более или менее похожими друг на друга, построенными на догме и ритуале, в особенности на повторении и применении постоянного, стандартного давления на своих последователей.

Суфийский метод, конечно, за исключением его выродившихся форм, которые нельзя даже отнести к суфийским, совершенно отличен от вышеописанного подхода.

Люди выбирают неправильную исходную позицию и затем допускают следующую ошибку, подпадая под общее заблуждение, что все духовные сообщества так или иначе в сильнейшей степени зависят от эмоционального фактора. И в самом деле, даже авторы, наделенные ясностью мышления, путают духовность с эмоционализмом. В аутентичном суфийском учении или учебе подобная путаница отсутствует.

Неправильные представления, из которых те два, что упомянуты выше, — типичные, порождают в уме изучающего соответствующий строй мыслей, на который он будет опираться в попытках прийти к пониманию, или изучению, суфизма, тогда как результат заранее предсказуем и совершенно бесполезен. По этой причине в суфийской литературе подчеркнута отвергаются ультраформализм, ментальный фетишизм и свехупрощенные схемы, препятствующие пониманию.

Смесь примитивной эмоциональности и случайных ассоциаций, которые запутывают потенциальных сторонних наблюдателей, суфии относят к действию Командующего Я.

Только с 50-х годов нашего столетия*, с открытием далеко идущих последствий обусловливания, промывания мозгов и психотехнологического манипулирования, субъективная природа фактически любых подходов к знанию стала восприниматься на должном уровне, который пытались установить в течение столетий суфии.

* XX века. — Прим. ред.

Суфии всегда наставляли: «Исследуйте ваши предположения, избегайте механистичности, отличайте веру от навязчивой идеи».

Суфийский учитель — это, в первую очередь, тот, кто прошел все стадии Пути, по которому будет вести своих учеников. Внешние наблюдатели не в состоянии толковать суфизм — им видны лишь его поверхностные проявления. У них нет ни достаточного опыта, ни способности видеть различия между реальными и вырожденными формами. «Тот, кто пробует, — знает» — гласит суфийская поговорка. В равной степени, тот, кто не пробует, — не знает.

Вполне естественно, что обоснованность этой формулировки энергично оспаривается внешними наблюдателями. Но если неквалифицированный человек, без необходимого опыта, решает «стать специалистом» в какой-либо сфере, то неизбежно, что специалист, человек, обладающий требуемым опытом, будет — и в действительности должен — отстаивать первичность соответствующего знания.

Следует помнить, что вряд ли можно в чем-то обвинить приверженных к внешним проявлениям исследователей духовного или специалистов из области «пера и языка». Воспитанные в обществе, где считается, что каждый может исследовать любой предмет по своему желанию, они стали жертвами предположений, присущих господствующей культуре. В конце концов, этот подход адекватен для широкого круга дисциплин. Они просто применили принцип, работающий в одной сфере, к той сфере, где он не работает.

Суфии, в отличие от людей, ориентированных на внешнюю сторону жизни, механистически работать не могут и не работают. Проекция послания и помощь, предназначенные учащемуся, всегда должны варьироваться в соответствии с нуждами времени, с учетом местной культуры, а также в соответствии с природой и потенциальными возможностями ученика.

В свете этого заявления мы можем увидеть, что суфийские организации, обучение и учеба фундаментальным образом отличаются от всех остальных «систем».

Суфий, короче говоря, нацелен на развитие, а не на выработку условных рефлексов. Он учит, а не тренирует. Он вмешивается, чтобы предоставить правильному человеку правильные стимулы в правильное время. Тем, кто не может постичь, насколько целенаправленна подобная деятельность, она представляется хаотической точно так же, как жизнь в открытом обществе кажется непереносимо беспорядочной человеку, который недавно вырвался из-под власти тоталитарного режима, — довольно частое явление в наши дни.

Всем людям присуща склонность к поиску уверенности и регулярности. Она проявляется в приверженности к свехупроценным системам и поясняет, почему столь многие притягиваются к организациям, предлагающим авторитет и определенность. В порядке и дисциплине нет ничего неправильного: на самом деле они существенны для всех человеческих объединений. Но, когда подобная склонность задействована в тех областях, где она не может быть применима, процесс замедляется или приостанавливается. В результате даже у наиболее подверженных страсти организовывать возникает тревожное чувство, что «должно быть что-то еще...».

Как бы то ни было, сама по себе жесткая дисциплина не приводит в качестве реакции к необходимой здоровой тяге к истине. Примечательно, что именно принудительные, жестко регламентированные или сугубо интеллектуальные сообщества извергают из себя причудливые культы и массовые заблуждения, обеспечивающие определенные эмоции как спросом, так и предложением.

Существует огромное количество суфийских учений, и значительная их часть представлена в письменной форме. Потенциальные ученики, занимающиеся поисками источников суфизма, прорабатывают эти учения и удивляются, почему материалы столь противоречивы. Ответ прост: эти материалы по большей части приурочены к тому или иному времени или культурному периоду. Большинство было предписано особым аудиториям в определенное время и при определенных обстоятельствах. Выбор материалов, соответствующих текущему моменту, — задача для специалиста. Стремление придать всему этому наследию смысл эквивалентно попыткам разработать собственный метод лечения болезней при отсутствии специальных медицинских знаний — просто взяв за основу те рецепты, которые в течение многих лет прописывались разным людям. Суфийское учение «прописывается» на индивидуальной основе.

Так, выдержки из суфийской классики, истории о мастерах, письма и лекции и т. д., предлагаемые сегодня группам и отдельным людям, должны быть соответствующим образом и сознательно отобраны и применены, и сделать это должен тот, кто настроен на определенные реалии.

Такой подход особенно раздражает пристрастного академического ученого, обуреваемого жадой задействовать каждый найденный обрывок информации без оценки возможного применения находки в наши дни. На самом деле подобный человек работает отнюдь не в той области, в которой действует суфий, но его позиция тем не менее влияет даже на обычных читателей.

В затруднении в равной степени находится и ординарный мыслитель духовной ориентации. Он не желает принять того факта, что суфийская деятельность часто протекает в формах, едва ли имеющих что-то общее с духовной сферой с точки зрения формалиста. Тот факт, что суфию приходится записывать и проецировать свои учения неким особым образом, который может работать, а не только напоминать другим о духовности, — вызывает в этом обусловленном, набожном человеке, если он вообще в состоянии заметить подобную форму деятельности, чувство глубокого дискомфорта.

Суфии продолжают настаивать на том, что приверженность традиционным формам вообще не является духовной деятельностью. Только теперь суфии получили возможность опереться на догадки и эксперименты социологов и психологов, с тем, чтобы в современных терминах, в приемлемом виде установить следующий факт: очень многие «духовные люди» вовсе не духовны, а всего лишь религиозны — они обусловлены испытывать определенные эмоции. Такие люди, если рассматривать их в антропологическом контексте, не многим отличаются от членов племенных сообществ. Эти факты были записаны и доказаны суфиями столетия назад, и теперь современные мыслители считают указанную информацию потрясающим открытием нашего времени.

Прибегая к суфийским терминам (также как и к терминологии передовых ученых-социологов), таких предположительно набожных людей можно назвать последователями культа, но никак не людьми духа в понимании суфиев.

Фигуры, облеченные авторитетом, каноническая литература, литургии, упражнения, специальная одежда и иные стандартизированные элементы в практике культовых систем сегодня воспринимаются как компоненты комплексов тренинга, отличающиеся друг от друга только номинально, — используемыми идеями и символами. Тем не менее все эти факторы продолжают создавать препятствия, запутывают людей, зашоривая умы.

Заблуждающимися «суфиями» во все времена становились люди, заимствующие учебные ситуации, притчи и т. п. и распространяющие их как «непреходящие» истины, «упражнения» и т. п. Подобному виду развития (гипертрофии) нет места в сфере подлинной суфийской деятельности. Именно такой подход ответственен за существование бесконечного

нагромождения культов и религиозных общин, которые повсеместно признаны аутентичными и авторитетными. В действительности в подобных группах представлен процесс окаменения, и он полностью противоположен тому, чего можно ожидать от духовной школы. Вместо того чтобы развивать людей, названные образования делают их своими пленниками, на что суфии не перестают указывать.

В большинстве культур этот процесс зашел так далеко, что имитации вытеснили оригинал. Исследуя те или иные существующие сегодня культы (а некоторые из них охватывают миллионы людей и обладают огромным влиянием), мы вряд ли можем упрекнуть тех, кто верит, что эта вырожденная форма и есть религия.

Недавно я объяснял это положение известному духовному лидеру и услышал в ответ: «Но моя религия ДОЛЖНА быть истинной, иначе ей не следовало бы так много людей».

Понятно, что этот человек не слышал о законе Грехэма: «Грязные деньги вытесняют чистые».

Я ответил ему: «У такой-то религии в два с лишним раза больше приверженцев, чем у вашей. По вашей же логике, эта религия должна быть еще более истинной, что доказывается ее успехом. Почему бы вам не присоединиться к ней?»

Тут он вышел из себя и заорал на меня...

У суфиев очевидным примером описанного мной выше процесса является развитие «Орден» (туриқ). Ни об одном из основных «путей», к которым принадлежат современные, так называемые суфии, нельзя сказать, что данный путь основан человеком, чье имя, как основателя, он носит. Каждый вариант пути возник только после смерти своего предполагаемого основателя, сформировавшись на основе некоторых его специфических учений, применявшихся для местных целей, и вскоре превратился в культ. «Ордена» — явление преходящее и ограниченное во времени. Ни один из них не был основан тем, кого принято считать его учредителем. После смерти учителя ученики героически пытаются сохранить полученное учение, но, как правило, в ошибочной форме. Результаты нам известны.

Следуйте подобным учениям, и вы, возможно, получите добротную копию человека XIII века... и только.

Все эти искажения, остающиеся в суфийских и других учениях — и более серьезные и страшные, — возникают из-за присутствия и деятельности Командующего Я.

Суфии не собираются разрушать или подавлять Командующее Я. Однако они ставят вопрос жестко: кто кем командует: оно — вами, или вы — им?

КУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОМАНДУЮЩЕГО Я

Культурная среда способствует формированию ментальности, поощряющей власть Командующего Я, и на Западе это проявлено в большей степени, чем на Востоке. Процедуры, разработанные для людей Востока, дадут, скорее, отрицательный эффект, если их применить к жителям Запада.

То есть восточная традиция, согласно которой человек учится до тех пор, пока учитель не даст ему разрешение обучать (древняя традиция послушничества, сохранившаяся на Западе в обычном академическом обучении и присвоении степеней), во многих не академических кругах Запада не признается.

Причину не надо долго искать. В западной культуре ударение делается на скорости, на поспешном получении чего-то и скорейшей передаче приобретения дальше (будь то произведенные продукты или идеи, ценность которых была раздута) и т. д. В духовной, психологической и других сферах подобное явление приняло следующую форму: люди

пытаются обучать, разъяснять, лечить, вступать в контакт еще до того, как будут соответственно подготовлены для этой роли.

Имеющееся заблуждение усугубляет тот факт, что на Западе любой человек может заявить себя в качестве эксперта, учителя, врача или советника.

Командующее Я весьма изобретательно и скрывает от индивида, что он или она пытается начать бегать, не научившись ходить. Когда другие люди начинают одобрять чьи-либо действия, это ошибочно истолковывается адресатом похвалы как законное основание для его притязаний. В действительности упомянутый факт говорит лишь о том, что подобный человек зависит от мнения окружающих в силу своей природы или воспитания.

На самом деле этиология многих культов и деятельности большинства людей, чья известность намного превосходит уровень их действительных способностей, именно такова.

За это, разумеется, кто-то расплачивается. Иногда платят многие люди. Причина в том, что описанной выше ситуации присуща крайняя нестабильность. В человеке нарастает напряжение, что приводит к страданию, а иногда и к тяжелым психическим срывам. Стресс наступает как следствие борьбы между тщеславием (как бы хорошо оно ни скрывалось) и внутренним знанием того, что человек сам себя обманывает, поскольку пытается бегать, не умея ходить.

Это состояние нелегко исправить. Командующее Я борется за свое выживание, изо всех сил пытаясь сохранить статус кво и убеждая страдающего, что подобного рода симптомы являются неотъемлемыми характеристиками личности. Страдающий (он или она) постоянно будет воображать, что не способен вернуться к нормальному состоянию, стать более умеренным, скромным, менее самоуверенным, поскольку ему кажется, что это означает обеднение его личности.

Командующее Я можно представить как некий вид паразита, который поначалу дополняет личность, затем захватывает определенные ее части и выдает себя за саму личность.

Часто результатом этого процесса являются неудачи в коммуникации. Описывая данный синдром, суфийские учителя нередко слышат обвинения в том, что они принижают человеческую личность. Они якобы укрепляют собственный авторитет, говоря человеку, что тот еще не готов, и пытаясь удержать его на месте. Вряд ли подобную критику можно считать правомерной, ведь она не подтверждена фактами. Если же таковые имеются, то предполагаемый учитель никак не может быть суфием.

Как же решить эту проблему? Решение предложено временем и служением, а не желанием занять почетное место на тотемном столбе. По этой причине суфийские учителя отвлекают человеческое тщеславие от духовной сферы, поощряя своих учеников направлять деятельность Командующего Я в русло достойных мирских амбиций и одновременно продолжать учебу на суфийском Пути в духе скромности, без страсти к самоутверждению.

ВВЕДЕНИЕ

ЯМА...

Одна девушка, с детства огражденная от разнообразных ситуаций, которых так много в обычной жизни, как-то очутилась в блистающем фойе лондонского театра.

Она никогда в своей жизни не бывала в театре и испытала полную растерянность при встрече с доселе невиданным. Девушка выросла в экзальтированной религиозной среде, где царили эмоции. Этот мир зиждился на двух столпах: блаженстве рая и ужасах адской бездны.

Богато украшенное фойе, где ей пришлось ждать, пока ее сопровождающий заберет билеты, являло ей новый, незнакомый мир. Все люди здесь казались ей какими-то иными существами —

они были разодеты в изысканные, потрясающе разнообразные по стилю наряды всех цветов и оттенков и очень оживлены, — ничего подобного и близко не было в ее жизни.

Ошеломленная новыми впечатлениями, она внезапно увидела табличку, указывающую на оркестровую яму. На указателе черными буквами было выведено одно простое слово из театрального лексикона — The Pit* — Яма.

Как тут было не издать крик ужаса и не броситься прочь из театра — и как можно быстрее найти успокоение и прощение в горячей молитве? Именно так и поступила наша героиня.

Думаете, сказка? Об этом случае поведала лондонская Observer, поместив среди новостей театральной жизни заметку одного корреспондента**.

* The Pit — Яма. Здесь: оркестровая яма. — Прим. перев. ** The Observer, London, 25th August, 1968, p. 30.

Случаи такого рода (если предположить, что они действительно происходили в реальной жизни) указывают как на обусловленное поведение, так и на живучесть явления, которое мы легко способны распознать как реакции примитивного образца. Если эмоционально-заряженные идеи громоздить на такую примитивную личность, прежде чем она достигнет зрелости, то подобное воздействие произведет в ней Командующее Я, столь сильно влияющее на обыденное мышление каждого человека. Нет никакой разницы между реакциями этой девушки, порожденными новым опытом, и поведением дикаря, который в течение всей жизни был подвержен воздействию своего окружения, — как и реакциями любого цивилизованного мужчины или женщины. Даже если эта история вымышлена, простой факт, что она может быть предложена в качестве произошедшей на самом деле, показывает, что такие примитивные образцы, или паттерны, поведения способны повторяться с большой степенью вероятности. Чрезвычайно интересно и то, что история эта была напечатана с целью рассмешить читателя. Невысказанное намерение, побудившее журналиста предложить данную историю в качестве юмористической байки (каковой, конечно, она и является), состоит в том, что мы, возможно (с немалым чувством облегчения), отделяем себя от «нее» — героини нашего рассказа.

Итак, выделять подобный тип легко иллюстрируемого примитивного поведения и воображать, что поскольку мы видим абсурдную сторону происходящего, то сами так не действуем, абсурдно само по себе.

Эта женщина получила воспитание, которое обусловило ее реагировать на определенные стимулы состоянием ужаса и эмоционального взрыва. Сегодня как в наиболее отсталых, так и в самых передовых сообществах миллионы людей, многие из которых занимают высокое положение и облечены властью, реагируют точно так же, если какие-либо обстоятельства переключат их внутренний механизм в режим «ужаса».

Несомненно, полем деятельности антрополога должно быть то сообщество, где он живет, хотя учиться можно, наблюдая и изучая другие сообщества, где поведенческие структуры для него, как стороннего наблюдателя, более очевидны.

Если современная антропология не займется исследованием собственного сообщества, то в будущем подобное упущение будет расценено как одна из аномалий нынешней культуры. Конечно, сейчас никто не занимается указанной проблемой в сколько-нибудь заметных масштабах. При этом мы говорим: «Подумать только, китайцы открыли порох и магнитный компас и не стали применять эти инструменты».

Последующие поколения, какими бы они ни были, вероятно, смогут сказать о нас: «Удивительное дело, у них были все необходимые инструменты для исследований и подбора иллюстраций, но они применяли их только к людям других культур».

Цель суфийской книги или любой суфийской деятельности — способствовать суфийскому развитию. Можно подумать, что это очевидно, но определенно, сотням людей, ежегодно обращающимся за информацией и разъяснениями все не так уж ясно, что показывает: они пытаются действовать в направлении, не имеющем никакого отношения к целям суфиев.

Возьмем простой пример. Мы публикуем какую-то историю или несколько историй, может быть, в некотором контексте, что в совокупности создает «обучающий пакет». Но вот материал издан, и тут же появляется множество желающих расшифровать его или следовать всем видам возникающих ассоциаций. Естественно, такого рода попытки сводят воздействие всего пакета к нулю.

В некоторых случаях, возможно даже во всех, причиной возникновения данной тенденции является некая усвоенная схема. В основе этого образца мышления может быть схоластицизм и склонность к решению головоломок или к поиску эмоциональных удовлетворений или ассоциаций.

Проблема, конечно, осложняется отсутствием осознания, что представленный и используемый именно таким образом материал направлен на некую цель и является единым целым. Подобным читателям необходимо задуматься над рассказом о маленьком мальчике, расчленившем муху. В итоге, глядя на кучку крылышек, ножек и т. п., он с удивлением спросил, куда же подевалось насекомое.

Естественное человеческое желание исследовать, оценивать, находить смысл имеющихся данных и т. д. еще больше осложняет дело. В этом нет ничего плохого, при условии, что вы обладаете необходимой компетентностью. Применительно к нашей сфере это можно сформулировать, перефразируя известное изречение: «Тот, кто не может, пытается; тому, кто может, пытаться нет нужды». К счастью, для того, кто действительно хочет понять подобную дилемму, ее легко проиллюстрировать. Например, если вам предложили земляничный джем, у вас есть несколько возможностей. Вы можете его попробовать, или попытаться его исследовать, или проследить этимологию названий и джема, и его составляющих. Суфии традиционно утверждают, что они «пробуют», а не исследуют или проверяют. В любом случае суфизму учатся не путем исследований или изобретения колеса.

Многие люди, утверждающие, будто интересуются суфизмом, не заинтересованы тем, что он может предложить, и убедительное доказательство этого содержится в простом наблюдении: люди не перестают требовать информацию, не имеющую никакого отношения к делу, независимо от того, как часто вы объясняете вышеприведенные факты и сколько раз они подтверждались суфиями прошлого. И, конечно, горка из мушиных ножек растет.

К счастью, тому есть очень простое объяснение. Для начала вспомним, что люди склонны продолжать свои действия даже после того, как им скажут, что их деятельность абсурдна или не нужна, и все только потому, что держаться взятого курса доставляет им большее удовольствие, чем принять правильный. Теперь применим это высказывание к нашей ситуации, в которой кому-то сообщают, что его или ее настойчивость по поводу определенного курса бессмысленна.

Существуют, конечно, «бесхитростные», или наивные, причины. Например, академические ученые подготовлены таким образом, а об этом зачастую свидетельствуют их бесполезные книги, что не способны действовать никаким другим способом. Это лишь означает, что с человеком, столь узкообусловленным тем или иным образом действий, вряд ли возможен какой-то контакт. Обычные ученые на протяжении столетий обличали суфиев в том, что те глумятся над академической наукой. Так проявляется ментальность, охарактеризованная в высказывании: «Обзови собаку дурным именем и повесь ее». Дело в том, что среди суфиев и были, и есть видные ученые; и они знают, что суфийский опыт и схоластицизм — вещи совершенно разные и

несовместимые.

Конечно, не только суфии сталкиваются с подобным подходом. И к инженеру могут обратиться люди, решившие использовать инженерную науку в качестве метафоры в хореографии, рекламе или где-то еще. В этом нет никакого вреда. Проблема возникает лишь если люди воображают, что инженерное дело действительно имеет отношение к балету.

Еще один аспект рассматриваемого вопроса — склонность к поиску панацеи. Не только к суфиям, но и к любым специалистам в какой угодно области регулярно обращаются люди, желающие мгновенного исцеления, улучшения социальной, психологической или экономической жизни или (и это чаще всего) жаждущие эмоциональных стимулов. Конечно, в последнем случае подобное требование обычно облекается внутренним ментальным цензором в приемлемую, по мнению вопрошающего, форму. Наиболее вероятно, что такое поведение обусловлено социальными факторами, хотя часто рассматривается как лицемерие или самообман.

Просто поразительно, куда только не проскальзывает обуславливание. Несколько дней назад я получил письмо от одного известного, но нуждающегося человека, который просил совета, как раздобыть кучу денег за очень короткое время. Зачем? «Не для себя, — объяснил он, — но с ними я смог бы сделать так много хорошего...»

К сожалению, все сказанное выше сводится к тому, что людям необходимо узнать о себе больше, прежде чем пускаться, как это часто случается, в малообдуманные предприятия. Естественно, чем больше человек нуждается в совете подобного рода, тем менее вероятно, что он его примет, — так было всегда; однако есть суфии, которые могут выполнять свою работу, несмотря на все возможные и притом довольно значительные трудности.

Не так давно я сказал что-то подобное одному человеку, который тут же стал настаивать: «Однако я должен познать себя, ведь к этому должны стремиться все разумные люди!» Я спросил его, как он понимает выражение «ПОЗНАТЬ СЕБЯ». Выяснилось, что он думал, будто это означает прорыв в более высокое состояние сознания, причем стартовать он собирался прямо оттуда, где пребывал в настоящий момент. Он и мысли не допускал, что сначала надо привести в порядок свое обычное, более низкое состояние сознания. Пытаться бегать, не умея ходить, в этом смысле не показалось ему абсурдным.

Напротив, он сразу перешел в наступление: «Если верно, что перед тем, как приступить к грандиозным вещам, надо уделить внимание малым, то почему на этом никто особенно не настаивал? Из истории мы знаем, что было множество мудрецов, которые просто говорили: ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ! Они не возводили преград из условий, которые пытаетесь навязать вы!»

Я отдал дань уважения его манере прямо высказывать свои мысли. Но прибавил, что он не исследовал ни свои предположения, ни источники сведений даже в той сфере, где был компетентен. Дело в том, что, во-первых, простые утверждения — только «заголовки». Во-вторых, многие «заголовки» бесконечно повторяются теми, кто, снискав себе репутацию авторитетных личностей, в большинстве своем просто цитирует лозунги, пусть даже совершенно искренне.

Руми говорил: «Только золотых дел мастер может оценить золото». Тем не менее множество людей, прочитавших произведения Руми, не придали никакого значения этому важному утверждению, которое так часто повторяют. Что же они почерпнули у Руми вместо этого? Например, танцы дервишей. Вы спросите, что здесь плохого? Только одно: исторические хроники сообщают, что сам Руми определял эту технику как специально приспособленную им для жителей Малой Азии XIII столетия. Причиной были определенные качества этих людей. Они вряд ли присущи, по крайней мере в той же степени, тем многим тысячам людей, которые в

настоящее время практикуют танцы дервишей на Западе.

Не только на Западе есть люди, не оставляющие энергичных попыток превратиться в подобия средневековых жителей Востока. Но если бы только они остановились и взглянули на то, что делают, увиденное явно испортило бы им удовольствие.

Огромное число людей, во всеуслышанье заявляющих, что желают следовать путем суфиев, в действительности вообще этого не хотят. А если так, должны ли мы удивляться тому, что суфии неустанно говорят об этом из века в век?

Дело в том, что у многих людей имеются личные и общественные приоритеты. Их воплощения люди будут добиваться через те каналы и теми способами, какие сочтут подходящими. Однако, как правило, человек, придерживающийся Пути суфиев или любой другой реальной специализации, действует совершенно иначе.

Суфии присутствуют здесь не для удовлетворения чьих-то требований. Их миссия — поделиться тем, что у них есть. Эти два аспекта не всегда совпадают.

РАЗДЕЛ I

ИЗЖИТЫЕ ТЕХНИКИ

В.: Имеет ли какую-нибудь ценность изучение учения и деятельности суфиев, а также других систем прошлого? Некоторые из них, что называется, «вымерли», иные кажутся принадлежащими минувшему веку и потому неприменимыми.

О.: Смысл есть в изучении того, что действительно применимо к современным условиям. Естественно, это означает, что предписывать материалы или их части для изучения могут только те люди, которые понимают, что означают указанные документы, для кого предназначены и каким должно быть их действие. Это, в свою очередь, означает, что простая имитация бесполезна. Суфийская учеба состоит в предписании, а не в имитации или даже традиции. Между прочим, в суфийском смысле нет ничего, что может «вымирать». Медицинский рецепт, например, не «отмирает», он заменяется другим. Вообще говоря, все зафиксированное (например, на бумаге) принадлежит прошлому. В отличие от врачебных рецептов, «условия», для которых были прописаны суфийские упражнения прошлого, вероятнее всего, сегодня не повторятся. Мы не имеем дела с телесными болезнями.

Таким образом, мы возвращаемся к вопросу об учителе и его компетенции. Важность этого момента трудно переоценить, поскольку, будучи осведомленным в данной области, вы действительно можете разглядеть ложного или заблуждающегося учителя, просто отметив для себя, что тот, кто всего лишь побуждает других повторять суфийские упражнения, предписанные десятки, сотни или даже тысячи лет назад, вообще не суфийский учитель. Возможно, он традиционалист, последовать религии или адепт церемоний, но в таком случае он не сможет способствовать развитию суфийского восприятия ни в себе, ни в других. Традиция, цвет, движение и так далее, несомненно, привлекательны. Иногда они даже могут оказать терапевтический эффект. Но это не суфийская деятельность, а вырождение ее внешних сторон. С таким же успехом мы могли бы наполнить аптечный пузырек водой и любоваться этикеткой. Но какой в этом смысл, разве что психологический эффект плацебо, а ведь он может быть получен практически любым способом. Кроме того, духовного плацебо не существует.

ВЕРБОВКА И ОБРАЗОВАНИЕ

В.: Писали ли вы когда-нибудь о важности суфийского знания в наши дни?

О.: Вплоть до недавнего времени — очень мало. Причина заключается в том, что, если вы отождествляетесь с какой-либо позицией, найдется немало желающих покритиковать ее, и люди перестанут принимать вас всерьез. В результате пострадает ваше дело, если, конечно, вы не заручитесь поддержкой обусловленных сторонников, что в итоге приведет к созданию еще одной разновидности социальной группы. Таким образом, вы послужите укреплению племенной ментальности, но сведете на нет ценность знания. Поэтому, вместо того чтобы предлагать то, о чем вы говорите, я немало потрудился, делая определенные факты прежде всего известными и доступными пониманию. Эта деятельность принесла значительные дивиденды. Общий объем информации увеличился, и сведения, дотоле недоступные, перераспределились между людьми, минуя их личные предубеждения.

Я хочу, чтобы у людей была информация до того, как они решат призвать свои желания к поклонению или противостоянию какой-либо личности, традиции или системе. Именно этим вербовка отличается от образования.

ПОНИМАНИЕ СЕБЯ

Люди жаждут понять себя. Часть суфийской подготовки предназначена для того, чтобы сделать это возможным, ибо явная глупость большинства из нас почти универсальна. С этой точки зрения имеет смысл обратить внимание на определенные подходы, так как в этой сфере вполне возможен, хотя и не неизбежен, вариант, что люди могут учиться на примере поведения других.

Важнее всего осознать, что мы должны изучать желания и потребности приходящих к суфиям людей. Желания не обязательно совпадают с потребностями, даже если предположить, что они являются топливом и стабилизаторами нынешнего состояния обращающегося.

Вот передо мной подборка писем от некоего человека, который выразил желание поработать с нами над фильмом о жизни Аль-Газали. У него есть опыт в режиссуре, и он полагает, что, помогая нам, сможет сделать вклад в нашу работу, а работая со специальными материалами, и сам может многому научиться.

В ответ мы проинформировали его, что, как бы теоретически ни был желателен такой проект, мы уже вовлечены в предприятия подобного рода. Еще важнее то, что мы не можем позволить себе работать над проектами такого рода с человеком, обладающим лишь внешними восприятиями. Иными словами, суфийские фильмы должны быть инструментальными, спланированными для достижения определенного результата. Подобный фильм под силу сделать только суфиям, которым совсем не обязательно выбрать в качестве режиссера именно этого соискателя. Выраженный интерес к указанному вопросу сам по себе квалификацией не является.

А вот переписка с одним дружески настроенным ученым. Он просит у нас помощи (и предлагает нам свою) в поиске и публикации сведений об одном суфийском ордене. На это предложение мы ответили, что суфии пользуются рассчитанными методами. Настоящее время, место и люди не позволяют нам заняться этой специфической деятельностью.

Третий ворох предложений пришел от некой леди, которая написала книгу о нашей работе и просит разрешения цитировать опубликованные нами материалы, поскольку хотела бы высветить некоторые важные моменты — «для того, чтобы нас могли лучше узнать и понять». Мы написали ей, что есть два типа материалов о суфизме, — те, что написаны с внешней точки зрения, и те, что созданы для последующей суфийской деятельности. Последние могут вообще не выглядеть суфийскими книгами, но они вышли из-под руки людей, достигших особого прозрения. Обзорения или пропагандистские книги вообще не являются суфийскими, поэтому

мы не можем поддерживать их. Нас даже можно назвать полными невеждами в отношении подобной литературы. Далее мы проинформировали эту корреспондентку, что включать наши материалы в ее книгу будет не только бесполезно для нашей работы, но и введет многих в заблуждение, создав у читателей представление, что данная книга санкционирована нами.

Наконец, вот письма от религиозного деятеля, который предполагает, что все виды духовности одинаковы, и пытается вразумить нас, чтобы мы смягчили нашу «жесткую позицию» по отношению к различным убеждениям и видам деятельности в сфере религии.

Все перечисленные подходы имеют нечто общее, не воспринимаемое самими авторами, хотя, возможно, сторонний наблюдатель способен разглядеть то, что их объединяет.

Первая очевидная характеристика: каждый из упомянутых людей предполагает, что делает нечто полезное, не зная в точности, так это или нет. Во-вторых, они исходят из предположения, что мы работаем так же случайно и на столь же поверхностном базисе, который единственно им известен: то есть фактически они заведомо отказывают нам в видении перспективы; в-третьих, они предполагают, что какой-то отдельный аспект, объект и т. д. может сыграть положительную роль в нашем деле; четвертое предположение — что мы работаем не по плану; пятое — что нет иного плана, в котором данный человек мог бы участвовать; шестое — что он может начать с середины. То есть они полагают, что способны усвоить идею, и то, что она будет ему полезна без какого-либо абсолютно необходимого обучения, которое только и может подготовить кого бы то ни было к участию в программах подобного рода.

Короче говоря, такому человеку надо было бы озаботиться следующими вопросами: «Могу ли я учиться? Что я могу делать, если вообще что-то могу?»

Все суфии вначале учат этому, но их указаниям тяжело следовать, так как прямое утверждение: «сначала вам нужно делать нечто иное» — очень часто воспринимается Командующим Я в качестве отказа или вызова, а не того, чем оно в действительности является, — конструктивным описанием нынешнего положения и потребностей данного человека, сделанным из самых лучших побуждений.

Именно это лежит в основе понятий Taubat (Таубат) — в данном случае — раскаяние, отказ от невежественных предположений и Khidmat (Хидмат) — служение, что в данном контексте означает: воздержание от неуместного — наилучшее служение самому себе так же, как и служение Истине.

КРИТИЦИЗМ И ОБУЧЕНИЕ

В.: В своих книгах и историях об учебных взаимодействиях с искателями суфийские учителя часто сетуют на проблемы в общении с людьми и постоянно критикуют собственных последователей и всех прочих. Если дела обстоят так плохо, есть ли надежда, что обучение вообще начнется?

О.: Во-первых, то, что некоторые люди считают критицизмом, также можно рассматривать в качестве описания ситуации;

во-вторых, описание людей и их поведения уже само по себе является неотъемлемой частью обучающего процесса. Когда вы становитесь свидетелем такого диалога, или слышите, или читаете о нем, вы фактически наблюдаете как разворачивается обучение, поэтому вопроса «когда оно начнется?» не существует. Эффект обучения частично проявляется в том, что человек начинает наблюдать подобные вещи. Если же он по-прежнему их не замечает, то это не значит, что обучение не действует, а означает, что вы не учитесь.

В.: Таким образом, похоже, что тот, кто не видит подобных вещей, не может быть обучен?

О.: Вовсе нет. Не увидеть чего-то одним способом, или в одной какой-то ситуации, или

одним из множества способов, или во многих ситуациях — еще не показатель неспособности к обучению. В обучении настойчивость учителя идет рука об руку с настойчивостью ученика в учении. Самые разнообразные подходы, применяемые к людям, способны выявить различные их грани по отношению к обучению, с тем, чтобы они могли начать в конечном счете учиться. Возвращаясь к первому вопросу, можно сказать, что фактически ученика часто принуждают отказаться от некоторых подходов, и само по себе это уже может заставить человека прекратить играть в игры и побудить серьезно сосредоточиться на том, чему его обучают. Но если из-за споров или пререканий все перечисленные усилия не сработают, то он учиться не сможет. Вот почему философ-диалектик не способен научить чему-либо на суфийском Пути, так же как интеллектуальные или эмоциональные подходы учеников не могут принести иных результатов, кроме взаимно стимулирующих реакций, которым нет места в суфийской обучающей ситуации. Отсюда и возникает необходимость устранить их или подавить той разновидностью «критицизма», о которой вы упомянули.

ЗАЧЕМ МНЕ МЕНЯТЬСЯ ПРЯМО СЕЙЧАС?

Жил-был один купец. Однажды он приобрел пару башмаков. Он ходил в них до тех пор, пока почти совсем не износил. Но так как они были очень удобны, он поставил на них заплатки и продолжал носить, пока и починка не изорвалась в клочья. Поверх старых заплат были поставлены новые и, хотя скупцы и люди, не утруждавшие себя размышлениями о жизни, одобряли его экономность, башмаки стали неуклюжими и неприглядными и поднимали тучи пыли на дороге. Когда прохожие жаловались на пыль, купец всегда отвечал: «Если бы на дороге не было пыли, башмаки бы ее не поднимали, — идите к властям и жалуйтесь на дороги!»

Башмаки сильно шумели, топая по улице, но большинство людей привыкло к этому, другие были в меньшинстве, но и они в конце концов тоже притерпелись.

Итак, столько людей одобряли бережливость купца и столь многие смирились с неудобствами, что остальные мнения не принимались в расчет. И сам купец, и все остальные стали считать само собой разумеющимся, что его башмаки и должны быть такими, как есть. Это стало настолько обычным, что должно было случиться что-то совершенно из ряда вон выходящее, чтобы заставить всех взглянуть на вещи по-другому. И, вполне естественно, однажды «что-то» и начало происходить. Как-то раз, по случаю, наш герой очень дешево купил партию редкой стеклянной посуды, полагая, что сможет выгодно перепродать ее. Желая отметить эту удачную сделку, он решил пойти в турецкие бани и хорошенько попариться. Пока купец был в бане, ему пришла в голову мысль, а почему бы с прибыли от продажи посуды ему не купить новые башмаки. Но затем он прогнал эти фантазии, сказав себе: «Башмачки мои еще послужат».

Тем не менее идея эта как-то застряла у него в голове и неким образом, как мы увидим далее, повлияла на мысли купца, судьбу его башмаков и посуду, да и на многое другое. Сначала, уходя из бани, совершенно автоматически сунул ноги в пару очень дорогих сандалий и в них пошел домой. Произошло это потому, что он вышел не в ту дверь и оказался в другой прихожей, где на месте его ужасных башмаков стояла обувь главного городского судьи.

Выйдя из бани и не найдя своих роскошных сандалий, судья стал искать пропажу, но единственное, что он нашел, — это страшные башмаки купца, в которых ему и пришлось дошлепать до своего дома. Конечно, как и все в городе, он сразу узнал, кому принадлежат эти чудовища.

Быстрее, чем об этом можно рассказать, судья вызвал купца в суд и оштрафовал его на огромную сумму за воровство.

Дрожа от негодования, купец прибежал домой, подошел к тому окну, что выходило на реку,

и выбросил свои башмаки в воду. «Теперь, — подумал он, — я избавлюсь от этого орудия злого рока и смогу избежать его злосчастливого влияния». Но сила башмаков на этом не исчерпалась...

Вскоре какой-то рыбак, вытащив из воды свою сеть, увидел застрявшие в ней туфли. Из-за множества гвоздей, которые были вбиты в них в процессе бесконечных починков, башмаки купца отличались немалым весом и конечно же сильно повредили рыбацкую сеть.

Сразу узнав, чья это обувь, — как ее узнал бы кто угодно в том городе, — возмущенный рыбак пришел к дому купца и швырнул башмаки в окно. Они приземлились прямо на драгоценную посуду, разбив ее вдребезги.

Увидев, что произошло, купец чуть не взорвался от ярости. Он пошел в сад и стал рыть яму, чтобы навсегда похоронить свои коварные башмаки.

Когда соседи увидели его за столь необычным занятием, они тут же доложили городскому голове, что купец, по-видимому, ищет в своем саду клад, а по закону той страны все клады принадлежали государству. Убежденный, что здесь пахнет немалой добычей, городской голова тут же одолжил денег под будущий барыш и купил сервиз тончайшего фарфора, на который давно положил глаз. Затем он вызвал к себе купца и велел ему сдать золото.

Купец объяснил, что всего лишь хотел избавиться от проклятых туфель. Тогда городской голова приказал перелопатить весь сад и, ничего не найдя, присудил купцу уплатить компенсацию за доставленное беспокойство, в какую сумму входила стоимость фарфора, расход на произведенные в саду работы плюс небольшая плата за время, потерянное властями.

После этого купец унес башмаки далеко за город и выбросил в канал. Поток вынес их в ирригационную систему, где они перекрыли трубу, по которой вода поступала в королевский сад. Все цветы погибли. Когда садовники нашли и узнали башмаки, купец был вызван в суд и опять оштрафован на баснословную сумму.

В отчаянии несчастный разрезал туфли пополам и закопал каждый кусок на одной из четырех мусорных свалок города. Случилось так, что четверо псов, копаясь в отбросах, нашли по половинке башмака, принесли их к дому купца и стали лаять и выть, требуя награды. Эти собаки были так агрессивны и навязчивы, что люди не могли ни глаз сомкнуть, ни выйти на улицу. Когда псов утихомирили, купец пошел в суд.

«Досточтимый судья! — сказал он. — Я хочу официально порвать с этими башмаками, ибо сами они меня в покое не оставят. Поэтому прошу выпустить распоряжение, официальный документ, который будет подтверждением, что все сделанное ими или при их участии, впредь не будет иметь ко мне никакого отношения!»

Судья обдумал это дело. В конце концов он объявил: «Так как я не нашел в книгах ни одного прецедента, позволяющего предположить, что башмаки — это личности в каком бы то ни было смысле, чтобы им можно было что-то разрешить или запретить, я не могу удовлетворить вашу просьбу».

Однако довольно странно, что как только купец обзавелся новыми башмаками — а все это время он ходил босиком, — неприятности оставили его.

Здесь, конечно, и заключен ответ на вопрос: «Зачем мне менять мои убеждения, образ жизни или мысли прямо сейчас?»

На такие вопросы можно ответить только аллегорически, утверждая, что многие случайности — это результат нашего бездействия. Но внешние события, к сожалению, не столь очевидно связаны с нашим поведением, как башмаки со своим купцом. Ведь, если бы все было так очевидно, никто не стал бы задавать подобного вопроса, не так ли?

В.: Что думают суфии о противоречиях между наукой и философией и, по аналогии, между соответствующими группами людей, предлагающими различные проекты по переделке мира? Систем очень много, хотя мы, без сомнения, можем их оценить — ведь мы, так сказать, наниматели.

О.: А вы не слышали истории о двух банщиках-массажистах, их хозяине и клиенте? Древний автор Хамадани в своем произведении *Maqama of Halwan* весьма тонко касается этой темы, показывая, насколько сильны и одновременно поверхностны и неуместны подобные системы при отсутствии знания.

БАНЯ

Один человек, возвращаясь из паломничества, пришел в какой-то город и стал искать баню получше, с хорошими банщиками, где можно было бы восстановить силы, помыться горячей водой и умаститься благовониями.

Наконец он оказался в заведении, которое славилось по всему городу. При входе нашего путешественника встретил служитель и, согласно обычаю, помассировал ему лоб глиной, после чего ушел. Тут же вошел другой массажист и стал растирать и мять клиента.

Вскоре вернулся первый и набросился на своего коллегу.

«Оставь эту голову — она моя!» — воскликнул он.

Второй возмутился. Они сцепились и покатались по полу.

«Это моя голова, — кричал первый, — ведь это я мазал ее глиной!»

«Вовсе нет, — возражал второй, — я тер тело, на котором сидит голова!»

Наконец, устав драться, они позвали хозяина заведения, чтобы тот их рассудил. Он, в свою очередь, спросил клиента, кому из банщиков, по его мнению, принадлежит голова.

«О господи! Да никому она не принадлежит — она моя!» — закричал путешественник.

Но хозяина бани это просто взбесило, и он заорал своим работникам:

«Будь проклят этот мерзавец с его никчемной головой, — не понимаю, что вы с ним возитесь! Пусть идет к черту...»

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА

В.: Насколько долго на самом деле длится процесс развития человека?

О.: Столько, сколько потребуется для того, чтобы учитель, каждый человек в отдельности и группа в целом достигли нужной гармонии. В ваших терминах это может быть десять минут или десять лет — возможно, больше, возможно, меньше.

В.: Говорят, только один человек из ста тысяч может достичь цели.

О.: Говорят?

В.: Верно ли это?

О.: Для нас и тех, кто с нами, это неверно. Я не отвечаю за то, что говорили другие люди в другие времена, в других местах и ситуациях. Если вы хотите сваливать в кучу все, что кто-либо сказал вам или еще кому-то, и затем использовать полученное, вы, возможно, коллекционер или составитель антологий, но не Искатель в нашем понимании данного термина.

В.: Но я никогда раньше не слышал ничего подобного. Разве учения великих мыслителей прошлого уже не содержат в себе истину?

О.: Они все еще содержат ее, так было и будет всегда, но только по отношению к тем условиям и тем ученикам. Понимание и использование подобных учений зависит исключительно от правильного опыта и способности тех, кто пытается их применять. К

сожалению, и условия, и искатели изменились. Соответственно, и курс обучения больше не пригоден.

КАЧЕСТВО ПОИСКА

В.: Не лучше ли потратить время, может быть даже годы, пытаясь найти хоть какую-то истину, чем вообще ничего не делать?

Ведь нельзя сказать, что ничего не получаешь, проводя время за книгами или общаясь с людьми, связанными с эзотерическим, или высшим, поиском?

О.: Если человек идет неверным путем в своем поиске, то пользы, скорее всего, не будет, а вот вреда — с лихвой. Этот вопрос часто повторяют люди, которые жаждут заверений и утешений.

Если они готовы посмотреть истине в лицо, то вот продолжение ответа: вы думаете, что, потратив годы на книги и людей, обязательно должны чего-то достичь? Наш опыт показывает, что этот вывод неверен.

«Осел, съевший дыню, остается ослом», «Ты никогда не достигнешь Мекки, потому что эта дорога ведет в Самарканд» — таковы два высказывания, предназначенные для иллюстрации положения некоторых подобных людей. Что же они в действительности получают, кроме чувства, что обрели нечто?

Сами они обычно заверяют, что почувствовали себя лучше, счастливее, более способными «помогать другим». Существует много вариантов подобных ответов. Действительная ситуация такова: пока они не узнают, сколько они приобрели и куда теперь направляются, это «обретение», если таковое вообще имело место, в лучшем случае является латентным. В настоящий момент его вообще нельзя считать полезным. Оно ничего не значит до тех пор, пока не будет активизировано путем гармонизации с осмысленной деятельностью в реальной традиции.

Я встречаю многих людей, упорно работающих в этом направлении. Они трудятся столь усердно, что не замечают, как в определенный момент превосходят уровень конструктивной деятельности. Им были бы нужны иные формы развития, но, повторяя одно и то же, они деградировали настолько, что превратились в бесполезных личностей, хотя сами, возможно, чувствуют себя полезными и ухитряются передавать это чувство другим.

Наихудший результат подобного варианта развития являют собой люди, страдающие туманными, спорадическими, незавершенными контактами с «невидимым миром». В действительности такие чувства являются всего лишь искажениями, или всплесками, потенциала, которые присущая человеку субъективность наделяет фантастическими, извращенными сущностями и смыслами, при этом часто пытаясь создать соответствующую систему. Наиболее опасные из упомянутых людей ищут себе подобных или «доказывают» свой опыт на примерах из литературы.

Все они страдают замаскированным высокомерием.

МИР

Люди следуют всевозможным верованиям, или системам, меняя одно на другое, и каждый раз уверены, что получают ответ, некое откровение, способное разрешить все проблемы. Например, на Западе, сначала люди следовали религии, затем оставили ее ради «разума», потом сделали ставку на индустрию и, наконец, — на технологию. Они вряд ли излечатся от этой привычки, не отказавшись от поиска панацеи.

Как-то раз один человек отправился на рынок с отарой овец и мешками с зерном. Он продал зерно, спрятал полученные деньги и стал искать, кто бы купил его отару. Тут к нему подошел некий мошенник.

«Я знаю человека, который как раз хочет купить такую отару, — сказал он крестьянину и повел его к каким-то воротам.

«Подожди-ка здесь, а я загоню овец во двор, чтобы хозяин посмотрел на них. Меня-то он знает, а ко всякой деревенщине относится с недоверием», — сказал мошенник.

Он загнал овец во двор, вывел задворками на другую улицу, после чего быстро продал по дешевке.

Переодевшись затем паломником, мошенник поспешил туда, где стоял простофиля, который только сейчас понял, что его обманули. Подойдя поближе, вор заорал ему в самое ухо:

«Добрый человек, минуто назад я видел проходимца, точь-в-точь как вы описываете, он загонял в сарай отару овец, очень похожую на вашу. Пойдемте со мной, я покажу вам, где это».

Они подошли к большому сараю, и мошенник сказал:

«Заходите скорее, а я подержу вашу лошадь».

Как только крестьянин зашел в сарай, чтобы забрать своих овец, вор вскочил на лошадь и был таков. На базаре он продал коня за десятую часть цены.

После этого, переодевшись в платье ученого, вор вновь отыскал несчастного крестьянина. Тот, обезумев от горя, бегал туда-сюда и кричал, что его обокрали.

«Мой бедный друг, неужели у вас ничего не осталось?» — спросил жулик.

«Ну, у меня тут деньги, которые я выручил за зерно, так что пойду-ка я лучше домой, в свою деревню, и буду считать, что мне еще повезло».

«Надо же, оказывается, нам по пути, — сказал обманщик. — А я вот несу деньги на строительство новой школы».

Показав сумку, которую предварительно наполнил камнями, он добавил:

«Давайте путешествовать вместе, так будет безопаснее».

Крестьянин согласился, и они отправились в путь.

Через некоторое время, проходя по мосту через бурную реку, вор как бы случайно уронил сумку в воду.

«О-о! — закричал он, — все пропало. Я слишком стар и слаб, чтобы лезть в реку. Денег нет. Меня ждет позор».

«Я достану вашу торбу, — сказал крестьянин, — если вы дадите мне десятую часть ее содержимого».

«Конечно», — согласился негодяй.

Крестьянин разделся и оставил одежду и выручку лежать на мосту.

Вор забрал все его добро и скрылся.

Выбравшись на берег, голый и мокрый, крестьянин заглянул в сумку и обнаружил, что в ней одни лишь камни.

От пережитого шока рассудок его окончательно помутился. Теперь бедняга убежден, как мне сказали, что и он сам — то последнее, что у него осталось, — может быть, кем-то украден. Он бродит по улицам, требуя свое добро назад и проклиная вора, которого так часто принимал за друга.

КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ

В.: Что плохого в том, чтобы следовать по пути, по которому в прошлом прошли тысячи, даже миллионы людей?

О.: Ничего, при условии, что вас устраивает ситуация, в которую попал один человек, проследовавший в Лондонском аэропорту тем же маршрутом, что и миллионы людей до него.

В.: А что с ним случилось?

О.: Следуя указателю «на посадку», он прошел вперед, поднялся по трапу, вошел в самолет и уже в воздухе спросил у стюардессы:

«Где можно пересестъ на рейс до Рима?» «Увы, теперь вы сможете сделать это, только когда мы приземлимся, — в Токио», — ответила она.

ОСЕЛ И ВЕРБЛЮД

В.: Люди усердно изучают проблемы истории и современности. Они учреждают всевозможные организации и институты в целях обеспечения справедливости, здоровья, образования, мира и многого другого. Почему же получается так, что ужасные проблемы не только не исчезают, но, наоборот, постоянно множатся, порождая все новые и новые?

О.: Вы, очевидно, не слышали историю об осле и верблюде.

Однажды шли вместе осел и верблюд. Верблюд шел большими шагами, осел же торопливо семенил, то и дело спотыкаясь. Наконец, осел спросил своего спутника:

«Как же так: я все время оступаюсь, падаю и ушибаюсь, несмотря на то, что внимательно смотрю под ноги. Ты же, вроде и не обращаешь внимания на дорогу, смотришь исключительно на горизонт, а идешь так быстро и в то же время неторопливо?»

Верблюд ответил:

«Твоя проблема в том, что у тебя слишком короткие шаги и ты замечаешь какие-то помехи на пути слишком поздно, чтобы скорректировать движение. Ты смотришь на все вокруг, но не оцениваешь того, что видишь. Ты думаешь, что спешка — это скорость, и воображаешь, что посмотреть — значит увидеть, полагаешь, что видеть близкое — это то же самое, что видеть далекое.

И еще тебе кажется, что я всматриваюсь в горизонт. На самом деле я просто пристально смотрю вперед, чтобы спланировать свои действия, когда далекое станет близким. Я также удерживаю в памяти произошедшие события, и мне не надо оглядываться назад и спотыкаться дважды. Таким образом, то, что кажется тебе трудным или непонятным, становится легким и ясным».

Те, кто полагает, что могут научиться улучшать себя или свою участь сиюминутными средствами, подобны этому ослу. Помимо всего прочего, это означает, что они, во-первых, не только не видят будущего, но и не вглядываются в него, а во-вторых, навязывают себе определенный темп, даже не оценивая результатов своего движения, будь они конструктивны или нет. Осел — это обычный человек, верблюд — суфий.

КОТОРЫЙ ЧАС

В.: Почему вы используете цитаты из книг современных писателей и из газет, если суфийские идеи давным-давно были достаточно хорошо сформулированы?

О.: Полагаю, современный анекдот будет наилучшей иллюстрацией. Жил один торговец наручными часами. Он заметил, что часы хорошо покупали горожане, которые имели представление о времени, а у деревенских жителей его товар не пользовался особым спросом.

Однажды наш герой оказался в деревне. Поодаль колол дрова крестьянин. Торговец дал себе слово, что покажет этому деревенскому простофиле, насколько необходимы часы.

Поэтому он крикнул:

«Эй, дружище, который час?»

Старик оглядел кучу дров и ответил:

«Поленьев двадцать до обеда».

УЧИТЕЛЬ

Учительству присущ ряд особых свойств. Это довольно сложный вопрос, хотя, по сути, и простой. Я имею в виду, что можно потратить сотни тысяч слов и только слегка коснуться его, а можно понять и без слов, — все зависит от подхода.

Давайте обратим внимание на такой момент: когда суфийский руководитель учит, он временами находится «в мире», потому что ему надо поддерживать контакт со своим окружением. Когда он сам учится, то следует «дуге восхождения», после чего на «дуге нисхождения» завершает цикл и оказывается среди людей. Теперь он — преображенный. Это означает, что, хотя его внешнюю форму и даже, частично, сущность, можно увидеть, реальная глубина подобного человека открывается только тому, кто достаточно развит, чтобы понять и воспринять ее.

Здесь содержится нечто больше, чем просто аналогия с обучением или руководством в других областях, так как лидерство в обычном мире — лишь «тень», или искажение, сущности учительства.

Если вы хотите обучить ребенка или ученика чему-то, что вы знаете, а он нет, вам придется снизойти до «его уровня» и медленно поднимать этот уровень. Кроме того, вам придется освободиться от вовлеченности, чтобы смотреть на вещи объективно. Это верно как для экстраординарного, так и для ординарного мира: поэтому учитель в некотором смысле (или, как кажется, во многих смыслах) является посторонним по отношению к человеческим массам или, что называется, был выведен из их среды. Он принадлежит и одновременно не принадлежит ей. Его взаимоотношения с людской массой подобны отношению чистого золота и руды.

Он не «на своей земле» потому, что его земля уже возделана. Концепция такой «отдельности» становится понятной, если взглянуть на духовных и иных учителей с точки зрения общей для них закономерности. На время оставим в стороне вопросы различий между ними или их подлинности, отвлечемся от их качеств, национальных особенностей или различий в учениях. Взглянем на людей.

Будда учил за пределами своего королевского дворца. Прежде чем начать учить, он отделился от своей «земли», как это делали пророки и многие другие личности. Наполеон прибыл во Францию с Корсики; Иисус пришел из Назарета и в конечном счете — из-за пределов того, что считается «нашим миром», или землей. Необходимо ощутить все нюансы данной «чуждости», как называют ее суфии, для того, чтобы постичь парадокс «спасителя издалека» и задействовать эту идею в организме, где такой спаситель появляется.

НОЖ И ВИЛКА

В.: Я заметил, что в лекциях вы называете западные адаптации восточных учений, такие как христианство, поверхностными и выхолощенными переделками. Но не станете же вы отрицать, что любая вещь, которой мы хотим пользоваться, должна быть адаптирована к местным условиям?

О.: Дорогой друг, довольно забавно, что на ваш вопрос (хотя и не преднамеренно) уже ответил лорд Хоув (ранее — сэра Джеффри), высказываясь по несколько иному поводу.

Он сказал: «Вряд ли мы сумеем сделать каннибала цивилизованным человеком, просто

научив его пользоваться ножом и вилкой».

Дело ведь не в самой адаптации, а в том, соответствует ли она возможностям, или даже не принесет ли вреда.

МИСТИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ

В.: В чем суть повторений мистических речитативов? Они, кажется, существуют во всех религиозных и магических традициях, как в примитивных, так и развитых.

О.: «Суть», как вы это называете, полностью зависит от применения, которое должно соответствовать истинной природе используемого средства. Одна суфийская история проясняет подобную «суть».

Один человек, желая узнать секреты суфиев, взобрался на кровлю дома, в котором суфий давал ученику индивидуальное задание. Подслушивавший разобрал следующее указание суфия: «Повторяй 77 раз в день слова: “А стоит ли?”».

Шпион слез с крыши и решил применить свое новое знание. Он стал повторять подслушанную фразу в точности, как было предписано другому человеку. Однако это изречение было предназначено не для него, ибо вскоре он был уже не в состоянии произнести что-либо еще. Всякий раз, заходя в лавку за покупками, он говорил: «А стоит ли?», пока его наконец не прогнали из города. Ему пришлось жить за городскими стенами, питаясь дарами природы.

Однажды он нашел на земле клочок бумаги и, все еще будучи одержим своей фразой, написал на нем:

«”А стоит ли?” — это тайная фраза суфиев, которую следует повторять».

Случилось так, что начальник королевской стражи, также жаждавший овладеть суфийским знанием, проезжал мимо и увидел на земле этот листок. Он поднял его, прочел и отправился дальше, усердно повторяя мистическую формулу. Вскоре начальник стражи прибыл во дворец короля. Как раз в это время правитель обдумывал план предстоящего военного наступления, а военачальник совершенно автоматически продолжал произносить подхваченную фразу вслух.

«Что ты сказал?» — спросил король.

«Я сказал: “А стоит ли?”» — ответил офицер.

Король приказал отрубить ему голову за пораженческое настроение.

Отцом-прародителем людей, верящих, что суфийскому знанию можно обучить с помощью только лишь механического заучивания, стал тот самый человек, который подслушал суфийскую фразу. Вновь и вновь находят листок бумаги, и о его содержимом написали множество книг. Основоположник, естественно, не указал в своей записке (да он и не знал этого), что фраза была предписана определенному человеку. Вот почему так много людей берутся повторять ее, пытаясь привести в действие скрытую в ней силу.

ПОВТОРЯЕМЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Много времени и сил, посвященных исследованию высших восприятий, расходуется на разработку экспериментов, которые могли бы дать повторяемые результаты. Однако зачастую это похоже на попытки накормить лошадь по телефону: цель, возможно, и благородна, мотив известен, но выбранный метод неправилен и вряд ли достигнет цели.

Цель и то, насколько она благородна, зависит от ориентации экспериментатора. Некоторые люди считают благородным делом «увеличивать объем знания», отыскивая повторяющиеся явления и выводя из них общее правило, закон или принцип.

Но что касается суфийского опыта в области экстрасенсорных явлений, то здесь суфии

провозглашают иной принцип. Их изучения показывают, что, преследуя явления дальше определенного предела, мы начинаем получать все меньше положительных результатов. Это происходит потому, утверждают они, что объем знания о локальном феномене имеет свои ограничения. По их мнению, детальное или вторичное воспроизведение паранормального явления очевидно показывает, что таким путем далеко не уйдешь. В этом случае холистический подход может оказаться более плодотворным.

Научный подход чаще всего опирался на принцип, который можно выразить следующей фразой: «Я заставлю это явление раскрыть свои тайны». Но суфийская позиция звучит иначе: «Пусть реальная истина, какой бы она ни была, откроется мне».

Первый способ — «героический». Он предполагает, что мы должны пытаться делать что-то, не имея необходимого знания, второй — «самоэволюционный». Мы приспособливаем себя к восприятию того, что необходимо воспринять, — здесь нет места героизму.

При втором способе опыт необходим прежде, чем появится возможность воспринять знание. При первом — опыт сам по себе обеспечивает знанием. Из истории о профессоре и ковре можно получить представление об одной ловушке на пути героизма. В этом рассказе некий господин, используя только те данные, которые получил сам, выводит общие законы.

Один профессор потерял книгу и нигде не мог ее найти. Однажды, сняв шляпу, он зачем-то стал скатывать ковер, вдруг увидел на полу пропавшую книгу.

Урок не прошел для него даром. Вскоре после этого случая кто-то пожаловался ему, что потерял дорогое кольцо.

«Ничего страшного, — сказал профессор, — сделайте то же, что и я, это дает результат. Снимите шляпу и скатайте ковер — и вы сразу же найдете кольцо».

Ученые, настаивающие на повторяемости экспериментов, конечно, не попадут в эту ловушку. Но рассматривается ли иная ловушка, проявляющаяся в привычке полагаться на механичность в стремлении к повторяемым экспериментам, а ведь это само по себе нарушает природу тонкого явления, которое люди намереваются воссоздать.

Членам подлинных мистических школ конечно же известно, что, пытаясь заставить какое-то событие произойти, мы успешно не даем ему случиться. Возможно, придется совершить еще множество попыток взять штурмом небесные врата, прежде чем к нам придет осознание того, что с помощью данного метода мы надежно их закрываем.

Притча о профессоре не так уж неуместна в качестве аналогии ученого, особенно если принять во внимание, что отображенный в истории персонаж полагается на некий способ, обреченный на полную неудачу, в рамках опыта других людей. В то же время, возможно, сами результаты подобных экспериментов (и положительные, и отрицательные) пытаются «что-то вам рассказать».

Есть одна известная басня о Стране Дураков. Деревенские простаки решили подвинуть свое жилище на пару аршин. Они разделись до пояса, положили рубахи на землю в качестве ориентира там, где собирались поставить дом. Потом крестьяне обошли строение и стали изо всех сил толкать его к своим рубахам. Решив посмотреть, насколько сдвинулся дом, они возвратились туда, где лежала одежда, и обнаружили, что ее нет. «Рубах нет! — закричали они, — значит, мы передвинули дом слишком далеко — и он их накрыл!» На самом же деле их одежду стащил вор.

КАКИМИ ВЕЩИ КАЖУТСЯ

В.: Когда я впервые встретил вас и услышал, как необычно вы говорите об обычных вещах, то был озадачен. Я часто думал, что все услышанное — не более, чем интеллектуальное

упражнение. У меня был соблазн выкинуть все это из головы.

Затем я сказал себе: «Возможно, в этом что-то есть. Не сужу ли я слишком поспешно?» В процессе наших дальнейших встреч мне стало казаться, что предо мной разворачивается некая цельность. То, что вы говорили на прошлых встречах, казалось, обретает смысл и находит свое место в общем плане. Некоторые вещи я начал оценивать на других уровнях.

Мне трудно выразить это, но я мог бы сказать, что слово или история как бы прокручиваются в уме снова и снова, словно их сила не растратилась при попадании в цель: обстрел прекратился, но действие пуль не закончилось. Это странный опыт.

С тех пор, особенно за последние десять лет, я прочел большое количество литературы по психологии, и сейчас меня интересует вопрос, не является ли этот феномен просто продуктом моего воображения. В то же время у меня возникла идея, что в моем уме формируется нечто новое.

О.: У каждого человека есть привычка, принуждающая связывать все, что попадает в ум, с таким количеством других вещей, какое допускает его способ мышления. Вы можете интерпретировать все происходящее с вами любым способом, какой вам нравится или в каком вы нуждаетесь.

В нашем кругу разнообразие и параболическая природа воздействия организованы таким образом, чтобы достичь наименее подчиненных автоматизму частей сознания. Однако вы можете интерпретировать сам феномен в соответствии с какой угодно свойственной вам схемой мышления.

Например, объясняя это явление, различные школы психологии могут обеспечить любой набор рабочих понятий или исходных позиций, подогнанных специально под вас.

Если вы нуждаетесь в защите и уверенности, которые предлагают подобные системы, то вам их обеспечат. Мы же в действительности занимаемся тем, что лежит за формальными границами психологии, в современном ее понимании.

НЕПРАВИЛЬНО ПОНЯТЫЙ

В.: Часто говорится, что люди не понимают даже наиболее ясных, прозрачных произведений суфиев и просто приписывают им тот смысл, который, по мнению читателя, подразумевается. Как можно распознать и преодолеть эту тенденцию?

О.: Вам вряд ли нужно ее распознавать: если вы просто предположите, что она есть, то будете недалеко от истины.

Но давайте рассмотрим пример, взятый почти наугад. В своем *Vostan* («Фруктовый сад») Саади рассказывает историю о проявлении доброты к несправедливым.

Один человек решил уничтожить гнездо пчел, которое было рядом с его домом. Но жена воспрепятствовала этому. Когда же ее ужалила пчела, он упрекнул женщину за то, что она помешала ему выполнить задуманное. Саади продолжает: «Если ночные стражники проявляют доброту к преступникам, то люди не могут уснуть от страха». Он подчеркивает, что терпение к злым только увеличивает их зло.

Человеческий опыт, конечно, подтверждает, что, не обращая внимания на вредоносное, мы увеличиваем возможную опасность. Саади оставил нам совершенно ясное послание, которое вызвало всеобщее одобрение, не считая, конечно, тех, кто верит, что зло может быть побеждено бездействием или смирением.

В суфийских кругах это послание понимают так же ясно, но наделяют следующим смыслом: в мире единственное средство против несправедливости видится как противостояние ей, тогда как суфия характеризует способность понять, что такое справедливость и

несправедливость на самом деле, когда и где эти феномены действуют и какие средства, помимо поверхностной, мгновенной реакции, могут быть использованы, чтобы правильно подойти к этой проблеме.

Суфии просят вас задаться вопросом: а что в действительности происходит в мире — видите ли вы его таким, каков он есть? Основаны ли хоть в какой-нибудь степени на подобном восприятии те меры, к которым обращаетесь вы и ваши авторитеты?

УПРОЩАЯ СУФИЙСКИЕ УЧЕНИЯ

В.: Многим людям трудно понимать суфийские идеи. Может, было бы лучше изложить материал упрощенно и вводить постепенно, чтобы люди смогли привыкнуть к этому необычному способу мышления?

О.: Я думаю, что справедливости ради необходимо упомянуть об очень большом количестве людей, которым нетрудно воспринимать идеи суфиев. К тому же надо сказать, что в установлении контакта с теми, кто готов уделить нашим материалам внимание правильного характера, не является проблематичным. Я думаю, что здесь необходим правильный подход, а не упрощение. В этом вопросе мы разделяем убеждения традиционных суфиев: подходя к чему-либо, скажем, с нетерпением, беспокойством или большим количеством предположений, человек тем самым создает на пути понимания непреодолимые барьеры, и то, что другим кажется легким, для него становится чрезвычайно трудным.

Вопрос, который вы мне задали, напоминает о такой ситуации: некоторые люди, слыша что-то о ком-то и затем встретившись и поговорив с этим человеком, замечают: «Какая неприятная личность! Я-то думал, что он удивительный...» А другие в сходных обстоятельствах говорят: «Какой удивительный, а я думал, он чудовище!» Какая из этих двух оценок правильна?

Большинство культур специализируется в насаждении предубеждений. Суфий пытается помочь устранить предубеждения, чтобы появилась возможность воспринимать реальность людей и вещей. Совершенно недопустимо игнорировать факт существования подобных предубеждений (быть «за», «против» или склоняться к некоторому мнению о предмете согласно своим предпочтениям), и вместо того чтобы повернуться лицом к этой главной проблеме, искать способ «подправить» учение, — не важно как вы это называете: «упрощением» или как-то еще.

ОПАСНОСТИ ИМИТАЦИИ

В.: Что происходит, когда полнокровные учения (в отличие от обескровленных) предлагаются обществу, не имевшему ничего подобного ранее?

О.: Это следует делать с величайшей осторожностью. Один индийский йог рассказал мне следующую историю. Впрочем, я не могу поручиться, что она имела место в реальной жизни.

Некий подлинный йогин во время своего визита в Англию услышал, что другой очень популярный учитель йоги, которого многие величали «мастером», серьезно заболел.

Он отправился проведать больного и увидел, что тот лежит в кровати, окруженный своими западными учениками, сидевшими на полу в позах подобающего раболепия, с закрытыми глазами, точь-в-точь как на привлекательных фотографиях, публикуемых сегодня повсюду.

Настоящий йогин сказал:

«Сейчас я покажу вам секретные лечебные позы, которые помогут исцелить этого человека».

Самозванный йог и его последователи (они, конечно, были возбуждены этим драматичным и

волнующим вмешательством и сразу бросились подражать учителю) выполнили упражнения, показанные подлинным йогиним.

В тот же момент произошло чудо: псевдоучитель был мгновенно исцелен силой аутентичной йоги.

Вот только его ученики заболели, поскольку были не в состоянии выдержать накал продвинутой техники...

МЫШЬ И СЛОН

Вам, возможно, доводилось слышать другую (на сей раз старинную), но все еще передаваемую из уст в уста историю о любви слона и мыши.

Мышь и слон полюбили друг друга и решили пожениться, несмотря на возражения их семей.

В первую брачную ночь слон внезапно упал навзничь и испустил дух.

Мышь застонала:

«О, злосчастная судьба, теперь, расплачиваясь за краткий миг удовольствия и тонны воображения, мне всю жизнь придется рыть могилу!»

Итак, пытаясь задавать вопросы, посмотрите, способны ли вы различить в них логические противоречия и другие недостатки.

НЕВЫНОСИМАЯ МЕШАНИНА?

В.: Что можно сделать с невыносимой мешаниной, которая обнаруживается в книгах о суфиях, издаваемых в больших количествах? Часто эти труды написаны уважаемыми людьми, но авторы, однако, не принимают во внимание, что приводимые ими материалы предназначались для других эпох, культур и т. д. Результатом всего этого является хаос в литературе, посвященной суфизму. Я думаю, существует реальная опасность, что люди примут эти материалы за аутентичные произведения прошлой и настоящей деятельности суфиев.

О.: Вам следует отметить две вещи. Во-первых, у этих самозванных экспертов понимание предмета в целом находится на очень ранней стадии. Они подобны донаучным авторам, собиравшим информацию о травах и при этом путавшим ее со сведениями о драгоценных камнях. Дело не в том, что они не знают, что делают, скорее им кажется, что их деятельность представляет собой адекватное изучение. Время все расставит по своим местам, как это было с наукой о камнях и травничестве. Во-вторых, запомните: аутентичные материалы также доступны. Нужно лишь иметь толику здравого смысла, чтобы, сравнивая эти материалы с теми, против которых вы возражаете, понять, какие из них с большей вероятностью окажутся правильными. Это как раз тот исключительный случай, когда можно перевернуть закон Грэшема* и сказать: «Подлинные деньги вытесняют фальшивые».

Исключением будут доверчивые люди и всевозможные чудаки, которые предпочтут мешанину, поскольку вошли во вкус. Не наша функция «делать что-то» с этой ситуацией. Она исправляется сама собой по мере того, как правильные материалы выходят в более широкое обращение. Естественно, мы не можем защитить доверчивых или оказать поддержку неадекватным людям, однако есть специалисты и организации, чьи функции подразумевают подобное содействие.

* Закон Грэшема гласит: фальшивые деньги вытесняют подлинные. — Прим. перев.

Я думаю, что вместо чрезмерного сожаления о превратностях работы на низшем уровне мы можем позволить себе почувствовать некоторое удовлетворение по поводу того, что законные

материалы и правильная реакция на них существуют, множатся и крепнут день ото дня.

ВНЕШНИЕ АТТРИБУТЫ И СОДЕРЖИМОЕ СУФИЙСКИХ ИСТОРИЙ

В.: Я заметил, что суфийские истории сегодня широко используются во всевозможных публикациях и лекциях. Каковы преимущества и недостатки подобного взрыва интереса и возможных экспериментов?

О.: Главный недостаток упомянутого явления в том, что историю потребляют настолько поверхностно, что ее внутренняя динамика остается нереализованной и не достигает той цели, для которой предназначалась. Нам пишет все больше и больше людей, спрашивая разрешения пользоваться нашими историями или заявляя, что находят их полезными. Интересно, что во многих случаях истории неадекватно используются даже в более ординарных целях, на которые претендуют те, кто адаптирует наши материалы для применения на этом более низком уровне. В действительности происходит вот что: скажем, какой-то человек рыщет повсюду в поисках зерна для своей мельницы (чтобы она не простаивала зря), но в нем отсутствует желание истины, тогда как именно оно способно реализовать потенциал и его самого, и этих историй, не говоря уже об учениках, которых он обучает.

Можно вспомнить историю, касающуюся этой темы. Однажды некий человек собрал всех пассажиров тонущего корабля и стал им объяснять, как сделать плот, разломав спасательные шлюпки!

Не существует замены знанию. Стремление к преждевременной практике присуще не только людям, которые учат суфийские истории или ими интересуются.

Истории, подобно фруктам, обладают такими свойствами, как цвет, запах и питательность. Их действие не исчерпывается внешними эффектами (скажем, освежающим вкусом). Но если питательность плода усваивается организмом, история требует от человека, который ее представляет, особой осознанности — в этом основное различие между фруктами и историями. На начальном этапе инструктору следует держать дверь открытой, подчеркивая, что у этих рассказов есть и некое иное содержание, или напоминать, что так утверждали сами составители историй.

Люди часто сваливают ответственность на тех, кто предпочитает видеть в историях лишь их поверхностные уровни. Но это вряд ли оправдывает того, кто по собственной инициативе выхолощивает материалы, предназначенные для более высокой цели. Возьмите любую аналогию по своему выбору (когда, скажем, какая-то из высоких технологий применяется для незначительных целей), и вы увидите, каков будет ущерб и как этот процесс потворствует невежеству.

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО

В.: Я думаю, что вы опубликовали больше рассказов, касающихся древних суфиев, чем кто бы то ни было за всю историю суфизма. Однако во всех этих преданиях фигурируют люди, хорошо известные в восточной культуре, но, как правило, незнакомые Западу. Может ли в таком случае западный человек понять огромную важность работы суфийских учителей?

О.: В каком смысле?

В.: В том смысле, что если, скажем, Джунайд или Нури сказали что-то, то мы знаем, что их слова чрезвычайно важны и в самом деле истинны. Как может западный человек чувствовать это, если он не знает действительного статуса Джунайда или Нури?

О.: Если Джунайд или Нури сказали что-то, то подобное высказывание, безусловно,

объективно важно, и в учебных целях ни для кого нет необходимости знать, кто именно сказал это, и чувствовать, что данные слова истинны. Важен результат, оказываемый их изречениями.

В.: Зачем тогда вообще упоминать Джунайда или Нури?

О.: Отнюдь не с целью подтвердить истинность утверждения (авторитетом автора) или повлиять на людей, а просто для сохранения формата, с тем, чтобы к материалам могли обратиться как восточные, так и западные ученики.

НА ЧТО ЭТО ПОХОЖЕ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В.: Что делать человеку, если ближайшие друзья или супруг возражают против посещения им учебных занятий?

О.: Я предлагаю вам рассказать этим людям следующую историю.

НЕВЕРНОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Один человек, вместе с другими, по ночам регулярно посещал занятия, посвященные духовным и психологическим вопросам. Его жена протестовала и постоянно жаловалась на эгоизм и эксцентричность своего мужа.

Однажды ему удалось убедить женщину пойти с ним вместе, просто для того, чтобы она увидела, что эти собрания из себя представляют. Она сидела там, среди незнакомых людей, слушая немыслимые вещи. Наконец, когда супруги вышли, женщина сказала:

«Что за дикая чепуха! Я с трудом все это выдержала...»

«Ну, теперь, когда ты знаешь, чем мы здесь занимаемся, — ответил ей муж, — ты, конечно, больше не будешь думать, что я тут развлекаюсь?»

Эта история выявляет два момента. Первый: вещи, к которым вы не привыкли или к которым вас не допускают, выглядят неприятными или ужасными. Второй момент, вполне вероятный во многих случаях, состоит в том, что атмосфера, царящая в огромном числе подобных групп, и в самом деле способна сообщить новому человеку, что он попал в компанию ненормальных. Поэтому постарайтесь выяснить, приемлемы ли ваши товарищи по интересу для ваших родственников или других, нормальных, друзей, — это и будет неизменным тестом группы. Если да, то все хорошо и полезно. Если нет, то вам имеет смысл задаться вопросом: не попали ли вы в какую-нибудь экзотическую группу; а что, если ваши близкие возражают не без оснований?

БЕГСТВО

В.: Я стремился освободиться от «вещей этого мира» и погрузился в изучение всевозможных книг по оккультизму и эмпирическим религиозным учениям.

У меня есть ощущение, что я нахожусь на пути «обретения себя», и мне интересно, что вы думаете об этом, и правильно ли я поступаю.

О.: Доводилось ли вам слышать о человеке, который, спасаясь от дождя, прыгнул в реку?

Если вы мирской человек, то книги по оккультизму и религиозным учениям попросту заставят вас думать о духовном «по-мирскому». Вам надо учиться находить не принадлежащее миру во всем. В состоянии ли вы это делать? Очевидно, нет, иначе не задали бы подобного вопроса.

Дело не только в погружении, как вы это называете, тут важно понять, кто или что погружается. Некоторые вещи при погружении очищаются, другие — просто намокают.

ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО

В.: Как можно избавиться от пороков и недостатков, чтобы стать истинно духовным человеком, в суфийском смысле этого слова? Нам известно множество преданий о борьбе, которую святые вели с искушениями и грехами...

О.: Ничто из перечисленного вами не согласуется с суфийским пониманием, теорией, практикой или опытом в данной области. В действительности ваши слова выхвачены из полупонятых духовных упражнений, вы, что называется, сняли первую пробу.

Отметьте для себя следующее: суфийская духовность может помочь человеку иметь дело с тем, что вы называете «пороками и недостатками». Но это не означает немедленного погружения в деятельность, направленную на борьбу с искушениями. Подобные усилия не дают результата, и это лучший аргумент против них. Что же тогда дает результат? Необходимо заметить, что суфии не против, например, человеческих эмоций: они против сверхактивности эмоций, ведущей или к порокам, или к другой крайности — воображаемой святости и иллюзорному духовному опыту.

Это означает, что суфийской учебной системе поначалу необходимо склонить учащегося довольствоваться лишь минимальным количеством эмоциональных стимулов, без которых как мужчина, так и женщина будут не в состоянии выполнять те или иные жизненные обязанности, требующие эмоционального вклада. Когда это достигнуто, освобождается «полость», куда может быть «влита» функция, способная развить человека.

Многие известные религиозные системы чрезмерно упрощают положение дел. Так предполагается, например, что эмоциональность — это плохо, и совершаются попытки принудить людей разрушить свою эмоциональную жизнь. Это дает лишь иллюзорный эффект. Или эмоции направляют в русло, как полагают в таких системах, «хорошей» или «духовной» эмоциональности, что в лучшем случае, конечно, является еще одной формой самопотакания. В действительности эмоции (будь то желание успеха, потребность в достижении чего-либо или любое другое побуждение, которым питается «грех» или «порок») нужно упорядочить, как, впрочем, и любые другие стимулы, необходимые человеку. Сделав это, человек обретет в себе ничем не занятое «пространство» и этот, первый, шаг совершается в результате совместной работы учителя и ученика.

РАЗДЕЛ II

ТРИ ВАЖНЫЕ ФАЗЫ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧЕБЫ ЛЮДЕЙ

Все дела человеческие подразделяются на три «части»: общие и информационные, более специфические или специализированные, и основанные на личном опыте.

Например: в области питания — информация о пище, организация питания и потребление пищи. В области религии — информация и общая экзегеза (доктрина), далее следуют применение религиозных процедур (религиозные правила и порядок богослужения) и, наконец, личный опыт духовного.

Все религиозные системы основываются на личном опыте (первая стадия), который затем кодифицируется, или систематизируется (вторая стадия), и применяется к общине (третья стадия). Если упомянутые три области смешиваются или какая-то из них предается забвению, одни люди начинают воображать, что организация важнее всего, другие — что правила первостепенны, а третьи — что ни то, ни другое не важно, поскольку данных индивидов

привлекает только личное озарение.

Когда людей возбуждает личный опыт, они могут нападать на общественные институты или догмы, поскольку полагают, что те стоят у них поперек дороги. Проблемы с которыми сталкиваются подобные личности, фактически, обусловлены гипертрофией перечисленных выше областей, так как последние раздуваются настолько, что начинают претендовать на способность говорить от имени личного опыта, упразднять его или изменять. Истинная причина создавшегося положения объясняется нарушением баланса между указанными тремя элементами, а не тем, что тот или другой из них наиболее важен или может быть заменен другими.

Так, мы можем знать что-то о пище и иметь средства для ее получения, вкушения и переваривания. Но это не означает, что мы соответствующим образом организовали реализацию этой возможности или что способны вкушать пищу, не добыв ее вначале. Точно так же, если нам и удалось попробовать пищу, из этого само по себе не следует, что у нас есть информация или структура для ее дальнейшего распознавания или вторичного получения.

Эта простая формула так мало известна, что люди словно бы не решаются заявить о ней во всеуслышание, что было бы очень важно для восстановления баланса в стратегии подхода к обретению Истины и осознанию фактов.

«ОСЕЛ, КОТОРЫЙ ПРИВЕЗ ВАС СЮДА...»

Недавно меня посетил один человек, и я заметил, что он очень возбужден. Он прочитал немало книг, побывал во многих группах «искателей» и довел себя до отчаянного желания попасть в ситуацию обучения.

Я сказал ему, что такого рода возбуждение, столь высокий эмоциональный пик, в учебе служит препятствием.

Очевидно, в прошлом ему сообщили, что «от возбуждения до духовности один шаг», и он не собирался отказываться от этого без борьбы. Он сказал, что именно страстное желание и эмоциональность привели его ко мне, так что же тут плохого?

Сам факт, что он рассматривал ситуацию подобным образом и не был способен увидеть изъян в своих рассуждениях, был симптомом его состояния. Поэтому мне пришлось кое-что объяснить ему. Я сказал: «Если вы приехали к моему дому на осле и, стало быть, он привез вас сюда, это ведь не означает, что вам позволят въехать на нем в мой кабинет. Осел выполнил свою функцию, затем наступает очередь других функций».

Но его возбуждение было столь велико, что, вместо того чтобы принять мои слова как разумный довод, он принял эту информацию за мастерски спланированную инспирацию или эзотерическую аналогию.

Конечно, когда один из симптомов болезненного состояния человека проявляется в том, что человек не в состоянии увидеть наличие у себя каких-либо симптомов, толку от разговоров мало; вот почему с такими людьми надо заниматься, а не разговаривать. У человека появится шанс «выздороветь», если можно будет подтолкнуть его к обычному поведению, свойственному людям без подобных претензий.

К сожалению, стремление к чему-то высокому может трансформироваться в претенциозность. Вот почему все подлинные традиции требуют смирения. Это качество, столь часто называемое добродетелью, скорее следует рассматривать как необходимость, техническое требование.

В качестве полезной иллюстрации можно привести недавний случай. Один человек написал мне, что один или два моих недоброжелателя обрушились на меня в прессе с критикой.

Он изо всех сил пытался заставить меня дать им достойный отпор и считал своим долгом принять в этом участие. Я написал ему, пытаясь разумными доводами успокоить его и урезонить. Но мои письма его не удовлетворили. Он настаивал, что ему надо предпринять некие шаги, поскольку нельзя позволять подобным людям так поступать. Заблуждение его состояло в том, что он не видел ни ситуации в целом, ни контекста. Ему бы задаться вопросом, годится ли он сам для выполнения этой работы. Ко мне то и дело приходят люди, горящие желанием спасти весь мир или хотя бы что-то исправить в нем, но, прежде чем взяться за такое дело, неплохо бы знать, как стать по-настоящему эффективным человеком. Эффективность не заменишь героизмом. Из подобного случая мы можем извлечь абсолютно необходимый урок. К несчастью, вследствие нарушенного равновесия в современной культуре никто не отважится сказать об этом прямо, поскольку люди жаждут одобрения, а не информации. Восприняв информацию, они смогут приобрести умение и впоследствии стать эффективными. Мы сообщаем им об этом. Если они не принимают наших слов, то это означает, что они нас отвергают и фактически сами хотят диктовать стратегию и даже тактику действий.

Как это согласуется с нашей ролью? В процессе любого обучения одна сторона должна учить, а другая — учиться. Вот почему мы говорим: «Позволь мне обучить тебя».

Человек обращается с просьбой: «Научите меня», — но сам чаще всего учиться не хочет. В лучшем случае у него есть свои приоритеты: он настаивает, чтобы ему сперва позволили сыграть свою любимую роль. Он как бы воздвигает между собой и обучающей ситуацией театральную сцену и разыгрывает спектакль. Чтобы адекватно разрешить эту проблему, мы должны дать людям возможность ответить самим себе: принимают ли они на самом деле учителя и учение. Если нет, то они напрасно тратят время, и свое и наше.

ФАКТОР ВРЕМЕНИ

В.: Можно ли предсказать действия человека? Может ли суфийский учитель помочь не растрчивать жизнь на бесполезные изучения, поиски или ненужные опыты?

О.: Обладая достаточной информацией, почти невозможно не предсказать поступки человека. Что же касается помощи суфиев в предотвращении потери времени, то именно для этого и существуют суфии (когда речь идет об учениках). Но принимают ли ученики подобную помощь?

Вот одна старинная сказка, написанная дервишем Мухлисом из Исфагана. В сокращенной версии ее можно найти в персидской книге «Тысяча и одна ночь».

Действия человека и его судьба

Жил когда-то мудрый человек, который оставил сыну огромное состояние. Уже будучи на смертном одре, он сказал своему чаду:

«Если когда-нибудь ты впадешь в отчаяние, открой вон ту дверь, но никак не раньше, чем ты останешься буквально без куска хлеба, даже на настоящий день».

Однако молодой человек, полный нетерпения и любопытства, открыл дверь сразу же после смерти отца. Он увидел комнату, в которой с потолка свисала петля, а под ней стоял чурбан. На стене было написано: «Стань на чурбан, сунь голову в петлю и прыгай».

«Ну и добрый же у меня отец, позаботился о своем сыне!» — в сердцах воскликнул юноша.

Повернувшись, чтобы выйти, он прочитал на противоположной стене: «Если ты не внял, не принял предлагаемого тебе, полная неразбериха и ненужные страдания ожидают тебя. Твои собственные поступки будут навлекать на тебя невзгоды, пока ты не научишься. Тебе придется пройти путь —

от поспешных поступков и любопытства до дикого предположения;

от расточительства до полосы неудач;
от безысходности до непригодных средств;
от небрежности до осмеяния;
от нищеты до отчаяния;
от послушания до завершения;
от опыта до просветления».

Не веря ни одному слову отцовского напутствия, молодой человек вышел из комнаты. Полагаясь на свое огромное состояние, юноша предался азартным играм и пустился в рискованные предприятия. Он приобрел многочисленных товарищей, которые помогали ему тратить деньги и проматывать состояние.

Молодой человек все больше залезал в долги, и наконец пришел день, когда ему даже не на что было купить еды. Тогда, собрав то немногое, что еще оставалось в доме, он пошел на базар, продал все за гроши и купил себе немного хлеба и йогурта. Но, когда он возвращался домой, какая-то собака прыгнула на него, разлила йогурт и выхватила хлеб.

В полном отчаянии юноша пошел к тем, кого считал своими друзьями, надеясь получить еду и слова утешения. Но бывшие товарищи только смеялись над ним и гнали его прочь. «Не такой уж ты бедняк!» — говорили они.

И вот, когда юноша сидел, голодный и несчастный, ему подумалось: «От небрежности с хлебом и йогуртом — до насмешек моих друзей. Это и есть нищета, предсказанная моим отцом, нищета, которая конечно же приводит к отчаянию».

И с этими мыслями он опять вошел в ту самую комнату с петлей и опять прочитал надпись: «Стань на чурбан и вешайся».

Он встал на чурбан, сунул голову в петлю и прыгнул.

Как только он сделал это, кусок потолка отвалился, открыв тайник, полный золотых монет. «От послушания к завершению!» — воскликнул юноша. Он отдал все долги и вернул свое имущество. Потом пригласил всех бывших друзей на роскошный пир.

«Когда я говорил о своей бедности, вы не верили мне, — сказал он. — А теперь я расскажу вам другую историю. В этом городе водятся стаи крыс, они столь прожорливы, что едят даже камни. Некоторые из них предпочитают драгоценные камни, их голод могут утолить только рубины и изумруды. Поднимите руки те, кто в это верит...»

Все присутствующие, желая угодить рассказчику, подняли руки.

«Вы не верили мне в моей бедности, когда я был голоден и от вас хотел всего лишь немного еды и доброго слова, в которых нуждался, — промолвил он, — а теперь вы верите каждому моему слову, потому что на этот раз жажда снедает вас. От опыта — к просветлению! Так учил мой отец, поистине мудрый человек. Убирайтесь из моего дома, все вы, потому что отныне я возвращаюсь на путь учения, который моя собственная глупость сделала для меня столь трудным».

ЗАБОТИТЬСЯ О КОНЦЕ

Хотя в вольном словоупотреблении дервиш часто называется суфием, на самом деле это тот, кто находится на пути — учащийся, который часто шаблонно ведет себя или думает.

Жил когда-то король, питавший огромную любовь к дервишам. Как-то раз, встретив одного дервиша, по внешним признакам отличавшегося великим благочестием, король попросил дать ему фразу, вспоминая которую он сможет продвинуться на пути внутреннего развития.

«Ну что ж, — сказал дервиш, — повторяйте несколько раз в день такие слова: “Подумай о конце, прежде чем приступить к началу”. Я и сам так делаю».

Выразив дервишу свою признательность, король принялся практиковать повторение формулы всякий раз, когда вспоминал о ней, — обычно это происходило в минуты спокойствия и расслабления.

Однажды ночью король тихо сидел у себя в покоях, повторяя словесную формулу и постигая ее мудрость. В это время через окно в комнату забрались два вора и услышали его бормотание. Подумав, что король ясновидящий или обладает мистическими способностями и, возможно, видит их, хотя сидит к ним спиной, воры затряслись от страха и во всем признались ему. Король был в восторге.

Спустя какое-то время произошел следующий случай. Король расслабленно сидел в кресле, а брадобрей готовился его брить. Этот брадобрей был подкуплен врагом монарха, пообещавшим изменнику должность главного визиря, если тот перережет королю горло. Уже поднеся бритву, злодей вдруг услышал, как его величество пробормотал два или три раза: «Подумай о конце, прежде чем приступить к началу».

Ужаснувшись, брадобрей уронил на пол наточенную бритву, пал в ноги своему монарху и признался во всем, моля о прощении.

Король несказанно обрадовался непреходящей силе и действенности своей мантры. Он приказал созвать двор, дабы все слышали дервишескую мудрость и то, как она спасла его монаршую жизнь. Там как раз присутствовал суфий, хорошо осведомленный об ограниченности философии дервишей. Он сказал королю:

«Знай, о король, что ты должен допустить возможность возникновения непредвиденных обстоятельств».

Но король, которого привлекали простые объяснения, отказался слушать.

Тогда суфий достал из складок халата небольшую трость и показал ее всем присутствующим. Затем он трижды стукнул ею об пол, и, повинувшись сигналу, в тронный зал вбежала собака.

«Теперь, — сказал суфий собаке, — принеси нам чего-нибудь освежающего — скажем, кувшин холодного шербета. Но когда вернешься, прими облик прекрасной девушки».

Собака выбежала, и через несколько минут вошла прекрасная девушка, неся украшенный драгоценными камнями кувшин и две янтарные чаши для шербета.

Король был в восторге.

«Суфий, — сказал он, — отдай мне эту волшебную трость, а я дам тебе мешок лучших драгоценных камней».

Когда обмен был совершен, король опробовал трость, но ничего не произошло. Он в гневе посмотрел на суфия, требуя объяснений.

Суфий поклонился и сказал:

«Ваше величество, вы думаете о завершении прежде, чем приступить к началу. Но ваша идея относительно начала и конца бесполезна. Вы начали не с реального начала, с которого следовало бы начать, чтобы развить собственный ум».

ЛЯГУШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Жили когда-то в Ираке две лягушки: одна — в Багдаде, а другая — в Басре.

Почти одновременно их посетили схожие мысли. Багдадской лягушке захотелось побывать в Басре; лягушка из Басры возжаждала посетить Багдад.

И примерно в одно и то же время они отправились в путешествие.

Где-то посередине пути, между двумя городами, где именно — не важно, две лягушки встретились.

«Куда ты направляешься?» — спросила одна из них. «В Басру. А ты?» «В Багдад».

«А откуда ты? Сама я из Басры». «А я из Багдада».

Некоторое время они сидели, призадумавшись. Мимо проходил глупец и спросил, откуда они и куда направляются. Выслушав их рассказ, он сказал:

«В ваших путешествиях нет никакого смысла. Отправляйтесь-ка по домам».

Лягушек это не убедило.

Затем мимо шел мудрый человек. Узнав о планах лягушек, он дал им тот же совет, что и глупец.

Но лягушкам не были интересны ни слова глупца, ни слова мудрого человека. И каждая запрыгала своим путем.

Однако, когда через некоторое время лягушки прибыли к месту своего назначения, они осознали, что оба, и глупец, и мудрый человек, были правы.

Потому что для лягушки, сколько бы удовольствия она ни вкусила от путешествия и приключений — Багдад и Басра так похожи, что быть здесь или там — для нее все равно.

Поэтому, прежде чем начать куда-то прыгать, вам, возможно, следует перестать быть лягушкой...

ЖАРА И ЖАЖДА

В.: Всегда ли искатели распознают настоящего учителя? Если нет, то что с ними происходит?

О.: То, что происходит с ними, в некотором смысле подобно случаю, произошедшему с пятью дервишами.

Группа странствующих дервишей подошла к дому баба Фариды. Они посетовали, что преодолели огромное расстояние в поисках суфиев, но еще не встретили ни одного истинного учителя.

«Присядьте, — сказал Фарид, — и вы найдете такого».

Но дервиши не хотели задерживаться и ответили, что им надо продолжать свой поиск.

Когда они уходили, баба Фарид сказал:

«Прошу вас не идти через пустыню, ибо это опасно для вас».

Однако дервиши не обратили внимания на его совет. В результате четверо умерли от жары, а пятый, хотя и нашел, наконец, воду, скончался, выпив слишком много.

Это притча разъясняет, что случается с людьми, которые в обыденной жизни заиклены на поиске и в результате не только проходят мимо цели этого поиска, но и страдают от его тягот, и все без толку.

РАЗГОВОР ПТИЦ

В.: Я полон решимости приступить к поиску знания и обязательно добьюсь успеха. Чего бы это ни стоило и какие бы жертвы от меня не потребовались, я буду читать книги, выполнять всевозможные упражнения и совершать необходимые путешествия, пока не достигну своей цели. Что неправильно в этом решении?

О.: Есть классическая суфийская история о короле, который отправлялся на войну. Он взял с собой все необходимое — от золота до оружия, от свирепых воинов до военных оркестров. Ни одна деталь не была упущена. По дороге он встретил дервиша, бедного и истощенного странника, который, однако, был мудрецом и мог, согласно народной молве, понимать язык животных.

Дервиш сказал королю:

«Я знаю язык птиц и слышал, что они говорят о вашем величестве».

Король спросил:

«А нравится ли им, что я иду этим путем и обязательно добьюсь успеха?»

«Они в восторге, ваше величество, — ответил дервиш, — ибо говорят: “Этот король разрушит так много городов, что мы теперь на много лет вперед будем обеспечены множеством мест для гнезд в развалинах домов”».

Вот ответ на ваш вопрос: вы можете достичь цели теми методами, о которых говорили. Но в вашей схеме не учитывается, как подобная активность подействует на других и какой будет ваша судьба. Именно поэтому у нас есть организация, предназначенная для целей обучения и изучения, — чтобы люди не только продвигались по пути, но делали это способом, который полезен для всех участвующих.

ОСНОВНОЕ И НЕЗНАКОМОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Все человеческие сообщества используют в качестве основы для своего существования, продолжения и роста рычаги надежды, страха и натаскивания.

Хотя данная простая структура подавляющему большинству людей не видна, каждый, кто занимается объединением человеческих личностей, применяет и одобряет механизм надежды-страха-натаскивания.

Им пользуются во всех типах организаций: родовых, национальных, политических, религиозных, развлекательных, образовательных и пр.

Как люди, оперирующие этой структурой, так и те, кто в ней находится, не могут распознать ее из-за следующих двух моментов.

1. Цели рассматриваемых сообществ кажутся чрезвычайно разнообразными.

2. Сама простота данной структуры. Она настолько очевидна, что не является самоочевидной в том смысле, в котором люди понимают самоочевидность.

В человеческом мышлении существует также негласно (так как оно не распознано) согласие по этому вопросу. Поскольку каждый человек привык к тому, что им манипулирует надежда и страх, и предполагает, что натаскивание необходимо, возможный прогресс в анализе данной ситуации фактически прекратился. Это похоже на то, как если бы кто-то, когда еще не существовало речи, сказал: «Мы издаем звуки. Зачем превращать их в слова? Нам достаточно звуков».

Подобная гипотеза (о том, что в словах нет необходимости) была бы адекватна только в тех обстоятельствах, при которых нет реальной нужды в связанной речи, а именно — в обществе, где у людей отсутствуют неудовлетворенность и подлинное любопытство, побуждающие к исследованию, в результате чего и может возникнуть полезный инструмент (то есть «речь»), а источник напряжения и раздражения, вызывающий нервные расстройства (в данном случае избыток мычания и щебетания), будет устранен.

Когда утверждения, подобные сказанным выше, сформулированы достаточно ясно, они, как показывает опыт, провоцируют у людей два вида реакций. Реакции эти можно представить в виде попыток уклониться или принять вызов. Фактически, ни одна из них не достигает своей цели.

Первая реакция сводится к следующему рассуждению: «Индивид может учиться только с помощью указанных методов. Отмена их будет препятствовать учебе и подорвет основы человеческой сплоченности».

Вторая реакция аргументируется так: «Эти утверждения еще не доказывают, что

существуют какие-то другие способы учебы или организации или что в таких способах есть (или должны быть) качество и мера».

Что ж, всегда трудно иметь дело с предубеждениями, предоставляющими людям такие преимущества, как возможность не думать. Трудно также удовлетворить людей, которые хоть и не показывают вида, но внутренне боятся, что будет разоблачена их поверхностность, или людей, опасющихся, что последствия признания чего-то незнакомого могут их «изменить». Преодолеть подобные предубеждения трудно, но тем не менее не невозможно.

Если бы это было невозможно, то род человеческий вымер бы из-за отсутствия способности к адаптации. Это так же верно, как и то, что люди, неспособные или не желающие адаптироваться к конструктивной, но незнакомой информации, принадлежат к той части человечества, которая обречена на вымирание в культурном смысле. Сообщества, школы мысли и индивиды, не сумевшие приспособиться к «современной» (то есть незнакомой) информации и изменениям окружающей среды, уже вымерли.

Две упомянутые основные реакции менее разумны, чем утверждения, против которых они направлены. Одно это позволяет относиться к ним следующим образом: игнорировать людей с такими реакциями и рассматривать сам факт наличия подобных мнений как доказательство неспособности их носителей адаптироваться к незнакомым идеям, то есть как подтверждение того, что способность этих людей к выживанию относительно слаба.

Однако здесь имеется механическая ловушка, и ее стоит мимоходом рассмотреть. Людей, возражающих против «сегодня» или незнакомых понятий, можно заставить принять новшества, если продвигать эти «новые» идеи достаточно энергично. Иными словами, не так уж трудно посредством надежды, страха и натаскивания заставить этих возражающих «поверить» в то, что использование указанных методов нежелательно ни в количественном смысле, ни в качественном. Ловушка заключается в том, что в этом случае массы обусловленных людей будут возражать против обуславливания, потому что их обусловили возражать! Из-за своих грубых оперативных способностей они, почти по определению, будут не способны к развитию понимания.

Следовательно, ни согласие с вашим исходным утверждением, ни «вера» в него не являются здесь целью. Эта концепция уже сама по себе практически не знакома людям, поскольку фактически все человеческие сообщества превыше всего ценят веру и согласие. «Что же вы ищете, — будут они спрашивать в недоумении (и спрашивают), — если вам не нужны ни новообращенные, ни герои, ни мученики, ни верующие, ни верные сторонники, ни последователи, ни пропагандисты, ни энтузиасты, ни представители, ни общие знаменатели и т. д.?»

А ищете вы (и это является существенной предпосылкой к пониманию) людей, которые могут принять в качестве возможных следующие положения.

1. Фактически все человеческие сообщества создаются и поддерживаются механизмом награды-наказания-натаскивания.
2. Возможна альтернатива такому подходу.
3. Эта альтернатива, не обязательно потребует отказа от членства в одном или нескольких «основных» типах объединений (а основным мы называем объединение, созданное надеждой и страхом и поддерживаемое натаскиванием).
4. Для человека даже может быть необходимым оставаться для некоторых своих целей в одном или нескольких «основных» социальных объединениях.
5. Есть возможность обогатить опыт человека незнакомой формой взаимоотношений, не нарушая уже внедренный «базовый» тип.
6. По-своему ценная возможность развития некоего нового вида понимания

предотвращается, если человек принимает данные положения по образцу «обращенных в веру» последователей.

7. Может быть полезным наблюдать и распознавать присутствие и действие вышеупомянутой «основной» структуры во всех формах повседневных человеческих взаимоотношений.

8. Возможно, значительно полезнее впитать эту «новую» информацию, чем реагировать на нее как на ключ, панацею или волшебную палочку.

9. Принять как гипотезу, что исключение, а не культивирование эмоциональных или интеллектуальных уз, основанных на надежде и страхе и приводимых в действие натаскиванием, может открыть дверь к знанию иному, чем добываемое посредством одной-единственной описанной здесь системы.

ВООБРАЖЕНИЕ

В.: Как можно объяснить, что многие люди, даже весьма ученые и уважаемые, принимают решения на основе недостаточного объема информации и часто отказываются от своих мнений или меняют их? И почему некоторые из таких людей не изменяют своих мнений, даже будучи неправыми?

О.: Этот феномен нужно не столько объяснять, сколько наблюдать. В данном случае нам не придется ошибочно допускать, что человеческие идеи заслуживают доверия. Между прочим, проверить, что люди все еще не понимают этого факта, можно путем простых расспросов. Люди думают, что могут вполне полагаться на свой ум.

Однако многочисленные психологические тесты сегодня демонстрируют обратное — как же в таком случае можно доверять показаниям очевидцев, воспоминаниям, научным материалам, мнениям и т. д. Вот один из примеров всеобщего наваждения. Никто, конечно, не воображает, что события телевизионного сериала Colditz происходили в действительности или что английский актер Энтони Валентин на самом деле был нацистским офицером. Однако этот актер, давая интервью Тиму Эвбанку, жаловался, что официантка (случай взят из реальной жизни) отказалась подать ему чай на том основании, что он нацистский офицер и читает письма военнопленных. Актер также упомянул, что служащий автостоянки в Ватерлоо «смерил его взглядом и сказал: “мне не нравятся парни вроде тебя”»*.

ПТИЦЫ

Большая группа людей обратилась к суфийскому мастеру с просьбой принять их в ученики. Он дал каждому закрытую коробку и ключ от нее, сопроводив все это указанием не открывать коробку и на следующий день вернуть ее.

Когда соискатели возвратились, учитель открыл коробки и обнаружил, что большинство из них пусты. В каждой было по птице, упорхнувшей, как только претенденты в ученики попытались заглянуть вовнутрь, будучи не в состоянии сдержать себя.

Сообщают, что, когда те люди были поставлены перед фактом, немногим это пришлось по душе. Одни сказали, что тест был нечестным, другие выражали недовольство и говорили, что сажать птиц в коробки — жестокость, третьи утверждали, что именно в их коробках, по недосмотру, вообще не было птиц.

«Эти объяснения и протесты, — сказал мастер собравшейся группе, — так же важны и показательны, как и выдержка тех, кто успешно прошел испытание; они нас всех чему-нибудь научат».

ЗНАНИЕ ИЛИ ЭКСПЕРИМЕНТ?

Вклад суфиев в реализацию человеческих возможностей зависит от того, понимают ли люди необходимость устранить барьеры, препятствующие пониманию.

Главное препятствие проявляется здесь в том, что люди принимают желаемое за действительное и следуют тому, что приносит удовольствие. Поэтому человек, жаждущий достижения духовных состояний, будет преследовать свою цель не тем способом, который приведет к соответствующим результатам, но тем, который приносит удовлетворение.

* The Daily Mail, London, 14th January, 1974, p. 7. — Прим. автора.

Это основная пружина всех общественных движений, будь то политические, национальные, религиозные, экономические или другие. Таким образом, присутствует цель и существует механизм ее достижения. Цель всегда должна нравиться тому, кто к ней стремится; помимо того, метод достижения должен приносить удовлетворение.

Не требуется никакой другой схемы или формулы, чтобы объяснить, почему люди верят столь разнообразным организациям и системам.

Данная схема совершенна сама по себе, система дает результат, но только с одной оговоркой. Мы можем сформулировать это так: «Привлекательная цель и процедура, приносящая удовлетворение, всегда дадут результат, если цель достижима, а методика эффективна».

Подавляющее большинство целей нереалистичны, и подавляющее число процедур их достижения неэффективны. У древних египтян была весьма привлекающая цель — вылечить бильгарциоз*. В качестве метода было выбрано обрезание. Единственным недостатком метода было то, что он не работал. Многие поколения людей стремились произвести золото: это было их целью, и весьма привлекательной. Но их методы (включая «очищение свинца») не работали.

Сегодня широко известно, что бильгарциоз вызывают паразиты, а золото не является очищенным свинцом. Следовательно, либо цель, либо метод, а иногда и то, и другое, может потерять свою привлекательность. Причина, по которой цель или метод лишаются привлекательности, — это знание фактов.

Мы можем увидеть, что цели современных людей, стремящихся к власти, удовольствию, реализации и т. д., поддаются, по крайней мере в некоторых случаях, модификации или даже бывают отброшены в результате расширенного знания фактов, проясняющих ложные предположения, на которых основана та или иная деятельность и/или применяемые методы.

Подобные ложные предположения, усиленные жадностью и другими субъективными моментами, являются барьерами для знания, даже для знания фактов. До тех пор, пока люди не зададутся вопросами, эквивалентными «Что, собственно, представляет из себя бильгарциоз?» и «Чем в действительности являются металлы?», «обрезание» и «очищение» будут продолжаться.

* Бильгарциоз — болезнь крови. — Прим. перев.

Иной причины для сосредоточения всех усилий суфиев на знании не существует. С этой точки зрения любое предприятие, не основанное на знании, должно считаться спекуляцией, то есть напрасной тратой энергии, возможно, даже лишенной возможности чего-либо достичь.

ПРЕСНАЯ ВОДА*

Среди мудрых известна история о человеке, верившем, что в этой жизни удовольствие есть высшая цель каждого.

Однажды, путешествуя, он захотел пить. Он постучал в дверь дома, где жил некий дервиш, и

попросил немного чистой прохладной воды.

Дервиш, восприняв его внешнее и внутреннее состояние, принес ему чашку теплой, солоноватой на вкус жидкости.

«Это невозможно пить! — выпалил посетитель. — Я просил чистой прохладной воды».

«Друг, — сказал дервиш, — мы пленники этого мира и, как заключенные, лишены качественной пищи, хотя в своих мечтах действительно жаждем ее более, чем кто-либо другой...»

* Очень похожая история содержится в произведении Silk al-Suluk («Нить Пути жизни»), написанном Хайа Зиауддином Накшаби (ум. 1350 — 51). — Прим. перев.

ПРЯМОЕ И НЕПРЯМОЕ ОБУЧЕНИЕ

Когда на пути к духовному прогрессу встречаются препятствия, их не всегда нужно преодолевать в лоб. Применение знания с помощью специальных методов может просто растворить проблемы.

История «Сундуки» аллегорически описывает такой процесс.

СУНДУКИ

Один житель Центральной Азии по пути в Мекку решил оставить в Каире сундук с ценными вещами какому-нибудь купцу с хорошей репутацией и взять с собой только самое необходимое.

После многочисленных расспросов он оказался в лавке купца, которого приятели рекомендовали как человека безукоризненной честности. Ему был доверен сундук, и паломничество началось.

Возвратившись, наш паломник пришел за своей собственностью, но купец не только от всего отказывался, но даже сказал, что этого посетителя не видел никогда прежде.

Даже его соседи не могли поверить, что человек с такой репутацией, как этот купец, может лгать.

Паломник, с последними грошами в карманах, без друзей, в чужой стране, в состоянии шока и смятения побрел по дороге, не зная даже, что и предпринять.

Именно в этот момент его заметила одна мудрая женщина в дервишском одеянии и спросила, что с ним приключилось.

Когда он рассказал ей свою историю, она спросила:

«Ну и что ты собираешься делать?»

«Я думаю, что мне остается только одно: прибегнуть к силе или пойти в полицию», — сказал паломник.

«Полиция не сможет помочь, так как тебе не удастся доказать, что было совершено преступление, — ответила женщина, — а что касается применения силы, то ты сам в результате угодишь в тюрьму».

«Однако, — продолжала она, — если ты полностью доверишься мне, я смогу придумать план, с помощью которого мы обязательно вернем твою собственность».

Паломник согласился сделать все, что она скажет. Женщина помогла ему одолжить на день десять красивых, ценных на вид сундуков, которые она наполнила землей и камнями. Потом она попросила своего друга сопроводить погруженные на повозку сундуки к лавке купца. Ее друга, а он был дервишем, переодели в роскошные, дорогие одежды.

Прибыв с грузом к воротам лавки, дервиш, выдав себя за чужеземца, спросил купца, не согласится ли тот взять на хранение десять сундуков, пока он будет путешествовать в чужих

краях.

«В сундуках наверняка полно ценностей», — подумал купец и согласился за небольшую плату присмотреть за ними.

Сундуки уже собирались было внести в лавку, как пришла очередь паломнику сыграть свою роль. Он подошел к купцу и переодетому дервишу и спросил:

«Я пришел за своим сундуком, можно мне сейчас его взять?»

Испугавшись, что в случае возникновения спора можно лишиться доверия владельца столь соблазнительных сундуков с «ценностями», купец расплылся в улыбке и вернул паломнику его собственность.

Тут переодетый дервиш сказал:

«Извините за беспокойство, но я передумал и решил взять свои вещи с собой».

Вот так трудности паломника были разрешены...

«Даже не представляю, как вы нашли такое остроумное решение», — произнес он, благодаря дервишей за помощь.

НАЧАТЬ УЧИТЬСЯ

В.: Когда я смогу начать учиться?

О.: Вы уже начали. Вы учитесь постоянно. Многие из того, что вы изучаете, остается незамеченным вами. Многие из того, что вы знаете, непригодно для той области, которой занимаемся мы. Когда мы говорим о том, что человек должен «учиться, как учиться», мы также настаиваем на необходимости различающего чувства: вы должны осознавать, какие части из того, что вы изучаете, имеют развивающую ценность. Это, в свою очередь, означает еще и следующее: когда, как и где вы используете учебу в целях преднамеренного развития.

Вспомните историю о невежественных рыбах. Они отправились к старой мудрой рыбе, чтобы узнать, что же это за штука — вода, о которой они только что услышали!

На той стадии, где вы находитесь, попытайтесь увидеть, что человек, идущий на ощупь или задающий определенные вопросы, рождающиеся в его неподготовленном уме, способен усвоить ответ только в терминах своего собственного мышления, и они, возможно, неадекватны тому, что можно извлечь из ответа. Ваша позиция не должна быть слишком расплывчатой: «Как я могу начать учиться?» — ваш вопрос должен звучать так: «Что мне следует делать с собой?»

Предположим, вы ощущаете глубокое побуждение к развитию, но в нем отсутствует ориентация. Пройдя через ваши обычные шаблоны мышления, оно принимается вами за «жажду», поскольку у вас нет информации, как реализовать это развитие. Затем ум вновь «обрабатывает» данное предположение, пытаясь разобраться, как можно сформулировать ощущаемое побуждение. Он запускает механизм, содержащий ваш личный опыт и результаты размышлений, мнения и другие элементы. В свою очередь, все это оказывает воздействие на ум. Описанный механизм погружает ум в состояние запроса, который: а) может адекватно выражать (или нет) ваше первоначальное намерение; б) может показать, способен ли ум, в котором возник этот запрос, в данный момент времени с пользой воспринять предлагаемый ему ответ. Уже задавая вопрос, ум предполагает, что:

1. личность, задающая этот вопрос, искренна и спрашивает не просто ради собственного успокоения или чтобы как-то скоротать время;

2. тот, кому задан вопрос, знает ответ или же будет «разматывать» вопрос, чтобы убедить или попытаться убедить спрашивающего, что знает этот ответ;

3. вопрос корректно сформулирован и отражает реальные нужды спрашивающего;

4. воспринимающий и обрабатывающий механизм спрашивающего позволит ему понять

ответ и извлечь из него пользу;

5. вопрос задан вовремя и к месту, и ответ на него вполне возможен (исходя из предпосылки, что «отвечать на вопросы можно где угодно»).

И так далее. Реальный контекст и надежда на понимание создаются при содействии разносторонней работы и наличии рабочей ситуации.

СОВЕТ И ПОИСК

Жил некогда один поэт. Он отправился к известному суфийскому мастеру и провел много месяцев в его собрании, но никто так и не обратил на него внимания.

Когда поэт окончательно разочаровался в этом суфии, он испросил разрешения покинуть общество учителя, так как хотел идти собственным путем и отыскать свою судьбу.

Суфий сказал:

«Выбери одно из двух: деньги на путешествие или три совета».

Поэт ответил, что лучше возьмет деньги, потому что на них можно купить совет, а вот съесть совет никак нельзя.

Итак, он отправился своей дорогой. Вскоре грабители отобрали у него деньги, и он заключил, что жизнь суфия не для него. Здесь он покидает наш рассказ.

Затем второй человек, на этот раз купец, пришел к стопам мастера. Он не один год работал на суфия, но даже ученики, все, как один, избегали общения с ним. По прошествии нескольких лет он решил, что с него довольно, и также испросил разрешения уйти.

Суфий и ему предложил выбрать: деньги или совет. Купец подумал: «Деньги я смогу заработать — даром, что ли, я — торговец, а вот совет на дороге не валяется». Итак, он выбрал совет.

Суфий сказал:

«Вот тебе первый совет: никогда не иди новым путем, пусть даже и заманчивым».

Купец подумал: «Треть денег пропала! Какой же это совет?» — но виду не подал, и суфий продолжил:

«Второй совет таков: выбирай меньшее, хоть это и кажется не лучшим».

«Две трети денег пропало! — решил купец. — Что-то я не возьму все это в толк...» Суфия же он сказал:

«О великий мастер! Будь добр, отдай мне треть денег вместо последнего совета, и я смогу оплатить хоть какую-то часть путешествия!»

Суфий рассмеялся и сказал:

«Да будет так!» — и вручил купцу сто золотых монет.

Итак, купец отправился в путь. Он шел, и вскоре заметил, что дорога становится все более неровной и круто уходит вверх. В конце концов он пришел к началу нового туннеля, который был недавно проложен через гору. Он уж было собрался войти в туннель, ибо это облегчало путь, как в голову ему вдруг пришли слова суфия: «Никогда не иди новым путем, пусть даже и заманчивым».

Тогда он повернул и стал с трудом карабкаться по тропе. Когда купец добрался туда, где оканчивался туннель, то услышал от других путешественников, что свод этого туннеля обрушился как раз тогда, когда наш герой мог быть точно посередине.

Купец продолжил путь, и пришел в город. Здесь он повстречал одного человека, который продавал больших кур задешево, и другого человека, торговавшего небольшими курами, но дороже. Купец решил вложить деньги в домашнюю птицу и собрался было купить больших кур, но тут ему на ум опять пришли слова мастера: «Выбирай меньшее, хоть это и кажется худшим».

Он купил кур, что были поменьше, и завел ферму. Вскоре купец обнаружил, что его небольшие куры — прекрасные несушки, а крупные, те, что были у первого продавца, не несутся вовсе.

Однако, в конце концов, в этих краях началась война, и купца забрали в армию. Ферму захватили, а его самого, нищего солдата, взяли в плен и сделали гребцом на галере, вместе с другими рабами. Однажды галера перевозила по морю путешественников, и он узнал среди пассажиров ученика, который жил у мастера-суфия в одно с ним время. Он сказал этому человеку:

«Лучше бы я попросил тогда не денег, а третьего совета».

«Возможно, так и следовало поступить, хоть я и не знаю, — ответил человек. — После твоего ухода мастер сказал нам: “Сотня золотых монет, что он получил от меня, не заменит ему третьего совета, который звучит так: “основав ферму, быстрее продай ее и уезжай в другую страну!”»

Тем временем третий человек, на сей раз ученый, который дал обет отказаться от ограниченного педантизма, был принят учеником к знакомому нам суфийскому учителю. Много лет он находился в обществе других учеников и выполнял бессмысленные задания. Затем он также попросил разрешения уйти. Мастер сказал:

«Иди, если должен, но лучше тебе подождать, пока я сам не отпущу тебя, так как в компании безопаснее».

Ученый решил остаться с мастером, пока тот его не отпустит.

Наконец, спустя несколько лет после этого разговора, мастер сказал:

«Теперь ты можешь отправляться в путешествие. Что тебе угоднее, деньги или три совета?»

Ученый выбрал советы. Мастер сказал:

«Первый совет таков: никогда не ешь то, без чего сможешь обойтись».

Ученый постарался запомнить. Мастер продолжил:

«Вот второй совет: никогда не избирай кратчайший путь». Ученый кивнул.

И тогда мастер выдал третий совет: «Предлагаемое отменяет необходимость поиска». Ученый заверил мастера, что все понял. «Что ж, увидим», — ответил суфий.

Вскоре ученый собрался в дорогу и пошел проститься с мастером. Тот предложил разделить с ним трапезу.

«Я вполне могу обойтись, и я помню ваш первый совет», — сказал ученый.

«Хорошо, если тебе не терпится, то можешь присоединиться к каравану, который сейчас отойдет от перекрестка дорог; но тебе придется поспешить».

«Учитель, — сказал ученый — я не могу забыть ваши инструкции: “Всегда отказывайся избирать кратчайший путь”».

«В таком случае, — сказал мастер — я могу предложить тебе просветление, ибо ты готов к нему».

«Благодарю вас, — ответил ученый, — ведь, как говорится в вашем третьем совете: предлагаемое отменяет необходимость поиска».

ВЫСОКАЯ ЦЕНА УЧЕНИЯ

В.: Сколько стоит обучение?

О.: Конечно, учебу нельзя точно выразить в денежных единицах. Но вот пример, где деньги используются в качестве аллегии.

Жил однажды мудрец, который открыл торговлю знанием на базарной площади.

Одним из его покупателей стал молодой человек, который только что женился и захотел на себе испробовать этот странный вид коммерции.

«Сколько стоит твое знание, если покупать его порциями?» — спросил он мудреца.

«Столько, сколько дашь, — много или мало, но ценность совета будет пропорциональна сумме», — ответил тот.

«Хорошо, — сказал молодой человек, — возьму-ка я порцию на одну медную монетку».

«Вот тебе совет, — ответил мудрец, — не ешь больше, чем нужно, и упражняйся, а то растолстеешь».

«Дешево хорошо не бывает, — подумал про себя покупатель, вслух же спросил: — А что я получу за пять медяков?»

«За пять медяков я скажу тебе, что если ты пренебрежешь своим долгом, то можешь потерять восемнадцать лет жизни!»

«Я, конечно, постараюсь, чтобы этого не произошло, но что ты скажешь мне за серебряную монету?»

«За нее я скажу тебе, что если ты попытаешься действовать, не имея достаточных оснований, и без понимания, то погубишь себя».

Юноша, скорее из вежливости поблагодарил старика, которого счел либо слегка тронутым, либо мелким жуликом, а про себя подумал: «Возможно, то, чему я научился сегодня, — это следовать здравому смыслу и не пытаться купить совет вместо того, чтобы добыть мудрость опытом».

И он выкинул из головы всю эту историю.

Прошло совсем немного времени, и молодой человек, проходя по улице, увидел нищего, который обратился к нему:

«Подать милостыню — твой долг, и я взываю к тебе во имя этого долга, чтобы добро сопутствовало тебе и отвращало зло!»

Вместо того чтобы дать ему что-нибудь, юноша пробормотал «Бог подаст!» и ускорил шаг.

Так случилось, что, разогнавшись, он нос к носу столкнулся с военным патрулем, которому было приказано хватать молодых сильных парней и отправлять их в армию, ибо король той страны вел войну. Юношу схватили, и следующие восемнадцать лет он провел в сражениях и плену.

Теперь у него было много времени для размышлений, и слова о восемнадцати годах, которые будут вычеркнуты из его жизни, если он не исполнит своего долга, глубоко засели у него в уме.

Наконец его выкупили, и, оказавшись снова в родном городе, он стал искать свой дом, где много лет назад оставил жену. Только он нашел прежнее жилище, как увидел женщину, в которой сразу узнал свою благоверную. Она входила в дом, рука об руку с неким юношей.

Кровь бросилась в голову солдата, он схватился за свой меч, и первой его мыслью было: «Пусть меня казнят за убийство, но я не потерплю этой измены!»

Но тут он вспомнил слова мудреца: «Если ты попытаешься действовать, не имея достаточных оснований, и без понимания, ты погубишь себя». В тот момент он не увидел какого-либо отсутствия понимания или недостатка оснований для убийства этих мерзавцев, но так или иначе сдержал себя — а вдруг можно будет поступить иначе.

Весь день он ходил вокруг, терзаясь мыслью, что жена изменила ему или, по крайней мере, потеряв всякую надежду на то, что он жив, нашла нового мужа или любовника. Когда настал вечер, он вернулся к дому и подкрался к освещенному окну, почти окончательно созрев для убийства обоих.

В комнате он увидел пару, сидевшую друг возле друга на софе. Затем он услышал слова женщины: «Мне сказали, что в порт пришел еще один корабль из чужих земель. Сынок, завтра тебе нужно пойти на пристань и, как мы делаем уже почти двадцать лет, расспросить моряков,

нет ли новостей о твоём отце».

Вот так было показано, что пять медяков обернулись ценой восемнадцати лет страданий, а три жизни были оценены в одну серебряную монету, хотя, не понимая, как устроена жизнь, такое даже представить себе невозможно.

КОМУ ВЫ ПОДРАЖАЕТЕ?

Подражание — одно из самых распространенных в мире явлений. Люди копируют королей или мудрецов в зависимости от того, кем являются сами — снобами или духовными людьми (как они это называют). Подобные действия в народе одобряют или высмеивают, тогда как здесь надо отметить общий фактор — мимикрию.

Мимикрия — это попытка выглядеть как кто-то другой или что-то другое.

Но как насчет того, чтобы выглядеть, чувствовать или быть — как ты сам?

Один мудрец как-то сказал:

«В следующей жизни вас не спросят: “Почему вы не были таким, как этот человек?” Вас спросят: “Почему вы в действительности не были самим собой?”»

Если вы знаете, кто вы и что вы, можно начинать быть этим человеком, вместо того чтобы копировать идеи, поведение или облик кого-то другого или какой-то группы людей. Тогда вы по-настоящему сможете быть.

ГЛУБОКОЕ ВЛИЯЕТ НА ПОВЕРХНОСТНОЕ

Одна из причин существования школы и учителя заключается в том, что учитель и предпринимаемый курс обучения ответственны за то, чтобы вести обучение подходящим для ученика способом, невзирая на приоритеты самого учащегося.

Люди, которые хотят учиться, естественно, будут выбирать то, чего им хочется, пока не осознают, что, возможно, есть лучший способ и он известен специалистам.

Хорошим примером тому являются ситуации, трудные для человека. Люди ищут в духовных источниках решения своих проблем, которые сами по себе являются только симптомами. Реальные духовные школы имеют дело с причиной.

Проблемы, тревожащие человека, устраняются при помощи уже достигнутого духовного опыта, а не наоборот.

Вот хорошая аналогия.

У лавочника была полная бочка масла, которую он запечатал своей круглой печатью. Но его работники догадались продырявить отверстие у основания бочки и время от времени отливали себе драгоценного масла, после чего затыкали дырку пробкой до следующего раза.

Однажды лавочник открыл бочку и увидел, что, хотя крышку до него не открывали, уровень масла понизился. В недоумении он спросил одного покупателя в лавке, мудрого человека, что бы это могло значить.

Мудрый человек сказал:

«Кто-то отливал масло со дна бочки — почему бы тебе не поискать источник проблемы там?»

«Глупец! — закричал лавочник. — Я толкую о том масле, которое убывает сверху!»

ЛЮДИ НА «ДРУГИХ УРОВНЯХ»

В.: Всякий раз, посещая эти встречи, я испытываю чувство благодарности за ту легкую,

естественную манеру, в которой вы отвечаете на вопросы, и за то, что вы учитываете интересы людей, которые их задают. В последнее время я стал также замечать, что некоторые из спрашивающих по сравнению со мной ушли далеко вперед, поскольку имеют дело с такими материями, какие мне никогда и в голову не приходили, и ваши диалоги с ними часто меня озадачивают. Я совершенно уверен, что они вовлечены в некоторую продвинутую форму работы. У них бывают встречи, непохожие на те, что посещаю я. Я стараюсь не реагировать на это и, кроме того, недавно осознал, что хожу сюда гораздо реже остальных.

Что еще я мог бы делать, чтобы подготовить себя для того уровня развития, который очевиден в других? Я беру на себя смелость спрашивать об этом, поскольку вы сказали, что ответите абсолютно на любой вопрос, который будет задан без задней мысли: будет он вам угоден или нет и обнаружится ли в нем невежество спрашивающего или нет.

О.: Чтобы правильно расти, дереву нужны корни, соответствующее питание и климатические условия. Согласно этой аналогии, для того, чем мы здесь занимаемся, также необходим определенный климат для роста. Одни люди этот климат ощущают, другие — его еще не почувствовали, третьи — лишь в малой степени. Моя функция — дать вам возможность развиваться и не разрушать этот процесс вашим собственным нетерпением. Нетерпеливый человек — враг самому себе, он закрывает дверь своего развития. Вы впитываете климат. Вы занимаетесь вашими упражнениями, готовя себя к пониманию, которого не достичь одним махом.

Это подобно движению множества колес, вращающихся друг в друге. В посвячительных сообществах существуют степени посвящения. В большинстве таких обществ, а они есть и сегодня, сохраняются лишь реликты того, что некогда было системой специализированного обучения, когда для людей, находящихся на одном уровне опыта и потенциала, проводились отдельные собрания. Первоначально, чтобы оградить людей разных «степеней» развития от тормозящего влияния друг на друга, посвячительные организации разделяли своих членов на группы. Наша деятельность организована так, чтобы свести подобную возможность к минимуму. Там, где она проявляется на поверхностном («психологическом») уровне, объяснений, которые я даю, вполне достаточно, чтобы работать с ней.

НЕУВЕРЕННОСТЬ, НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ, ПУТАНИЦА

В.: Я не уверен, надо ли мне изучать суфизм. Часто психологическая и духовная учеба порождают во мне путаницу. Мне кажется, что из-за путаницы мне трудно взяться за эти предметы, а когда все же берусь, путаница и неудовлетворенность продолжают или даже усиливаются. Что мне делать?

О.: Несомненно, все, что вам надо сделать, — выучить, что «информация приходит до озарения». Вы определенно нуждаетесь в информации. Наши информация и опыт говорят, что люди испытывают чувство неуверенности и неудовлетворенности и страдают от путаницы тогда, и только тогда, когда они на самом деле не хотят учиться. Та их часть, что сопротивляется учению, порождает путаницу и тому подобное. Вторичное я, которое человек вклинивает между собой и знанием — куча субъективных и обусловленных реакций, — сопротивляется истине. Это аналогично реакции, скажем, наркоманов или одержимых в тех случаях, когда они хотят что-то сделать, но не могут.

Итак, ответ на вопрос «Что мне делать?» заключается в следующем: вам надо привыкнуть к мысли, что запутывают, порождают неудовлетворенность или вызывают неуверенность не материалы, не школы, не люди или что-то там еще, а столкновение материалов (и тому подобное) с личностью, ощущающей во всем этом угрозу для себя.

Если вы сможете усвоить сказанное, затруднения исчезнут, потому что вторичная личность поймет, что ей не угрожает опасность наказания или исчезновения. «Потребность возражать», присущая столь многим людям и всегда именуемая как-нибудь иначе (например, «желанием понять» или «трудностью понимания»), необходимо поставить на свое место. Никто не сделает этого за вас — в конце концов есть вещи, которые вы должны сделать для себя сами. Однако такая постановка вопроса — «Что мне делать?» — правильна.

Запомните: «Когда вы сами не создаете себе трудности, никто вам их не создаст».

Конечно, если вы решили, что не в состоянии избежать реакций, о которых рассказали, то и сделать ничего не сможете, пока действительно не возьметесь за эту проблему. Это, так сказать, плата за вход.

ВРЕМЯ И СЛУЧАЙ

В.: Чем же мы занимаемся, когда не выполняем реальную «работу»? Можно ли сказать, что мы готовим себя для «работы»?

О.: Это зависит от того, о ком мы говорим. Отвечу вам с точки зрения группы, выполняющей реальную работу. Под этим подразумевается группа, отвечающая следующим критериям.

1. Необходимость в работе вызывает появление человека, которому она поручается.
2. Этот индивидуум способен или подготовлен к выполнению работы.
3. Наличие группы таких людей.

Когда эти условия соблюдены, и индивидуальная, и совместная деятельность, осуществляемая подобными людьми, является работой, в случае если она «спроектирована» быть таковой.

Подобная деятельность может быть только фрагментом чего-то, прелюдией, но это не подготовка к работе, это на самом деле и ЕСТЬ работа.

Лишь о группе людей, которым НЕ вверена миссия работы, можно сказать, что они готовят себя к ней. И даже в этом случае они только надеются, что готовят себя к работе, так как у них нет гарантии, что их «работа» будет принята. Когда я говорю принята, то имею в виду, что положительный результат, реальный аспект или «барака» того, что они делают, притом на более, чем одном из глубоких уровней, может стать доступными для них — они смогут получить «плату» за работу, если будут достаточно удачливы, чтобы войти в рабочую ситуацию. То есть эти люди в какой-то момент, а он наступает после того, как они накопили необходимый потенциал, вовлекаются в школу работы.

ПОДХОДЫ К ВОСТОЧНЫМ УЧЕНИЯМ

В.: Почему у нас, на Западе, возникает столько трудностей при попытках овладеть мистическим мышлением Востока, несмотря на то, что многие люди положили свои жизни, изучая восточный мистицизм, и действительно стали великими учителями?

О.: Вдохните глубже, так как сейчас я, в интересах истины, начну сокрушать идолов, хотя отвечу на ваш вопрос лишь частично. Прежде всего на Западе очень смутно догадываются о том, насколько широк диапазон учения, существующего на Востоке, и каковы качества этого учения.

Проблема исследователя, собирающего о нем информацию, заключается в том, что он не знает, как приступить к узнаванию. Он простой собиратель фактов, или опыта. Будучи собирателем, он организует и передает информацию, полученную, как ему кажется, из единого источника, тогда как на самом деле имеет дело с разными внешними формулировками некоего

центрального факта или деятельности. Эти искажения он передает вам, иногда с дальнейшим усложнением. Если он академический ученый, возможно санскритолог, то в этом процессе он передаст «холодный» материал. Но если это человек эмоционального склада, то он сам будет причастен той убежденности в истине, которую исповедуют его учителя. Он не осознает, что сами они обладают лишь ослабленной, неполной или искаженной традицией.

Не все восточные мистики находятся в контакте со всей реальностью или чем-то подобным. Своей отстраненной святостью или оргиастическими ритуалами они, возможно, затрагивают какие-то внутренние струны западного ученика, но вовсе не обязательно подают истину как процесс или деятельность, назначение которых развивать человека. Эта последняя фраза является ключевой во всей теме: «Чем мы в конце концов занимаемся?»

Письменные и другие материалы, доступные на Западе (и часто на Востоке, в кругах не претерпевшего духовного возрождения), изучают, над ними ломают голову или принимают их, и они становятся основой для поиска истины в том экспериментальном духе, который в определенных сферах дает хорошие результаты, но не применим в данной области. Часто здесь отсутствует существенная связь между материалом, учителем и обучаемым. В итоге — свалка квазимистических усилий. «C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre!» Прежде всего это надо понять.

Купаться в грязи — занятие для гиппопотама. Человек, имеющий правильное представление о том, как использовать грязь, может изготовить из нее строительные блоки. Оба, и человек, и гиппопотам, великолепно используют данный материал. Но если гиппопотам думает, что он человек...

Тем не менее речи в таком духе вовсе не прибавляют популярности, так как по социальным причинам, которые в настоящее время лежат в самой основе общественного поведения, мы должны позволить любому человеку считать, что у него есть все необходимое для понимания. Предположение, что ему нужно научиться, как учиться, социально неприемлемо. В лучшем случае вас обвинят, открыто или в какой-то иной форме, в попытке главенствовать над другими.

МЕДИТАЦИЯ И ДРУГИЕ ТЕМЫ

В.: Почему настоящие суфии не обучают медитации и другим духовным практикам, как само собой разумеющимся ценным дисциплинам? Ведь из этого каждый может извлечь пользу?

О.: По той же причине, по которой хорошие садовники не сажают полезные растения среди сорняков.

В.: Может ли молитва «препятствовать прогрессу», как говорили известные классические суфии?

О.: Пробка, пусть даже золотая, которой заткнут водопроводный кран, может быть препятствием для воды. И золото, и вода — ценны и существенны. Вопрос в том, как надо их использовать.

В.: Как может разумный человек позволить кому-то, даже суфию, которого он уважает, говорить ему, что правильно, а что нет?

О.: Действительно, разумному человеку нет нужды говорить это, так что подобный вопрос и не возникает. В любом случае у суфия иная роль. Суфию приходится помогать другому человеку устранять внутренние барьеры, которые снижают чувствительность.

В.: Когда человек начинает получать духовное удовлетворение от суфийской работы?

О.: Когда он перестает ждать эмоциональных стимулов и поэтому «перестает желать духовного удовлетворения».

В.: Почему мне бывает трудно поверить в некоторые заявления суфиев, и еще, почему мне

кажется, что написанное суфиями часто слишком высокопарно?

О.: Ответ на первый вопрос вот в чем: что вы ищете нечто, способное заставить вас поверить, будь то человек или другое явление, но суфии не занимаются подобными вещами. Следовательно, вы должны сами чувствовать проблемы подобного рода. Не зная этого, вы ищете систему убеждения, которой в суфизме не существует. Примерно в том же духе можно объяснить кажущуюся высокопарность письменных материалов — ваша оценка основана на несоответствии ожиданий и фактов. Всем нам нравится вода помокрее.

В.: Я заглянул в книгу, принадлежавшую одному дервишу, и обнаружил, что многие отрывки были зачеркнуты. Еще я нашел там список шести копий этой же самой книги, и против каждой упомянутой копии стояло число. Что он делал?

О.: Нечто противоположное тому, что люди обычно делают с книгами. Они помечают впечатляющие отрывки, чтобы вернуться к ним впоследствии. Этот дервиш вычеркивал те отрывки, которые произвели на него впечатление, чтобы сосредоточиться на не менее важном содержании оставшейся части книги. Обычно люди покупают лишь один экземпляр книги. Однако дервиш может купить шесть копий. Он прорабатывает по очереди каждый экземпляр, помечая отрывки и датируя свою работу. Затем, окончив весь цикл, он может увидеть свой прогресс и, таким образом, сделать его постоянным.

В.: Предполагается, что, занимаясь изучением высших материй, я не должен быть доверчивым или сентиментальным. Мне не следует быть чересчур интеллектуальным или слишком эмоциональным. Так много вещей, которые надо делать или, наоборот, не делать. Как найти подходящий уровень внимания, эмоциональности и т.д.?

О.: Поэтому-то вам и предлагается пройти некий курс изучения или поработать с письменными материалами — это способствует установлению должного количества и качества внимания. Человек с головной болью, которому дали таблетку аспирина, не спросит: «Как мне избавиться от головной боли?»

В.: Почему суфии вообще пытаются учить?

О.: Сначала взгляните на каждую из предполагаемых «причин». Любая версия будет служить барьером к пониманию, являясь одним из ваших возможных мнений. Когда вам удастся убрать эти препятствия с пути, вы поймете, почему ценен только такой вид понимания. Поэтому настоящая причина, разумеется, не выражена словами, а лежит за ними.

В.: Есть ли какая-нибудь идея, столь же скверная, как та, что «знание можно купить»?

О.: Да, идея, что «знание должно быть бесплатным». Понимаете, такой образ мышления столь ограничивает, что это препятствует учебе и наполняет ум деятельностью низкого уровня, возводя барьеры для восприятия.

В.: У меня иногда бывают странные сны, видения, и мне даже кажется, что я иногда получаю послания.

О.: Прекрасно. Теперь можно отбросить эту фазу, и мы начнем двигаться к Реальности.

РАЗДЕЛ III

КОЛИЧЕСТВО, КАЧЕСТВО И ВРЕМЯ

Рассмотрим метод приготовления некоего блюда. Вначале на огонь ставят котелок с несколькими ингредиентами. Мало-помалу добавляют остальные. По мере приготовления все они высвобождают свои эссенции и ароматы, внося вклад во вкус готовящегося блюда. Кроме того, в приготовлении используют определенные специи. Приправы не просто кидают в общую массу, а отмеряют и кладут в котелок на определенных стадиях готовки. Эта технология хорошо

знакома всем поварам.

Однако есть дополнительный технологический прием, который менее известен. Вот он: некоторые приправы не добавляют за один раз. Их делят на несколько порций и небольшими долями кладут в различное время. В результате каждая порция одной и той же приправы выделяет слегка отличный аромат в соответствии со стадиями приготовления блюда. Поэтому такая приправа, вполне возможно, содержит более чем один «аромат». Эта работа с тонкими нюансами и отличает мастерство искусного повара.

АРОМАТ

В.: Меня глубоко волнует многое из того, к чему, как говорят суфии, следует подходить с осторожностью, соблюдая особые условия, или избегать совершенно. А ведь это касается таких вещей, которые веками используют люди во всех религиях: музыки, молений, ритуалов...

О.: Именно поэтому некоторые люди, а они были во всех религиях, предупреждали о том, что нельзя принимать возбуждение за духовность.

Если вам надо ароматизировать сто килограммов мороженого, вам потребуется натуральный фруктовый сок в количестве одной трети от общего веса. Если вы положите меньше, то повысите питательность, но не добьетесь ощутимого ароматического эффекта.

Однако если вместо этого вы добавите искусственный ароматизатор, то, чтобы придать мороженому фруктовый вкус, потребуется только одна трехтысячная объема.

Теперь решайте, чего вы хотите: пойти легким путем и получить аромат без питательной ценности или же и аромат, и фруктовое содержимое? Щепотка искусственного фруктового ароматизатора создаст впечатление фрукта, и это легко достижимо.

Сколь многие, однако, скажут: «Почему бы мне не использовать синтетику, раз это так легко?»

ПРАВИЛЬНЫЕ И НЕПРАВИЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Любые дисциплины, включая суфийские, можно изучать или практиковать абсолютно любым методом.

Однако полученные результаты всегда будут зависеть от правильности метода.

Равным образом, понимание этих результатов зависит от того, достаточно ли у вас знаний, чтобы оценить результат.

Именно поэтому как учеба у суфиев, так и образование и обучение в широком смысле требуют квалифицированного руководства извне, особенно если это руководство отсутствует внутри учащегося.

Такое руководство может быть незнакомым по форме или способу взаимодействия, но никогда случайным. Оно связывает способ, время, место, коллектив, вовлеченные в учебный процесс, а также применение подобной учебы в конкретных случаях.

Существуют три ложных «пути», ассоциируемых ныне с суфизмом в основном из-за незнания тех моментов, на которые мы здесь ссылаемся. Вот они.

1. Схоластическое изучение, где буквальное принимают за метафору (или наоборот), и действуют избирательно, используя только некоторые источники: подобная деятельность сопровождается попытками привести все в систему, основанную на неподходящем образце и т. п.

2. «Гуруизм» (по-персидски называемый *piri-muridi*) по сути сводится к цирковому представлению, где все работает на энергии грубых эмоций, принимаемых за духовность. Это

явление — результат либо самообмана, либо умышленной фальсификации.

3. Патологическая религиозность. Для нее характерны мрачное, депрессивное мировоззрение, сопровождающееся практикой возбуждающих телодвижений.

Подлинные суфийские занятия основываются на замысле и мере. Замысел воспринимается только теми, кто имеет необходимый опыт, чтобы его распознать, — мера есть следствие этого восприятия.

Отсутствие осведомленности о существовании реального замысла и меры является причиной того, что все подлинные духовные учения попадают (по меньшей мере, частично) в руки харизматических лидеров, которые сводят внешнюю форму учений к одной из трех указанных категорий. Фактически все три относятся к культурам.

ДОВЕРИЕ

В.: Как человек может научиться доверять?

О.: Преодолевая глупость посредством развития ума. Вот история для обдумывания.

АЛЬТЕРНАТИВА

Один человек сорвался с крутого обрыва, но зацепился одеждой за ветку дерева, укоренившегося на склоне, и повис над рекой, что пенилась далеко внизу.

Человек поднял глаза к небу и в ужасе вскричал:

«Есть там кто-нибудь?!»

Голос немедленно ответил:

«Чего ты хочешь?»

Несчастный воскликнул:

«Скажи, что делать!»

Голос ответил:

«Отцепись и падай!»

Человек задумался на мгновение, снова посмотрел вниз и затем завопил в небеса:

«Есть там наверху кто-нибудь еще?» И в этот момент дерево рухнуло вниз...

БРОВИ

Один человек посмотрел на свою жену и спросил:

«С каких это пор у тебя одна бровь стала тоньше другой?»

Она ответила:

«С тех пор как ты стал смотреть на мою внешность и перестал воспринимать мой “внутренний облик”».

Так гласит суфийская история. Вот продолжение.

Так же и потенциальный искатель, спрашивая, как можно доверять мастеру, подходит к этому вопросу поверхностно. Если бы он мог различать внутренние достоинства человека, ему, конечно, не было бы нужды задавать подобный вопрос. Но, поскольку он этого не понимает, единственно возможный для него ответ таков: «Для тебя нет ответа!»

НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЕ

В.: Я пришел к суфию, а он произнес лишь несколько ничего не значащих слов. Как я могу

уважать такого человека, ведь предполагается, что учителей надо почитать? Я даже слышал об одном суфии, который назначил человеку встречу и вообще ничего ему не сказал. Более того, я читал о суфиях, которые только и делали, что подшучивали над своими спутниками и никогда ничему не учили.

О.: Все это вопрос точки зрения. А вы не рассматривали такую гипотезу, что вы неправы, а он прав? Думаю, судя по вашему вопросу, не рассматривали. Позвольте предложить вам небольшую аналогию из моего собственного опыта. Однажды, путешествуя, я увидел далеко впереди холм, и только он отделял меня от конечной цели моего путешествия. Я прикинул, что довольно быстро смогу взобраться на такой холм, и не запасся провизией. Пройдя несколько миль, я понял, что этот «незначительный холм» на самом деле очень высокая гора. Она была не просто препятствием на моем пути — я вообще не мог ее преодолеть! То, что выглядит незначительным с той позиции, где вы находитесь, и это могут быть как раз те несколько слов, возможно, потом, как эта гора, окажется крайне важным. Учитывая подобные вещи и будучи внимательным к своему учителю, вы, таким образом, создаете себе запас провизии. И тогда, в отличие от меня, вы сумеете перевалить через гору. Более того, добравшись до вершины, вы сможете увидеть конечную цель. Оглядываясь назад с высшей точки, вы реально увидите весь проделанный вами путь. Вы осознаете и то, что осталось позади, и то, что ждет вас впереди. Такова реальность суфийского Пути.

ЗАПЛАТИВ, ОЦЕНИШЬ

Один человек пришел к суфийскому мастеру и стал жаловаться, что он хотя и ощущает определенное духовное руководство со стороны своего нынешнего учителя, но хотел бы чего-то более притягательного, чем наставления в том виде, в каком он их получал.

Мастер допустил его на время в свою общину и заставил выполнять такие трудные упражнения, что человек не смог их вынести и вернулся к своему прежнему наставнику.

Один из учеников мастера сказал:

«Я убежден, что, если бы вы с самого начала более мягко обращались с этим новичком, он бы привык к трудностям и не был бы потерян для общины».

Тогда мастер собрал своих учеников и рассказал им такую историю.

«Жил когда-то один судья, который имел обыкновение брать взятки еще до того, как начинал слушать дело или что-то подписывать. Люди возмущались, но ничего не могли поделать, поскольку он был назначен верховной властью.

Когда судья умер, его место перешло к сыну. Тот, в свою очередь, тоже принуждал людей давать ему деньги, и даже не разбирался, есть ли дело к рассмотрению или нет. Вскоре горожане стали молиться, чтобы вернулся прежний судья, которого раньше все проклинали. “В конце концов, — говорили они, — он, бывало, оставлял нас в покое, и при нем была какая-то справедливость...”

Ученику, вернувшемуся к своему прежнему наставнику, надо было пройти через все эти переживания, чтобы оценить обучение, которое он и в самом деле получал, поскольку оно было именно тем, что ему требовалось в данное время. Я был лишь средством, дающим ему этот урок».

АРТОБСТРЕЛ

Пока «духовный поиск» напрямую связан с самолюбием, человек ничего не сможет достичь, если не увидит, что эта связь вредна. Обычно люди, конечно, не осознают, что, считая

себя серьезными «путниками на пути», или как они там это называют, они испытывают чувство гордости. Еще чаще они воображают, что смиренны, но эту смиренность часто легко разоблачить как непреднамеренную маску, скрывающую чувство личной значимости.

Как-то ко мне пришел один юноша. Он прочел множество книг на духовные темы, но при этом чувствовал, что «его вера в Путь слабеет». Он хотел, чтобы я восстановил ее и стал его учителем. Такой подход все чаще сегодня — как это было и прежде, согласно сохранившимся суфийским хроникам, — оборачивается по большей части требованием внимания, а не знания.

Я спросил, устроит ли его аллегорическое описание его истории, нынешнего состояния и желаний. Он просиял и ответил в таком духе: «Я не смел и надеяться, что вы дадите мне нечто столь всеобъемлющее!»

Тогда я решил показать ему, что, говоря «всеобъемлющее», он вряд ли имел еще какие-то намерения, кроме как польстить мне. Я рассказал ему такой анекдот.

Молодой солдат укрывался в траншее от артобстрела. Вдруг он заметил рядом пожилого офицера, который завербовал его в армию. Солдат спросил:

«Помните, когда был набор в армию, как вы говорили мне о прелестях армейской жизни и как в армии я смогу избавиться от кошмарного автоматизма гражданского общества?» «Помню», — сказал офицер.

«Тогда, — продолжал юноша, — повторите мне все это, а то я чувствую, что мой энтузиазм слабеет!»

Мой посетитель, который вначале письменно просил о встрече и заверил, что полностью и навсегда примет все, что я ни скажу, вдруг стал весьма раздраженным...

УКРАДЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

В.: Одни люди дают знание даром — почему другие требуют за него плату?

О.: То, что дается даром, никогда не является знанием. Это может быть информацией или чем-то, с чем человек может работать, но знание подобным образом не приходит.

Таким способом вы получаете то, что никогда не сможет стать вашим.

На этот счет есть поговорка: «Если ты украд табун лошадей, неужели не продашь каждую за монетку?»

Вам следует знать, что вещь, пусть даже оцененная в медную монету или и того меньше, возможно, не является вашей собственностью и никогда ею не будет.

ПЯТЬ ЖИВОТНЫХ

Пятеро животных, на долю которых выпали всевозможные приключения, повстречались на большой дороге. Все они пришли к заключению, что их объединяют общие убеждения и общая цель. И петух, и собака, и обезьяна, и осел, и кот — каждый был уверен, что наделен прекрасным голосом, который к тому же не оценили по достоинству. Потому-то каждый из них и отправился путешествовать в поисках признания.

Вполне естественно, что, встретившись, они решили держать путь вместе.

Вскоре животные подошли к одной деревне. Обезьяна, оседлав осла, отправилась посмотреть на местных жителей.

«Здесь нас не оценят, — доложила она по возвращении. — Как только эти невежественные крестьяне нас увидели, то бросились врассыпную, крича, что явился дьявол верхом на демоне ада...»

Поэтому они обошли эту деревню стороной и отправились в другую.

На этот раз в деревню на спине осла въехал белый петух, во всем блеске своего оперения, периодически кукарекая, чтобы испытать действие своего голоса на жителей деревни. Осел в свою очередь не удержался и добавил к пению петуха несколько мелодичных рулад.

Увидев такое необычное зрелище, люди окружили их, не веря своим глазам, и не в состоянии понять, что происходит. Вдруг какой-то мужлан закричал:

«Да это же божественные существа, белый петух — святой, а осел — его верный ученик! Воздайте им хвалу, и они принесут нам мир и изобилие...»

Требую помощи и исцеления, богатства и искупления грехов, толпа пришла в такое неистовство, что и пернатый, и четвероногий задали стрекача.

«Все бесполезно, — доложили они, — вместо того чтобы послушать наши голоса, эти люди хотят продемонстрировать свои».

Итак, решив, что и эта деревня не для них, звери всей честной компанией отправились дальше по дороге, и шли, пока не стало темнеть. Они решили укрыться в лесу и наутро идти дальше.

Собака и осел легли у корней дерева, петух взлетел на нижние ветви, более любопытные кот и обезьяна взобрались на самую верхушку. Вдруг кот, видевший в темноте, заметил неподалеку яркий свет и разбудил остальных:

«Там, где свет, может быть и еда, ведь люди готовят еду на огне. Идемте все разведем, и к тому же, может быть, кто-нибудь оценит наши прекрасные голоса».

И вот спустя несколько минут вся компания оказалась на поляне, где стоял небольшой дом с освещенными окнами.

Они подкрались поближе, обезьяна села верхом на осла, петух взлетел к ней на голову, и все они прильнули к окну.

А случилось так, что хозяев дома не было, и разбойники целой шайкой вломились внутрь и принялись пить и есть, уничтожая все припасы, какие там были. Увидев попойку и услышав нескладное пение воров, петух вскрикнул от удивления. Его крик насторожил разбойников, и они, все, как один, повернулись к окну. К своему ужасу злодеи увидели гигантского петуха с головой обезьяны на груди. Закричав и завыв от страха, негодяи бросились вон, а наши герои конечно же заняли дом.

Они поели и расположились в нижней комнате, наслаждаясь сытостью и теплом. Между тем воры, столь опрометчиво убежав, стали сомневаться, не почудилось ли им все это. Они подкрались к дому и осторожно вошли.

Сначала ничего не было видно, и один из воров зажег огонь, чтобы найти свечу. Свет мгновенно отразился в глазах кота, сидевшего высоко на теплой печи. Вор в страхе отпрыгнул, и его тут же лягнул осел, разлегшийся на полу. Это растревожило обезьяну, она стала плевать на остальных воров, петух начал клевать их, а собака зарычала. Снова пришлось вора удирать что было мочи. Потом, обменявшись впечатлениями, они решили, что в доме поселился огромных размеров демон, покрытый шерстью и перьями, со сверкающими глазами, который страшно рычит, кусается, царапается и лягается.

И по сей день они верят, что в том доме именно так все и было. Фактически, люди мыслят аналогичным образом, когда создают собственное представление о мире.

ВАШ ВЗНОС И МОЙ ВЗНОС

Однажды суфийского учителя Анвара Аббаси спросили: «Что сподвигло вас встать на путь к знанию?» Он ответил:

«Я провел много лет в поисках учения и учителя. Но каждому из встреченных учителей мне

было что возразить, и я уж было отчаялся достичь своей цели».

Наконец я попал в дом некоего суфия. Мне показалось, что его поступки соответствуют словам, а его последователи произвели на меня очень сильное впечатление.

Некоторое время я чувствовал, что нашел то, в чем нуждался. Затем, к несчастью, с меня потребовали денег, и я подумал: “Люди мудрости не требуют платы за знание”. И в тот же день, однако, не сказав никому о причинах, я покинул это место.

В тот вечер я разделил свой ужин со старым дервишем, которого встретил на обочине дороги. Я ничего ему не рассказывал, но он, прочитав мои мысли, сказал: “Когда вы даете деньги, вы пытаетесь оценить полученное взамен или даете то, что, как вы знаете, можете себе позволить? С другой стороны, возможно, вы ищете причину вообще ничего не давать, в то же время считая себя добродетельным человеком?”

Внезапно осознав, что моя позиция была только замаскированной скарედностью, я был настолько шокирован всем этим, что вернулся к учителю. Увидев меня, он улыбнулся и сказал: “Тот, кто говорит, что нельзя требовать платы за знание, не сможет принять его даже в дар. Причина в том, что человек способен учиться только после того, как выбросит из головы мирскую ментальность — вопрос платить или не платить — и освободит место для мудрости. В одном и том же человеке нет места для “Я не хочу платить” и “Я хочу учиться”. Мы всегда требуем денег, чтобы отклонить жадного или показать ему его поверхностность».

ОГОВАРИВАТЬ УСЛОВИЯ ДАРЕНИЯ...

Способы обучения, знание природы и потребностей обучающихся и многое другое, чем обладают суфии, а также то, что становится доступным через них, они сами называют «дарами». Таким образом, все это «дается в дар» человеку для его пользы.

Испрашивая руководства или обучения, люди в известном смысле просят даров. Но, как и в случае с более материальными подарками, они не могут оговаривать природу получаемого дара, его размер и время вручения.

«Дары» не просто даются, они могут быть даны только в контексте структуры, которая определяет этот особый вид дарения.

Сама концепция дарования способности, а также принятия и использования этого дара очень полезна для понимания следующих моментов: нельзя торговаться с тем, кто дарит; человек не оценит подаренной вещи, пока ему не покажут, в чем ее ценность или как ею можно пользоваться; никто, как правило, не подает заявку на получение подарка.

МУРАВЬИ

В.: «Во имя суфизма» многие люди во всем мире читают лекции, ведут группы и зачисляют в ученики. Как можно узнать, суфии они или нет? Основываясь на том, что я знаю о некоторых из них, уверен, что большинство — не суфии...

О.: Вот выдержка из прессы:

«Американский Сумасшедший муравей появился в Британии. Это насекомое, правильное название которого “Длинноногий Муравей”, впервые было обнаружено в Великобритании, в Престонской психиатрической больнице».

Это что, намеренно? Что, Сумасшедшие муравьи выползли из автобуса и направились напрямик в психиатрическую больницу? Я бы сказал, что они случайно оказались около больницы и поселились в ней, поскольку им что-то — возможно, центральное отопление — очень понравилось.

Подобным образом люди, которые думают, что в суфийском Пути есть нечто, соответствующее их идеям, «приспосабливают» учение к себе. Записавшись в ученики, они обосновываются на Пути и так далее.

Как можно узнать суфия, спрашиваете вы, и затем сами отвечаете. Вы уверены, что большинство из них — не суфии. Как вы это узнали? Используя здравый смысл. В подобных «приспособленцах» всегда есть что-то странное и неприемлемое, но, возможно, придется потратить некоторое время, чтобы заметить это. Тут действует простое правило: используйте здравый смысл, пока «муравьи» его не сожрали.

ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ УЧИТЕЛЯ...

С тех пор как во всем мире появилось столько людей, провозгласивших себя духовными учителями, многие из тех, кто желает следовать им, — а равно и те, кто их опровергает, — тратят уйму времени на выяснение, настоящие это учителя или нет.

Замечательно скорее то, что в большинстве случаев самозванных учителей легко распознать, применяя обычный рациональный подход, имеющий определенную ценность даже для искателя истины.

Один человек подошел на базарной площади к торговцу, расхваливавшему «самый восхитительный, уникальнейший мед в мире». Покупатель спросил:

«Если это такой замечательный мед, почему же ты продаешь его?»

Торговец медом ответил:

«Будь уверен, я бы не продавал, если бы в него не попала мышь!»

Конечно, кто-то может привести аргумент, что, какова бы ни была искренность искателя, в духовной области трудно заметить, не случилось ли с веществом учения чего-то подобного. Но если бы этот искатель только заставил себя взглянуть на мед, где дохлая мышь плавает на поверхности, то начал бы учиться, как распознавать реальность. Те, кто умеет устраивать проверку фальшивому золоту, в конце концов найдут настоящее. Есть, конечно, и те, кто начинает с другой стороны, кто может проверять золото, не будучи введенным в заблуждение подделками, но это, к сожалению, люди иного сорта.

В ПОИСКАХ УЧИТЕЛЯ

В.: Правда ли, что на суфийском Пути абсолютно необходим учитель?

О.: Да. Абсолютно необходим для практических целей. В.: Как следует искать учителя?

О.: Подготавливая себя к поиску, знакомясь с материалами, которые учитель предоставляет для первоначального изучения. Затем человек приходит к учителю и спрашивает, нельзя ли стать его учеником.

В.: Но разве не это люди всегда и делают?

О.: Совсем не это. Люди редко задаются вопросом, взяли ли они на себя труд усвоить то, чем учитель уже, возможно, обеспечил их. Вместо этого они предпочитают искать учителя и возлагать на него всю ответственность за свое обучение. Эта позиция отрезает их от учебы, поскольку сводится к предположению, основанному на тщеславии. Предварительное ознакомление с материалами предназначено для того, чтобы помочь уменьшить подобное тщеславие.

В.: Просто искать учителя — где конкретно здесь проявляется тщеславие?

О.: Оно заключается в предположении, что я могу и должен обучаться непосредственно у учителя, не сделав необходимого предварительного шага к тому, чтобы ознакомиться с работой

учителя для подготовительного уровня.

КАК ОТЛИЧИТЬ

В.: Как отличить истинного суфия от человека, который только претендует на подобную принадлежность?

О.: У католиков есть анекдот о некоем джентльмене с Филиппин, который, будучи представлен папе римскому, спросил его: «Вы католик? Я тоже!»

Человек, рассказавший мне эту историю, объяснил, что тот, кто думает и говорит подобным образом, не может быть католиком.

Что же касается суфиев, будьте уверены: те, кто называет себя «суфиями», никоим образом ими не являются. Суфии распознаются другими суфиями.

Однако существует способность воспринимать истину и ложь. Для желающих учиться этого достаточно. Данная способность не развивается: она, так сказать, встроена. Ее может скрывать покров лицемерия и предвзятости, следовательно, необходимо прежде всего заняться именно этими качествами, стремясь освободиться от них.

Есть известный английский анекдот о шестерых посетителях, ожидающих в Букингемском дворце приема королевы. Трое из них были белыми, один — желтым, а также присутствовали черный и мулат.

Появляется конюший* и говорит:

«Прошу высоких гостей проследовать за мной».

Три англичанина встанут и направляются к двери. Однако придворный останавливает их:

«Нет, я имел в виду тех джентльменов — Его Высочество, Его Преосвященство и Его Превосходительство...»

Желтый, негр и мулат дружно выходят из комнаты.

Англичане переглядываются, и наконец один из них произносит:

«А интересно, все-таки чья это страна?»

* Конюший — придворное звание в Англии. — Прим. перев.

ИМИТАТОРЫ

Те люди (и мужчины, и женщины), которые заявляют, что «распространяют мои учения», а сами делают все неправильно, создают мне огромные трудности.

Как-то, в отчаянии, я пригласил к себе пару злостных вредителей, мужчину и женщину, и сказал им, что они лишь потакают себе и вводят в заблуждение других. Я протестовал против того, что они эксплуатируют людей, наобум объединяют учеников, «обучают», ничего в этом не понимая, используют несоответствующие материалы для несоответствующих людей и т.п.

Они внимательно выслушали все, что я им сказал, — ну а затем стали действовать точно так же, как и прежде, но с одним единственным отличием.

Отличие заключалось в том, что теперь они объявляли себя «получившими персональные инструкции от Идриса Шаха»!

ТЕПЕРЬ ОН ПОНИМАЕТ...

В дни моей юности я был озадачен поведением одного суфия, который, подобно многим другим, был бизнесменом. Одному человеку, желавшему стать его учеником (он был моим знакомым), было предложено пожертвовать весьма солидную сумму денег для личного бизнеса

учителя. Соискатель был немало удивлен этим требованием. Он был приучен верить в то, что духовные люди бескорыстно жертвуют собой во имя своей работы, и слова: «Эти деньги возместят убытки, которые бизнес учителя потерпит из-за траты драгоценного времени на твое обучение», его просто потрясли. Ему было сказано, что он ничего не получит, ни одного урока, до тех пор, пока не заплатит деньги.

Когда мы сидели на ступеньках суфийского центра, богатый, но озадаченный ученик обратился ко мне с болью в голосе.

«Не знаю, доверяю ли я ему, — сказал он, — поэтому не понимаю, зачем меня поставили перед необходимостью выбора, зачем мне ломать голову над тем, должен ли я давать ему деньги?»

Я согласился. Я подумал, что, если цель — просто заставить ученика платить, почему бы не выбрать какую-нибудь благотворительную организацию, не связанную с этим суфием, и не направить пожертвование туда. Мы решили, что подобный подход к делу, даже со стороны такого человека, каким мы считали нашего мастера, вызовет нехорошие мысли у кого угодно...

«Больше того, — сказал мой друг, — интересно, понимает ли учитель, что его репутация находится сейчас в моих руках. Святой, божий человек, ученый и все прочее — так он, возможно, выглядит со стороны. Но как он будет выглядеть для мира, если я, пусть и не просветленный, но, безусловно, честный человек, объявлю во всеуслышание, что этот духовный наставник не соглашается учить, пока ему не дадут денег?»

«Совершенно верно, — подумал я, — никогда не следует верить свою репутацию кому бы то ни было». Я встал и ушел и никогда больше не возвращался в обитель этого суфия, стараясь держаться от него в стороне.

Прошло пять лет, я находился в другой стране и очень много работал, выполняя трудное задание. Иногда я целыми днями не покидал моей маленькой комнаты над торговыми рядами в Дамаске. Иногда — и это был как раз такой день — я чувствовал, что мне просто необходимо выйти, увидеть других людей и сменить обстановку.

И вот я встал из-за моего маленького письменного стола и спустился вниз, где кипел многолюдный базар, чтобы побродить среди людей, толпящихся у магазинов.

Не успев выйти на улицу и все еще стоя в дверном проеме, я вдруг увидел моего богатого друга. Он был в одеянии странствующего дервиша: в конической шапке, залатанном плаще и с ниткой четок в руках. Я взял его под руку и повел в кофейню, за столик, где мы могли поговорить.

Я сразу же спросил его, решился ли он в конце концов дать деньги суфию. Мой товарищ вздохнул, и то, что он затем поведал, я назвал бы важнейшими словами, какие мне когда-либо доводилось слышать в жизни.

«В конце концов, — начал он, — я дал ему деньги, потому что решил, что это, должно быть, некоего рода тест. Неделю спустя учитель меня вызвал, вернул деньги и прогнал прочь. Отсылая меня, он сказал: “Ты пытался испытать меня, одновременно льстя себе предположением, что я испытываю тебя”».

Снова и снова я возвращался на его собрания. Я ел за его столом и слушал его лекции, однако уверен, что не получал от него ничего ценного». — Тут рассказчик перестал говорить, и дрожь пробежала по его телу.

«А потом?» — спросил я.

«Потом, вскоре после этого, мастер умер. И я подумал: “Он стал для меня недостижимым”». После этих слов мой знакомый опять замолчал, и я был вынужден напомнить ему о своем присутствии.

«Брат, расскажи мне, — попросил я, — чем это все закончилось?»

«На следующий день после смерти мастера, — продолжил он, — когда я сидел погруженный в созерцание, он появился передо мной как в видении. Его рука была протянута ко мне, но я не мог до нее дотронуться. Он нахмурился, и я почувствовал одновременно страх и любовь. Затем он обратился ко мне.

“Мой дорогой друг, — сказал он, — твоим богом были деньги, не сам Бог. Алчность породила сомнение, и я не мог учить тебя, пока в тебе были эти качества — алчность и сомнение”.

“Но вы сыграли на моем сомнении и увеличили его”, — воскликнул я.

“Я предъявил твоему вниманию качества, лишаящие тебя способности. Я не усилил их, а лишь заставил явиться тебе. Это дало тебе шанс, осуждая меня, оценить и себя. — Тут учитель замолчал, после чего показал мне, что все время читал мои мысли. — Ты думал, что моя репутация всецело находится в твоих руках. Но почему ты торжествовал, обладая тем, чем обладает и любой другой? Разве ты не знаешь, что всякий невежда может совершенно безопасно для себя поносить любого суфия и ему поверит каждый испуганный, подозрительный и алчный человек. Разве ты не знаешь, что собака видит врага в каждой тени, и даже в тени своего хозяина, приносящего ей еду?”

Я упал на колени и умолял его помочь мне.

“Ты сам себе не помогаешь и тем не менее просишь о помощи!, — сказал он. — Я смогу вернуться только тогда, когда у меня опять появится возможность помочь тебе”».

Со слезами на глазах мой друг, странствующий дервиш, вскочил со своего стула, и я бросился за ним, но он тут же растворился в пятничной вечерней толпе.

Это было тридцать лет тому назад, и с тех пор я его не встречал. Однако сегодня я получил весточку от него. Вот она: «Сначала я был невежествен, затем я выучил урок умом и чувствами и думал, что это был духовный урок. А теперь, наконец, я понял. Духовность — это понимание, а не воображение. Хвала Господу Всех Миров».

ПОВАР

Давайте представим себе, что жизнь — это путешествие, и Досмотрим, как люди воображают ход тех или иных событий. То здесь, то там мы сможем обнаружить некоторое вмешательство, которое словно бы нарушает заданный курс. Конечно, однажды изменив направление, судьба как будто бы возвращается в колено и развивается вполне линейно до тех пор, пока другое вмешательство не нарушит сложившийся образец. Забыв о всякой предусмотрительности, люди начинают этот процесс заново, предполагая, что жизнь будет продолжаться, как прежде, — в линейном режиме...

Лучшей иллюстрацией того, что происходит на самом деле и что, как воображают люди, будет происходить, оказывается история. Мы можем рассказать здесь такую историю, и она даст нам возможность разглядеть, как все происходит в действительности.

Однажды караван богатых и преисполненных важностью купцов отправился в длительное и опасное путешествие из Сирии — на юг, в Мекку. Вскоре после того как процессия тронулась в путь, какой-то самоуверенный на вид старец, верхом на осле и с двумя груженными мулами в связке, попросил разрешения присоединиться к каравану

Предводитель каравана начал обсуждать такую возможность, и, по крайней мере, некоторые из купцов высказали свои возражения против незнакомца. Он не выглядел процветающим; у него были не верблюды, а мулы и осел. Кроме того, он не выглядел достаточно крепким, чтобы носить оружие, и это был аргумент не в его пользу, поскольку пустыня кишела разбойниками...

Более того, он признался, что по профессии он всего лишь повар, правда шеф-повар, но все-таки — повар. Он настаивал, что, поскольку он «находится под защитой», его участие будет только во благо. В конце концов, чтобы не терять времени, купцы оставили свои возражения и повару было позволено присоединиться к каравану.

Когда караван вступил в дикую и бесплодную область пустыни, его окружили разбойники. Они были хорошо организованы, и, спутав ноги верблюдам, впихнули купцов в загон для скота, окруженный колючей изгородью, а сами, обступив своего предводителя, стали обсуждать, как будут делить добычу.

Отдавшись этому занятию, спустя несколько минут они вдруг заметили, что проглядели кого-то из пленников. Повар, каким-то образом оказавшийся вне загона, раскладывал на земле длинный кусок ткани, который он достал из седельной сумки. Затем на глазах у разбойников он стал вытаскивать из сумки один за другим пироги весьма аппетитного вида и класть их на скатерть.

«Чем это ты занимаешься, — взревел главарь. — До тебя все еще не дошло, что ты пленник?»

«Пленник или нет, но люди должны есть, а я повар», — ответил человек и продолжал раскладывать еду.

Привлеченные соблазнительной картиной, бандиты отпихнули его и столпились вокруг скатерти. Они сели и жадно сожрали все, что там было.

Не прошло и получаса, как бандиты, опьяненные каким-то снадобьем, добавленным в еду, погрузились в глубокий сон...

Повар открыл колючую изгородь и выпустил пленников. Разбойники были переданы в руки властей, и, таким образом, караван был спасен человеком, который, казалось, наименее подходил для этого.

Сегодня вечером я рассказал эту историю потому, что кто-то показал мне набросок статьи о нас, где выражается удивление, что такое сборище, как мы, может быть вовлечено во что-то существенное.

Некоторые из присутствующих здесь послали мне различные вопросы, например такие:

«Могут ли в жизни, за пределами плана, доступного нашему видению, происходить некие события?»

«Может ли невидимый аспект событий влиять на их последующее развитие?»

«Сдерживает ли нас неспособность видеть реальность?»

«На некоторых стадиях кажется, что нашу цель невозможно достичь. Так ли это?»

Как мне представляется, приведенная история отвечает на каждый из этих вопросов, да и на многие другие тоже...

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ И НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ

В.: Если значимость великих суфиев — прежних и нынешних мастеров — столь велика, если они решают задачи космического масштаба, то почему так часто их можно застать за столь нехитрыми занятиями, как обучение малозначимых учеников или преподавание совершенно элементарных учений?

О.: Непонимание этого момента объясняется отсутствием полного знания о функциях реальных суфиев. Наличие способности и функций подразумевает использование их соответствующим образом и в соответствующее время, но не произвольно. Так, имея Доступ к электрическому свету, возможно, вы включите его, чтобы почитать тривиальную книгу, а может быть, чтобы написать работу, которая получит Нобелевскую премию. Но если вы просто

включите свет, потому что у вас есть такая возможность или чтобы осветить им работу, получившую приз, вы покажетесь, и на самом деле будете — смешным. Знание и функция означают, что суфий знает, что он может сделать; может сделать то, что, как он знает, он может; и делает то, что может. Тот, кто свысока смотрит на деятельность, которую принято считать незначительной, или из смирения ограничил себя выполнением простых вещей, является имитатором. Он может приносить некую пользу, но далеко не так, как люди, знающие, к чему приведут их действия.

ИНДИЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ

Я очень удивился тому, что вы как-то рассказали здесь об отношении к учителю в индуизме. Оказывается, концепция обучающей персоны, которую мы, на Западе, знаем как очень древнюю идею, предположительно берущую начало с незапамятных времен, на самом деле возникла не в Индии или в той форме индуизма, какую мы знаем сейчас. Согласно записям, которые я вел на вашей лекции, вы сказали, что: «Индуистский учитель — фигура, пользующаяся в Индии огромным влиянием, а в последнее время, олицетворяя духовное руководство, покорила и западные умы. Подобный учитель обладает такой притягательностью не потому, что в нем воплощается истинная последовательная передача знания, а потому, что он — вторичное проявление суфизма. Короче говоря, этот театральный вариант, потворствующий в человеке грубой жажде руководства, неотразим в силу своего суфийского, дервишского содержания. Индуизм и его имитаторы на Западе, таким образом, обхаживают живого представителя непрерывной цепи передачи. Тут нет ничего от древнего индуизма, поскольку в его учениях не существовало концепции непрерывной миссии передачи, а присутствовала лишь простая теория о квазибожественном в человеке».

Исследуя этот вопрос, что вы и попросили сделать, я обнаружил, что здесь и в самом деле царит путаница. Действительно, в Средние века индуизм воспринял эту суфийскую концепцию, в результате чего мы имеем отнюдь не последовательное продолжение индуистского учения, базирующегося на наставничестве, а некую смесь. Большинству индийцев и индологов этот фактор известен лишь очень смутно, но его тем не менее отметили некоторые люди.

Результат моего исследования наилучшим образом выражен в отрывке, который я нашел в работе «Влияние ислама на индийскую культуру» доктора Тара Чанда*, авторитетного индуистского специалиста по индийской культуре. Позвольте мне процитировать этот фрагмент в качестве квинтэссенции моего исследования:

*Тара Чанд. Влияние ислама на индийскую культуру. 1954, стр. 114. — Прим. автора.

«Можно, конечно, настаивать, что почтение к учителю является древнеиндийской идеей... От ученика требовалось уважать своего гуру больше, чем родного отца, платить ему абсолютным послушанием во время ученичества и всю жизнь почитать его. Учитель даже сравнивается с Богом. Однако древняя идея почтительного отношения к наставнику весьма отличается от преданности духовному руководителю — человеку и одновременно божеству, являющемуся звеном в иерархической цепи наставников... Данная суфийская концепция божественного наставника была включена в индуизм в Средние века... она распространилась по всей Индии».

ЧЬИ ЖИВОТНЫЕ?

В.: Почему суфии столь много внимания уделяют чужим порокам и своим добродетелям?

О.: На самом деле суфии не делают этого; так кажется только тем, кто с пристрастием относится к данной теме.

Насреддиновская история о животных иллюстрирует подобный склад мышления.

ЗВЕРИНЕЦ

Мулла Насреддин пришел к психотерапевту, который стал тестировать его, показывая карточки с различными символами. Сначала это были три точки.

«Что они означают?» — спросил доктор.

«Трех волков», — ответил мулла.

«А эти два тире?»

«Двух слонов».

«А что вы скажете об этих помещенных рядом точках и тире?»

«Это — стадо ослов и пони».

«Боюсь, — сказал доктор мулле, — что вы одержимы животными, и нам придется этим заняться...»

«Займитесь сначала собой, — сказал мулла, — поскольку все эти создания из вашего зверинца!»

ЖЕСТКОСТЬ В ПОВЕДЕНИИ СУФИЕВ

В.: Почему суфии иногда так безжалостны в своем отношении к обществу, людям и идеям?

О.: Чаще всего по тем же причинам, по которым хозяин бани побил одного из своих клиентов...

ПУТЕШЕСТВЕННИК И БАНЯ

Как-то раз один человек прибыл в некий город после долгого путешествия и решил пойти в баню, чтобы освежиться и восстановить силы. Ему нужно было отдохнуть после многих дней, проведенных в седле.

Однако не успел он расположиться в банном тепле, как стал свидетелем такой сцены: хозяин заведения подбежал к посетителю, мирно сидевшему неподалеку, и огрел его дубинкой. Тот нанес ответный удар и позвал на помощь, а затем начал осыпать зачинщика бранью.

Путешественник, возмущенный таким обращением с клиентами, покинул баню, и с тех пор рассказывал каждому встречному о необычной агрессивности хозяина бань в таком-то городе.

Однажды, много лет спустя, этот человек в очередной раз рассказывал об инциденте в бане, как о примере неспровоцированной агрессии, но вдруг один из слушателей поднялся и сказал:

«Я родом из того города, где вы провели один день много лет назад. И сейчас к вашему воспоминанию одного краткого момента я добавлю свое — воспоминание человека, постоянно жившего там. В этом городе проживал некий хозяин бань — человек в высшей степени достойного образа жизни и поведения. Но вот один безответственный задира начал регулярно посещать его баню и всем досаждал. Владелец бани не вмешивался, так как не хотел давать волю своему гневу. Однако люди в конце концов перестали посещать баню из-за поведения хулигана и, придя к хозяину, потребовали, чтобы он учел и их интересы. Разумеется, на него возложили всю ответственность за решение данной проблемы, и даже полиция согласилась с тем, что это частное дело хозяина. И вот, ко всеобщему удовлетворению, не исключая и самого злодея, который впоследствии исправился, хозяин бань побил этого хулигана у вас на глазах.

Бросив беглый взгляд, вы составили полную картину произошедшего, основываясь на собственных предположениях, после чего стали судьей и рассказчиком этого случая, но теперь у

вас есть возможность узнать правду, если, конечно, правда интересует вас больше, чем эмоции».

БЫТЬ ГРУБЫМ С ЛЮДЬМИ

В.: Иногда кажется, что вы очень грубы с людьми. Еще я замечал, что, когда вам задают вопрос, вы выхватываете из контекста какие-то слова и отвечаете невпопад, совсем не о том, что подразумевал спрашивающий. В других случаях вы, кажется, неправильно понимаете то, что говорится. И еще, почему вы выказываете горячность и даже нетерпимость? Ведь наверняка спокойная и взвешенная позиция является существенным моментом, если мы хотим что-либо исследовать с открытым умом?

О.: В ваших словах много вопросов, и вопросов внутри вопросов. Предположения, лежащие в основе, сейчас станут очевидны многим людям. Давайте взглянем на некоторые из этих предположений. Первое, конечно, вот в чем: спрашивающий способен оценить происходящее. Отвечу на это словами обычного школьного учителя: «Если бы вы, мадам, могли это оценить, то вы были бы на моем месте». Подобное замечание обязательно кому-то покажется грубым.

«Грубость» — это сложное понятие. Оно подразумевает некую жесткость в обращении, что-то несоответствующее нормам, принятым в общении той части сообщества, в которой мы оказались. Для шейха было бы грубым не предложить вам глаз барашка, как почетному гостю на празднике. Но если вы предложите вашему гостю на светском чаепитии глаз барашка, это будет грубо. Чувствуете разницу?

Нельзя забывать и о существовании «благонамеренной жестокости». Вы даете пощечину человеку, заходящемуся в истерике, и не считаете себя «грубым»; или грубо делаете искусственное дыхание захлебнувшемуся человеку. Джентльменское соглашение о том, что такие методы не используются в светском обществе, неприменимы в ситуациях другого рода. Одна из причин непродуктивности светского общества для нашей деятельности заключается в том, что в основу такого общества заложена претензия на элегантность, которая была превращена в искусство.

Что до намеренного непонимания вопроса, то это может быть «вежливым» упреком. Когда меня спрашивают: «Сколько фасолин составляют пять», а в ответ слышат рассказ о фасолевым супе, то здесь происходят две вещи: во-первых, я вежливо игнорирую вопрос; во-вторых, предоставляю информацию, некоторым образом относящуюся к вопросу, а если к тому же я еще и обучаю поварскому искусству, то, естественно, — буду говорить о фасолевым супе.

Очень важным является замечание, касающееся того, что на вопрос дается не вполне адекватный ответ, который никак не подразумевался спрашивающим. Это подводит нас к самой сути проблемы. Как вы понимаете, подавляющее большинство вопросов содержит «начинку». То есть в них содержится неосознанное, автоматическое намерение спрашивающего спровоцировать нужный ответ — тот, который он желает услышать. Так чем же мы тут занимаемся? Конечно, не тем, чтобы восстанавливать в людях уверенность, когда они могли бы обрести ее, восхищаясь друг другом за чашкой чая.

Слова «спокойствие» и «взвешенная позиция» также «заряжены начинкой». Например, вы можете знать, что такое «спокойная» и «взвешенная позиция» только в контексте некоторой ситуации.

Мулла Насреддин отмечает этот момент в истории о количестве камней в его глиняном кувшине. Он насчитал не одну сотню, но когда его спросили, ответил, что их всего сорок. «Это же невозможно!» — воскликнул человек. «Если бы ты только знал правду, — ответил Насреддин, — то понял бы, что я не только не соврал, но даже преуменьшил их число».

«Можно смягчить ветер для стриженной овцы», но результат зависит от того, насколько

свиреп ветер и как много шерсти сняли с овечки. Прямым разговором человеку оказывается любезность, но причиняется и неудобство.

ОТКРЫВАЯ ДРУГУЮ ДВЕРЬ

В.: Почему суфии в своей литературе, и судя по всему в жизни, толерантны к тем людям, которые часто бестолковы и, кажется, не могут понять самых простых вещей?

О.: На этот вопрос трудно дать исчерпывающий ответ, если не указана конкретная ситуация. Существуют, однако, два вида обстоятельств, при которых часто происходит нечто подобное.

1. Когда обмен мнениями допускается с целью предоставить иллюстрацию другим — «говорить стене, чтобы могла слышать дверь», — а также, чтобы бестолковый мог «пробудиться», хотя это не обязательно произойдет сразу же.

2. Когда люди бестолковы потому, что бессознательно подавляют свою восприимчивость к фактам или истине. Многие действуют наперекор своим правильным, заслуживающим доверия побуждениям вследствие некоторых неправильных мотивов. Вообще, подобные мотивы возникают потому, что некий элемент в этих людях боится вторжения истины, или она выбивает их из колеи, либо это происходит из-за некоторого их лицемерия.

Между прочим, та же тенденция чрезвычайно ярко проявляется, когда люди, пытаясь угадать карту или число очков при игре в кости, ошибаются так много раз, что с точки зрения статистики просто невозможно столько раз промахнуться. Это показывает, что они на самом деле угадывают правильно, но некий внутренний цензор не дает им признать верный ответ и перевертывает факты.

Таким «цензором» является та часть Командующего Я — искусственной личности, — которая стремится сохранить в человеке привычный образ мысли, вследствие чего он страдает от внутреннего конфликта: одна его половина знает и желает правды, позволяя ей войти в ум, другая половина препятствует подобному принятию, поскольку предназначена поддерживать то, что считает равновесием. Принять правду, рассуждает эта сдерживающая половина, значит, столкнуться с неизвестным; то есть появляется опасность, что личность изменится, или человека вообще будет побуждать к действию не жалкий набор из нескольких хорошо знакомых идей и реакций, а нечто иное (истина).

Держа открытыми определенные двери, например воображая, что вам удастся управлять своим обучением с помощью неподходящих инструментов, вы не можете открыть дверь более глубокого понимания и войти в нее. Вот почему, скажем, Саади говорит в своем произведении «Фруктовый сад» (Boston): «Дверь озарения открывается для тех, для кого закрыты другие двери».

СВИРЕПЫЙ И КРОТКИЙ

Кто-то спросил меня, почему я «так благожелателен к одним людям и так жесток с другими».

Рассмотрите это в свете следующей притчи.

Один человек пришел в лавку купца и стал отчаянно торговаться — купец был очень уступчив и любезен.

Вскоре зашел другой посетитель. С ним купец был очень жесток, не уступал ни гроша, притом не стесняясь в выражениях.

Когда оба посетителя ушли, приказчик спросил хозяина:

«Почему вы столь по-разному вели себя с этими двумя людьми?»

Купец ответил:

«Первый не только не собирался платить, но, как я знаю по опыту, даже не намеревался что-то покупать. Поэтому он не вызвал у меня настоящего профессионального интереса и я мог себе позволить в полной мере проявить радушие и благорасположение. Он был несерьезным, поверхностным посетителем, и я доставил ему удовольствие, — это все, что можно было сделать в данной ситуации.

Второй человек был настоящим, серьезным покупателем: поэтому я отнесся к нему как к коллеге и подошел к делу профессионально. Естественно, разговор принял другую форму.

Первое дело я вел так, чтобы избежать неприятных моментов в беседе с ненадежным человеком (который всегда требует вежливости, принимая ее за нечто настоящее). Второе дело мы вели ко взаимной выгоде, сосредоточиваясь на том, что действительно касалось нас обоих. Естественно, мы не могли себе позволить еще и развлекаться».

КТО ТАКОЙ ДЕРВИШ?

На Западе склонны считать, что дервиши — это либо сумасшедшие (например, «дервиши Судана»), либо «исламские монахи», как определяют всяческие энциклопедии, либо же «глубоко мудрые», как предпочитают думать оккультисты и эзотеристы различного толка.

На самом же деле, и это видно из следующей истории, действительно произошедшей на Востоке, дервиши в большинстве случаев являются несведущими людьми, которые стремятся стать суфиями — настоящими мистиками.

Группа дервишей из Ирана — а они там очень любят называть себя суфиями, обладателями высшего сознания, — посещала соседний Афганистан.

Они постоянно задавали ненужные вопросы, были озабочены пустяшными и религиозными нюансами и раздражались по любому поводу.

Но в этой делегации был один человек, который отличался здравыми суждениями, разумным поведением и мудрыми замечаниями, свидетельствующими о его превосходном знании истории и символизма Газаргахской святыни.

Именно там, в Газаргахе, местный правитель, обрадовавшись, что, по крайней мере, один из двадцати самозванных созерцателей действительно подает надежды, спросил этого дервиша, не он ли глава группы.

«Отнюдь, — ответил тот. — В действительности я — слуга, нанятый присматривать за животными этих благочестивых людей, пока они, облаченные в особые одежды, отдаются своей духовной практике».

ДЕРВИШ И УЧЕНИК

Жил-был один дервиш. Домом ему служила хижина, стоявшая среди других, таких же простых хижин его учеников. Как все настоящие дервиши, он носил одежду той страны, где жил, и ни он, ни кто-либо другой не считал это место его постоянной обителью — ибо просветленные обитают не в этом мире.

Однако у него был ученик, который всегда рядился в странные одеяния, ходил с копной нечесаных волос, носил бороду и настаивал, что живет в обители — вопреки позиции избранных. Конечно, этот ученик был одним из тех, кто делает все наоборот, а обучать таких людей можно только методом от противного. Он даже рассказывал тем, кто подставлял ему свои уши, что сам является учителем.

В то же время этот ученик, будучи жадным до секретов, при любом удобном случае просил дервиша учить его.

Однажды учитель, собираясь в паломничество, созвал всю общину и обратился к этому ученику в ее присутствии:

«Ты будешь моим представителем, пока я не вернусь. Тебе необходимо подчинить всех своему авторитету. Вот книги — ты не должен их изучать ни при каких обстоятельствах. Далее, не стригись, не брей бороды и носи одежду, не принятую в этой стране. И еще, ты не должен жить вблизи больших городов».

Ученик был очень доволен, что его назначили главой общины, а остальные, конечно, немало огорчились, ибо знали, как трудно иметь с ним дело.

Однако мастер, вернувшись, обнаружил, что ученик покинул общину и поселился возле большого города. На вечернем собрании мудрец обратился к ученикам:

«Я рад, что вы в мое отсутствие пребывали в согласии, ведь я никого не оставил за старшего».

Один из учеников пробормотал:

«Но, мастер, вы сказали непослушному ученику быть за старшего».

«Конечно, велел! Но сказать такому человеку сделать что-нибудь — это все равно, что сказать кому-либо другому поступить наоборот. Он заботился о вас?»

«Нет», — ответили ученики хором.

«А он вообще жил здесь?»

«Нет, он почти сразу ушел».

«Подстриг ли он волосы и бороду и стал ли носить нормальную одежду?»

«Да, теперь он одет в соответствии с вашими обычными инструкциями», — сказали ученики.

«Но все это только после того, — заметил мудрец, — как ему было велено сделать противоположное...»

ДЕРВИШ, СУФИЙ, УЧЕНИК

В.: В чем различие между дервишем, суфием и учеником?

О.: На этот вопрос невозможно ответить, пользуясь простыми понятийными структурами. Но, если вы познакомитесь с разнообразными рассказами и иллюстрациями, характеризующими этих людей, у вас появится ощущение данного предмета и вы поймете его.

Приведем рассказ, в котором достаточно много сказано о взаимоотношениях этих трех позиций.

Жил некогда один дервиш. Он странствовал из города в город, выступая перед людьми. На каждом своем выступлении он всегда говорил одно и то же и почти одними и теми же словами.

Однажды он взял с собою ученика. После нескольких месяцев ученик сказал дервишу:

«Я уже столько раз вас слушал, и теперь я чувствую, что и сам мог бы прочитать вашу лекцию».

«А почему бы и нет? — отозвался дервиш. — В следующем городе выступишь ты, а я притворюсь твоим учеником».

Итак, в следующем городе выступал ученик. Он закончил свою речь под гром аплодисментов. Люди устремились к нему, чтобы поцеловать край его одежды, все единодушно решили, что их действительно посетил истинный муж духа.

Но тут один из присутствующих задал ученику вопрос.

Тот не понял ни слова.

Поэтому он сказал:

«Уровень понимания данной аудитории столь низок, что иллюстрацией этого факта и одновременно ответом на вопрос будет следующее: я сейчас поручу моему младшему ученику, который был со мной всего несколько месяцев, пояснить заинтересовавший вас предмет».

Услыхав такое, люди поначалу присмирели, но затем еще больше удивились, услышав, с какой ясностью и знанием дела «ученик» ответил на вопрос.

Говорят, что эта часть рассказа иллюстрирует следующее положение: одно дело запомнить и повторить слова, совсем другое — обладать гибкостью понимания и обучения.

«Учение, — сказал кто-то, комментируя эту историю, — приводит к смирению. Поэтому дервишу не было стыдно притворяться учеником».

Если рассказ на этом заканчивается, то его также используют, чтобы указать на следующий момент: сообразительность, проявленная в данном случае учеником, может быть полезной, однако ее эффект зависит от присутствия учителя.

Но, как и со многими другими преданиями, обычно запоминается только первая часть рассказа. Однако есть такое продолжение.

Дервиши поучают, и их слова можно повторить и произвести впечатление.

Суфии действуют, и их действия приводят к результату. Но действия эти могут натолкнуться и на препятствия.

Как-то этот же город посетил суфий в сопровождении своих учеников. Узнав об этом, люди столпились вокруг него. Они настойчиво требовали, чтобы он произнес речь, но, как это часто бывает, суфий сказал:

«Я говорю лишь в том случае, когда от моих слов будет какая-то польза».

Люди стали переговариваться:

«Вероятно, этот суфий обманщик. Давайте поспрашиваем его учеников».

Они стали задавать ученикам разного рода вопросы, но ученики тоже не отвечали.

«Так вот вы какие! — воскликнули люди. — Если бы этот человек был настоящим суфием, его ученики смогли бы ответить на все вопросы, как это сделал последователь того дервиша!»

И они изгнали из города суфия с его учениками. Должно было пройти много лет, чтобы действия и бытие суфиев (в отличие от верований и воздействия дервиша) можно было снова представить этим людям.

ТРЮК

Многие дервиши прибегают к различным трюкам, чтобы укрепить веру тех, кто им внимает, и произвести на них должное впечатление.

Жил когда-то такой дервиш, и был у него ученик — юноша, помогавший обманывать публику.

Каждый раз, когда эти двое приходили в какой-то город, дервиш показывал трюк «воскрешение мертвой головы».

Первым делом он выкапывал яму глубиной по шею юноше, и тот залезал в нее. Затем дервиш, используя особое блюдо с отверстием в центре и специальными скрытыми застежками, фиксировал голову своего напарника на этом блюде, создавая полное впечатление, что конструкция лежит на земле. Далее дервиш начинал зазывать народ:

«О люди! Придите и посмотрите на отсеченную голову, которая говорит и пророчествует! Взгляните, вот кровь на блюде! Поглядите, как голова вращает глазами!»

Люди стекались поглазеть на это чудо, «отсеченная голова» говорила и отвечала на вопросы за деньги. Когда наступали сумерки и все стихало, юноша выбирался из ямы, и они с

дервишем продолжали свой путь.

Молодому человеку, однако, было не по душе участвовать в этом обмане, так как на самом деле он хотел отыскать истину и осознал, что занимается чем-то совершенно противоположным. В конце концов он посетил некоего суфия, и тот дал ему определенные указания.

Когда дервиш и его спутник пришли в очередной город, дервиш, как обычно, собрал зрителей и приказал «говорящей голове» вещать. Вместо этого, ко всеобщему изумлению, из ниоткуда извергся сноп пламени, и юноша вдруг исчез вместе со своей головой, став невидимым.

Дервиш был вне себя от ярости.

«Глупец! — вскричал он. — Я же велел тебе выполнить другой трюк!»

КТО ТАКОЙ УЧИТЕЛЬ

В этом мире много учителей: они собирают вокруг себя учеников или обучают людей различными другими способами.

Ныне у всей этой деятельности появилась одна замечательная особенность: крайне мало кто спрашивает, что учитель знает об обучении. Сейчас, чтобы тебя считали учителем, надо вести себя как учитель, а точнее, так вести себя, как, по мнению людей, должен вести себя учитель по мнению окружающих.

Если учитель не таков, каким кажется, то как же мы вообще можем определить, кто это такой?

Попробуйте обратиться к древнему утверждению, взятому из обучающих материалов, приведенных в сказке «Медный город» из книги «Тысяча и одна ночь».

Я ЕСТЬ

Когда одного настоящего учителя спросили, почему он может обучать, он ответил:

Я есть тот, кем станешь ты: Каков ты есть, я — был когда-то.

ИГРОКИ В ШАХМАТЫ*

Жил когда-то король, который часто играл в шахматы со своим придворным шутком.

Шут был хорошим игроком и однажды выиграл партию. Это так разгневало монарха, что он поколотил шута.

Затем его величество потребовал сыграть еще одну партию.

Шуту поневоле пришлось согласиться.

Когда партия подошла к развязке и шуту надо было произнести: «Мат!», он отбежал в угол и накрылся коврами, чтобы король не побил его.

Король спросил шута, что он там делает.

«Мат! — выкрикнул шут из своего укрытия. — Я спрятался здесь, потому что никто не отважится победить вас, пока не прикроется коврами...»

Подобно нашему шуту, суфийский учитель зависит от милости людей этого мира, у которых достаточно власти, чтобы выставить его на посмешище, а также навредить ему множеством способов. Неосознаваемая цензура общей воли не позволяет ему прямо говорить то, что может вывести из себя обычных людей, поэтому он «прикрывается тряпьем».

СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ...

Учащиеся должны сидеть и слушать учителя до тех пор, пока к ним не придет понимание.

Это требует некоторой формы бдительности и сосредоточенности и в то же время расслабленности, и только тогда смысл может проникнуть в ученика.

Людям необходимо отучиться от навязчивой привычки — попыток разгадать смысл и этим **ЕДИНСТВЕННЫМ** способом реагировать на обучающую ситуацию.

В действительности это означает, что им необходимо добавить некую способность, не теряя имеющихся.

* Руми. Месневи. — Прим. перев.

Это можно сделать только практически, позволив учителю руководить мыслительным процессом учащегося, по крайней мере в самом начале.

Такого рода «динамическое внимание» создает возможность для психологического прорыва, когда слова учения (в устной и письменной передаче) становятся ясными и понятными и учащийся более не нуждается в руководстве со стороны учителя.

Люди, слишком глубоко обусловленные одним единственным режимом учебы (который полностью отрезает их от более широких форм понимания), иногда возражают: «Прежде чем учиться, или раз уж я учусь, я хочу понять».

Проблема заключается в следующем: нельзя приводить в чувство тонущего, потерявшего сознание человека — сначала надо вытащить его из воды. Невежественный претендент в ученики фактически просит обучить его знакомому пути, который ему самому представляется правильным, несмотря на то, что этот путь не работает!!!

ВЕРЕВКА

В.: Почему суфии столь часто отказываются обсуждать другие пути к Истине? Разве они могут потерять что-то от сравнения своего Пути с усилиями других людей в этой же области? Разве приемы, известные из суфизма, единственно возможны? На мой взгляд, почему бы и не обсудить подобные вопросы. Если вы знаете больше, а я думаю, что это вполне возможно, просветите меня, пожалуйста.

О.: Если вы допускаете, что я знаю больше, то подумайте о следующей аналогии, а затем решайте сами. Предположим, что вы, находясь на катере, на середине реки, замечаете тонущего человека. У вас есть веревка на борту, вы бросаете ее тонущему и кричите, чтобы он хватался за нее. Так вот, если теперь он пожелает обсудить вопросы, а что это за веревка, а какая лодка и нет ли чего-нибудь другого, то что получится? Он просто утонет.

Далее, представьте себе, что в это же время на берегу оказался какой-то человек, настроенный вполне доброжелательно, который пытается подбодрить тонущего, дает ему разные указания и советы. Что вы должны делать: бросить веревку тонущему, ввязаться в спор с доброжелателем, возражая против его вмешательства, или потратить время на объяснения своих действий?

Вы спрашиваете: «Почему бы не обсудить». Особенно в таких обстоятельствах, не правда ли? Сравнить свой способ с усилиями других людей неуместно, если речь идет об операции по спасению. Именно потому, что вы располагаете средствами спасения и находитесь на катере, откуда вам видна ситуация в целом, вы предлагаете веревку, а не разговоры. И именно потому, что у тонущего всего этого нет, он не видит своей ситуации. По той же самой причине — отсутствия уместных средств — благожелатель на берегу считает важным оказать несчастному моральную поддержку и поделиться с ним своим мнением. Это все, что можно выразить

словами, когда человеку грозит опасность утонуть, а средства избавления в наших руках. Мы вынуждены использовать минимум слов и максимум действий. Но все же успех предприятия зависит от того, брошена ли веревка и схватит ли ее тонущий человек.

МУДРОСТЬ ЗАПАДА

«Причиной образования Гудвинской отмели была Тентерденская колокольня».

Сообщают, что для исследования причин возникновения Гудвинской отмели, закрывшей гавань Сэндвича, в те месте была выслана комиссия во главе с сэром Томасом Мором.

Некий старик поведал ему, что точно знает, как образовалась отмель. Он помнил времена, когда много-много лет тому назад была построена Тентерденская колокольня. До этого момента никакой отмели там не было. Следовательно, гавань Сэндвича обмелела именно из-за постройки упомянутой колокольни.

Складывается впечатление, что эту историю взяли прямо из восточного собрания сказок о Стране Дураков, — классический пример того, как на основе совпадения фактов делают неверные выводы...

Что ж, в этом случае все можно обратить в шутку и хорошо посмеяться. Так и сделав, мы, возможно, получим удовлетворение и даже почувствуем облегчение или превосходство от того, что сами мы не такие, и остановимся на этом.

Но предположим, здесь что-то кроется. Даже так: предположим, что старый человек прав.

Попробуем добавить некоторые факты к уже известным, и картина станет совершенно иной.

Дело в том, что за довольно долгий срок была собрана значительная сумма денег на строительство дамбы, которая не дала бы этому участку берега обмелеть. Деньги были вручены епископу Рочестерскому. Вместо того чтобы использовать их по назначению, он передал всю сумму церкви и построил — Тентерденскую колокольню.

Вся пропаганда, религиозная или мирская, обычно строится на очень узкой фактической базе. Именно это является одной из причин того, что все пропагандисты противятся расширению контекстов, видя в подобном процессе прямую угрозу для своей деятельности.

Является ли совпадением тот факт, что жена другого епископа, услышав о теории Дарвина, воскликнула: «Давайте помолимся, чтобы эта чушь оказалась неверной. А если она верна — за то, чтобы в нее не верили».

РАЗДЕЛ IV

ЛИЦЕМЕР

В.: Если человек, хотя бы отчасти, — духовное существо, то мне трудно понять, как вещи этого мира могут помочь ему вновь обрести знание Божественного? Ведь слова, дела, учения суфиев тоже относятся к вещам этого мира.

О.: Поразмышляйте над следующей историей, потому что это единственный способ ответить на ваш вопрос.

Жил когда-то один человек, который был очень жаден и плохо обращался со своей бедной, ни в чем не повинной семьей. Однако он был таким искусным лицемером, что больше никто не знал о его истинной натуре. Этот человек прослышал, что на свете есть пещера, где спрятаны бесценные сокровища. Он потратил много лет на ее поиски. Однажды, пробираясь сквозь лесную чащу, человек наткнулся на пещеру. Он вошел внутрь и увидел, что она полна

драгоценностей, золота и серебра. Человек нагрузил на своего осла столько сокровищ, сколько тот мог увезти, и вернулся в пещеру за своим посохом — поскольку был так жаден, что не мог оставить своей вещи. Но пещера была волшебная — не успел жадина выйти, как ей настало время закрыться, и дверь захлопнулась на следующие десять лет. Осел, проголодавшись и устав ждать, вернулся домой. Так как никто больше никогда не видел жадного лицемера, сокровища, привезенные ослом, достались невинной семье жадина, и с тех пор они зажили счастливо.

Итак, вы видите, как для того, чтобы получить сокровище, невинным, возможно, до некоторой степени, придется зависеть от явлений, которые вроде бы никак не связаны с их нуждами и не выглядят относящимся к делу до тех пор, пока не развернется весь Паттерн (узор).

НА ПУТИ...

В.: Не тяжело ли вам выполнять вашу работу из-за того, что многие люди обращаются к вам с неуместными идеями?

О.: Воздержусь от соблазна назвать и ваш вопрос неуместным или даже досаждающим и расскажу вам короткую историю, показывающую, как все это выглядит, а затем скажу кое-что еще.

Как-то раз один путешественник шел из города в город, и идти ему было очень далеко. Время от времени, из-за жары, голода или усталости, этот человек ложился поспать на обочине дороги.

Как только он засыпал, кто-нибудь будил его, чтобы спросить дорогу.

В конце концов его осенило. Он написал плакат: «Я не знаю никакого пути ни в какое место!», установил его около себя и лег спать.

Через час его растолкал один добрый человек.

«Друг, — сказал он, — я увидел твой плакат и с удовольствием направлю тебя, куда только захочешь!»

Как видно, неправильное понимание происходит от соединения сразу нескольких элементов двусмысленного объявления, нетерпения и отсутствия такта или чуткости со стороны прохожего.

Итак, на каждой стороне лежит своя доля ответственности. Что касается меня, то я считаю, что люди, подобные вам, достаточно чутки, чтобы озаботиться моими проблемами и подумать о трудностях, которые я испытываю из-за них, и не нуждаются в дальнейшей информации об этом. И я рад отметить, что отсутствие чрезмерной самопоглощенности обычно делает таких людей хорошими учениками — хорошими «путешественниками».

У САВАНА НЕТ КАРМАНОВ

В.: Суфии иногда пишут книги, посвященные литературной и философской тематике, почему же они при этом так редко принимают участие в социальных и научных исследованиях? Почему они почти никогда не обсуждают других авторов и их работы?

О.: По той же причине, по которой рыбы не копают колодцев, а птицы, умеющие летать, не ходят пешком. Настоящие суфии никак не связывают себя с деятельностью информационных бюро или дискуссионных клубов. Их время и внимание поглощено обучением, они не занимаются тем, что могут делать другие люди.

Они не коллекционируют идеи, вещи или социальную деятельность. Они не забывают о том, что однажды все мы наденем одежду, в которой не будет карманов...

ОБЕ СТОРОНЫ ДОРОГИ

В.: Я слышал, вы говорили, что за двадцать лет практически никто не задавал вопроса: «Как я могу учиться?» Вместо этого все просят у вас нечто, соответствующее их предвзятому мнению. Вряд ли существует более поразительная иллюстрация абсурдности поведения человека, чем упомянутая особенность, доказывающая, что люди сами возводят барьер между собой и учением. Но как можно избежать подобной опасной глупости, о которой вы говорите?

О.: Первое, чему необходимо научиться, — не предполагать, что ты хочешь учиться, когда, возможно, ты всего лишь желаешь укрепиться в своих предвзятых мнениях. Далее, следует отметить, что изучение высших материй состоит не столько в том, чтобы обеспечить человека соответствующей деятельностью, сколько в эффективном увеличении его способности учиться, а это может осуществляться любыми необходимыми средствами. Если человек страдает движения или эмоциональных стимулов, подобная деятельность может являться изучением суфизма, но никогда не изучением в суфизме.

Современные люди находятся в таком же отношении к духовности, как отсталые народы — к технологии. То есть в этой области их знания настолько малы, что они не способны ощутить собственное невежество.

Возможно, такие люди знают, что хотят учиться. Они не знают, как именно это сделать. Им необходимо понять, что если кто-то другой знает «как», то нужно следовать его руководству. Однако в результате того, что человек слишком торопится, желание знать, похвальное само по себе, слишком часто попадает во власть предположения, что учиться надо так, как хочет или предпочитает сам учащийся.

Это напоминает историю об англичанине, который, будучи в одной отсталой восточной стране, сказал кому-то:

«Дома у нас левостороннее движение, а в большинстве других стран — правостороннее. Скажите, какие здесь правила, и я смогу научить вас водить машину».

Азиат ответил:

«Мы здесь не рабы. Каждый волен ездить, где хочет. Если бы у нас были автомобили, мы бы ездили даже посреди дороги!»

ДОКТОР И ПАЦИЕНТ

Человек пришел к врачу:

«У меня ночные кошмары и все руки в болячках!» Врач осмотрел его:

«Возможно, у вас и есть подобные симптомы, но посмотрите, какие у вас прекрасные уши, какая форма». «А как же мои жалобы?»

«Вы только вспомните, что вам пятьдесят четыре года, а вы все еще живы...»

«А эти зеленые полосы у меня на ногах?»

«Мистер Смит, они не вредят вашему носу, а он в отличном состоянии».

«У меня одеревенели суставы...»

«... Но у вас и волосы, и зубы все свои...»

Пациент закричал, схватил свою одежду и, рыдая, выбежал вон, ища спасения на улице.

Затем он отправился к другому врачу:

«Мой друг посоветовал мне принимать эту настойку, но я все еще чувствую себя плохо, по крайней мере не лучше прежнего». Доктор сказал:

«Симптомы у вас стали хуже от этой настойки».

«Но как же так? Ведь я не чувствую себя ХУЖЕ».

«Если бы вы совсем не принимали эту “настойку”, вы бы чувствовали себя гораздо лучше».

«Да не может быть, мой друг — классный парень. Мне так хорошо, когда я разговариваю с ним. Он очень добрый человек. Кстати, и колени у меня тоже болят», — добавил пациент.

«Это оттого, — сказал врач, — что при ходьбе вы косолапите. Некоторые мышцы излишне напрягаются, и вы чувствуете боль в коленях».

«Я вам говорю о коленях, а вы мне толкуете о косолапости! Ну что вы за доктор?» Доктор продолжал:

«Вам нужны очки. Глядя на меня, вы напрягаете зрение, хотя между нами всего полметра».

«Чем дольше вы говорите, тем больше смахиваете на мошенника, — сказал пациент, — я помню, как это началось. Это случилось три года назад, когда я поел репы. Вот если бы вы поставили мне именно такой диагноз и знали бы средство от аллергии на репу, то все было бы отлично».

Тут доктор швырнул на пол свой стетоскоп и выбежал из кабинета вон.

МАКСИМАЛЬНОЕ УСИЛИЕ

В.: Почему, даже прилагая максимальные усилия, люди не могут достичь просветления за сколько-нибудь разумный срок?

О.: Это верно не для всех. У людей, о которых вы говорите, качество усилия испорчено тщеславием и прочими факторами, сводящими все прилагаемые старания к неэффективным действиям. Следовательно, подобный человек думает, что прилагает максимум усилий, а течение времени считает лишь пустой его тратой. Истинное же положение вещей совсем иное: предпринимаемые усилия неполноценны, а его время тянется медленно, поскольку события как бы находятся в ожидании того, когда обсуждаемая личность исправит свои личные качества. Вот история о человеке, который не видел, как можно воспользоваться ситуацией.

Человек, дерево и волк

Человек, почти ни от чего не получавший удовлетворения, отправился искать преуспевания. Он решил встретиться с мудрецом, который указал бы ему, с чего начать.

По дороге он увидел в реке, у самой поверхности воды, рыбу.

«Куда ты идешь?» — спросила рыба.

Человек ей все рассказал.

«Тогда, пожалуйста, передай мудрецу и мой вопрос: почему я не могу, как раньше, нырять и плавать под водой».

Человек пообещал и пошел своей дорогой.

Вскоре он решил отдохнуть и прилег под деревом. В скрипе ветвей на ветру человек услышал вопрос, куда он направляется. Он ответил, и дерево попросило:

«Спроси мудреца, почему я не расту ввысь, сердцем чую, что мне надо бы вырасти, но что-то мне мешает».

Человек пообещал и пошел своей дорогой.

Уже недалеко от дома мудреца он повстречал волка. Волк попросил:

«Задай от меня вопрос: “Почему я такой худой?” Я так мерзну зимой...»

Человек и ему дал слово, и вскоре достиг дома мудреца.

«О мудрейший, — сказал пришедший, — я проделал долгий путь, чтобы спросить тебя, как мне добиться преуспевания. И, кроме того, у меня три вопроса от тех, кого я встретил по пути».

Он передал мудрецу вопросы, и тот дал ответ на каждый из них. Затем мудрец сказал:

«Возвращайся в свою страну, и тебе будут предоставлены все благоприятные обстоятельства для достижения преуспевания».

Путешественник отправился в обратный путь. Первой он увидел рыбу, плавающую у поверхности речки, и сказал ей:

«Мудрец сообщил мне, что к твоим жабрам прилип камень. Если его убрать, ты сможешь нырять и плавать под водой».

Рыба подплыла к берегу, и путешественник отодрал камень.

«Да это же огромный бриллиант, — просипела рыба. — Возьми его в награду за твою доброту».

«Бриллиант — это только помеха, к тому же на некоторых из них проклятье», — сказал путник. Он выкинул драгоценный камень в реку и пошел своей дорогой.

Потом он подошел к дереву, сел под ним и сказал:

«Твоим корням мешает расти большой глиняный кувшин, так велел передать тебе мудрец. Если его выкопать, корни смогут разрастись в глубину, а ты ввысь».

Дерево попросило человека выкопать кувшин. Тот выкопал — и увидел, что посуда наполнена золотыми монетами.

«Я хочу преуспевания, а не денег», — сказал он и, оставив сокровище, пошел своей дорогой. В конце концов, уже почти дойдя до своего дома, путешественник встретил волка.

Зверь спросил:

«Что же сказал тебе мудрец?»

«Он сказал, что ты худой, так как не используешь каждого удобного случая, чтобы поесть», — сказал человек.

«Значит, я больше не допущу таких ошибок», — рявкнул волк и, повалив человека, съел его.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ

Как-то к Эль-Шаху пришел знаменитый ученый.

Он решил, что отныне будет смиренным, и сформулировал свою просьбу так:

«О Учитель века! Я молю, чтобы ты научил меня суфийскому Пути и склонил свое ухо к некоторым моим проблемам».

Бахауддин ответил:

«Для начала вам следует уяснить, что если завершено первое, то будет и второе. Вы воображаете, что изучать суфизм и уделять внимание своим проблемам — две разные вещи. Эта двойственность мышления лишает людей способности достичь Истины собственными силами. Если ваши проблемы решены, вы будете на Пути. Если вы на Пути, ваши проблемы будут решены».

Ученый воскликнул:

«Придя к вам за учением, я тем самым признал, что мне необходимо учиться. Из этого следует, что и мои мысли, и слова, безусловно, далеки от совершенства. Поэтому я прошу вас дать мне лекарство от моей болезни вместо разговоров о ней!»

Учитель сказал:

«Вы считаете меня учителем и в то же время пытаетесь советовать мне, что с вами делать. Вам для начала нужно разрешить эту, вторую, двойственность — вы не знаете, как думать или действовать, но вместе с тем указываете мне, как вас следует лечить».

«Я осознаю, что род моих занятий сделал меня чересчур чувствительным к критике», — заметил ученый.

Бахауддин ответил:

«То, что вы называете критикой, можно рассматривать как описание. Но, чем бы это ни было, важно, как слова восприняты и каков результат. Если критика и чувство вашего личного

благополучия каким-то образом соединятся друг с другом, вы не сможете извлечь пользы из подобной алхимии (трансформирующей энергии)».

ДВА МЕЧА

В мире циркулирует очень много разной информации, множество осколков знания и его искажений, и поэтому лишь немногие люди могут успокоить свое сознание и достаточно долго поддерживать его в подобном состоянии, чтобы их учеба смогла выйти за пределы крайне примитивной стадии.

Они полагают, что части знания можно просто прибавлять одно к другому, как предметы в коллекции.

Собирать знания таким образом и в самом деле можно, но лишь когда знаешь, куда помещать различные его виды.

К несчастью, люди этого не знают.

Согласно древней истории, жил когда-то человек, который возжелал учиться духовным наукам у одного мудреца. Человек этот был до отказа набит всякого рода убеждениями и теориями, причудами и фантазиями и т. д.

Мудрец сказал:

«Я, конечно, научу тебя, если смогу. Ты должен оставаться здесь и во всем мне служить».

Ученик поселился в доме мудреца и выполнял все его приказания.

Однажды он сказал своему товарищу:

«У меня есть сомнение относительно нашего учителя. Он сказал, что научит меня, если сможет. Какой же он наставник, если то ли может, то ли не может наставлять?»

Мудрец услышал его. Он вызвал ученика, достал два меча и сказал:

«Вложи их в эти ножны».

«О достойнейший, — пробормотал ученик, — как мирный человек вы, возможно, не знаете того, что знаю я, бывший солдат. Нельзя вложить два меча в одни ножны...»

«Именно это, — сказал старик, — я и пытался объяснить. Ты, возможно, был солдатом, но этот опыт не научил тебя понимать возможности времени, места и людей».

КОНФРОНТАЦИЯ И ПОДДЕРЖКА

В.: Что вы думаете о людях, которые пытаются вам противостоять?

О.: Как форму поведения, конфронтацию лучше всего можно понять, рассматривая ее в паре с противоположным феноменом — поддержкой. Люди, желающие кому-то противостоять или жаждущие поддержать кого-то, чаще всего поступают так потому, что их желание самоутверждения не может найти никакого другого выхода.

Именно по этой причине люди, считающие себя мягкими, спокойными или добросердечными, испытывают нужду в том, чтобы кому-то или чему-то противостоять или, наоборот, поддерживать. Чаще всего таким образом находит «приемлемый» выход скрытая агрессивность. Данный факт признавали древние психологи, да и современным он хорошо известен; обычным людям понимание подобной информации дается с трудом, так как они ищут видимые причины противостояния или поддержки, а не скрытую движущую силу этих побуждений.

Итак, налицо необходимость прояснить ситуацию, однако сделать это не просто потому, что, например, желание противостоять столь сильно (как аппетит, ищущий удовлетворения), что страдающего этим недугом невозможно убедить.

Если тщеславие и самомнение подавлены или иные выходы для них закрыты и человек не очистился от этих черт соответствующим образом, они будут питать желание нападать или поддерживать.

Явление конфронтации/поддержки весьма заметно проявляется в религиозных кругах, где прекратилось подобающее воздействие учения на индивидов и группы. Особенно подвержены этой болезни те, кто, практикуя скромность не там, где надо, отвергают социально приемлемые способы самовыражения. Во многих географических регионах на протяжении длительного исторического периода мы наблюдаем проявление данного феномена среди людей, чувствующих, что они были отвергнуты тем или иным авторитетным или властным источником.

Суфийские учителя, будучи не в состоянии принять определенных людей в ученики, часто становятся объектом конфронтации — «кислый виноград» в известной басне о лисе и винограде в данном случае может служить иллюстрацией такого поведения. Обычно оно причиняет большой вред тому, кто подвержен подобному образу мыслей, чем тем, кто предполагается в качестве мишени, поскольку неправильно направленные эмоции активизируют все виды желаний власти и зависть, что в итоге приводит к психическим расстройствам. Подобные психически неуравновешенные люди, как это ни странно, часто оказывают очень сильное влияние на других, и те в конце концов поддаются давлению и сами становятся такими же. В результате возникают эмоциональные культы, ныне известные большинству людей.

Эта проблема является одной из причин, по которым суфийское учение терпимо относится к самовыражению и в то же время освобождает человека от элементов тщеславия.

РАХСА

После того как я предложил задавать вопросы по уже опубликованным материалам, кто-то спросил меня в письме:

«Для суфиев есть вещи, которые следует делать, и есть то, чего делать не следует. Я слышал, что суфийские учителя могут давать своим ученикам рахсу — разрешение какие-то правила школы выполнять, а какие-то нет. Может ли рахса оказаться вредной?»

Что ж, для ответа требуется гораздо больше информации, чем предоставил спрашивающий. Возможно, он не обладает нужными материалами. Может быть, он не понимает, что обстоятельства меняют факты. О каком «суфийском учителе» он говорит?

Однако я полагаю, что вы сами сможете прийти к ответу на этот вопрос, если информация, которую я сообщу, не будет так же сложна, как сам вопрос, показавшийся мне утомительно многословным. Попытаюсь ответить следующим образом.

В Версальском дворце была некая дама, — скажем прямо, королева, — страстью которой были карточные игры. Однажды пришло известие, что скончался некий немецкий принц, не очень-то значительная персона. Но во дворце по этому случаю был объявлен траур и все игры запрещены, в том числе и карточные.

Королева очень болезненно отнеслась к этой утрате (возможности играть в карты, естественно), однако присутствовавший при сем господин де Мадепас искусно разрешил ее проблему. Он просто сказал:

«Мадам, имею честь уверить ваше величество, что игра в пикет эквивалентна глубокому трауру».

ЭТИКЕТ

Я только что получил письмо от одного читателя, раздраженного тем неприятием этикета,

которое мне приписывают. Он сообщает: «Существует только один способ поступать правильно, и чаще всего лишь одному человеку сделать сие под силу или даже вменено в обязанность. Этот важный принцип лежит в основе религиозных акций, и мы видим его благотворное воплощение в этикете, практикуемом везде и во все времена». Он заключает: «Учитесь духовности у этикета, который никогда не бывает неправильным, никому не приносит вреда и не сеет несчастья».

Вот так мысль! Обычно я не уделяю особенного внимания подобным письмам, но это — пример целого ряда похожих посланий.

Если все и всегда обстоит именно так, как утверждает мой корреспондент, то он прав. Однако мое отношение к закоснелому обычаю, маскирующемуся под социальное и религиозное священнодействие, также можно обосновать, рассмотрев этикет. Никогда не бывает неправильным? Никогда никому не приносит вреда? Не сеет несчастья? Что ж, давайте посмотрим.

Чтобы ненароком кого-нибудь не оскорбить, я возьму пример из далекого прошлого, а вам предоставлю возможность найти подобные примеры в современной жизни.

Говорят, что испанский этикет был самой развитой системой такого рода из всех известных миру. И, конечно, испанский придворный этикет являл собой наилучший образец этого явления.

Однажды, на конной прогулке, испанская королева, супруга Карла II, соскользнула с крупа лошади и повисла вниз головой, зацепившись ногой за стремя. К счастью, согласно этикета, ее сопровождало сорок три придворных и всевозможная челядь. Так что, казалось бы, все хорошо. Но кто должен был оказать помощь ее величеству? Согласно этикета, только главному конюшему было дозволено оказывать помощь в подобных случаях. Единственная проблема заключалась в том, что на этот раз конюшего в свите не было, и все сорок три человека застыли на месте.

Вы думаете, кто-то нарушил законы и спас королеву? Да, ее спасли, спасителем оказался человек, случайно проходивший мимо и увидевший, что произошло. Он бросился к королеве и высвободил ее ногу из стремени. Сделал он это, как было отмечено, лишь потому, что не был знаком со строгим протоколом, не позволявшим никому, кроме специально утвержденных лиц, приходить к королеве на помощь.

Получил ли он награду? Да, конечно: ему тут же вручили кошель с золотом. Но одна проблема все-таки осталась: чужеземец, пусть и не знакомый с этикетом, совершил преступление, коснувшись королевы. Оно не могло остаться безнаказанным: за свою дерзость он в надлежащем порядке был выдворен из королевства.

Согласно этикета, даму следовало оставить в бедственном положении. Помогать ей было противозаконно. Справедливость требовала наградить прохожего; этикет потребовал его изгнания. Так что же... «Никогда никому не приносит вреда?.. Не сеет несчастья?» Наверное, этот человек хотел, чтобы его изгнали.

ЧУВСТВО ОБЩНОСТИ

В.: Среди людей имеется некая общность чувств и согласие, что, без сомнения, указывает на то, что люди, разделяющие подобное состояние, находятся на верном пути. Не могли бы вы сказать несколько слов о важности и ценности такого единения людей и об опыте приобщения человечества к чему-то высшему? Разве само по себе это не служит знаком истинного опыта?

О.: Такое же чувство, о каком говорите вы, в почти тех же словах, описывают члены групп, исповедующих диаметрально противоположные, а зачастую и взаимно враждебные идеологии. Из исторических документов известно множество случаев, когда и угнетатели, и угнетенные ссылались на подобное чувство. В действительности угнетающее сообщество даже утверждает,

что именно это чувство придает ценность процессу угнетения (или, как это называют, «приобщения к истине») угнетаемой части общества.

Притязания, или убежденность, что упомянутое чувство доступно исключительно тем, кто особым образом настроен на истину, может поддерживаться и при отсутствии информации. Эта вера процветает среди людей, которые не провели сравнительного изучения сообществ или хотят верить, что лишь они — но никак не те, у кого иные убеждения или позиции, — могут испытывать то ощущение, о котором говорите вы.

На самом деле упоминаемое вами социальное и субъективное чувство единения не имеет ничего общего с тем ощущением, на которое ссылаются люди, пытаясь описать подлинно универсальный, или космический, опыт. Руми говорит, что существует истинное золото, и именно поэтому возможно золото фальшивое. То чувство, которое упоминаете вы, древний ученый-историограф и суфий Ибн Халдун называет «групповым духом», *Asabiyya*. Он ценен, если его применять с конструктивной целью, однако, при объединении с идеологическими установками, может таить опасность. Довольствоваться им в то время, когда есть нечто более высокое, — это форма жадности.

СУДЬБА

Жил некогда дервиш, достигший четвертой стадии понимания и потому обладавший умением видеть будущее.

Одна женщина, беспокоясь о будущем своих четверых маленьких сыновей, пришла к дервишу и стала умолять его взять детей под защиту.

Дервиш задумался, а потом сказал:

«Не спрашивай меня почему, но постарайся, чтобы первый твой сын стал лавочником, второй — священником, а третий — солдатом. Если они не займутся этими профессиями, жизнь у них сложится неудачно, а если послушаются, то будут под защитой».

Когда дети выросли, они последовали указаниям дервиша, а четвертый сын стал его учеником.

Каждый год братья навещали дервиша и выражали признательность за тот успех, который сопутствовал им в жизни, поскольку были убеждены, что обязаны этим благословию мудреца.

Прошло много лет, и четвертый сын, сам уже уважаемый учитель, спросил дервиша, почему столь много надежд возлагается на четвертую стадию понимания. Ведь сам он, в конце концов, стал широко известным и почитаемым учителем, хотя еще не сподобился получить этого озарения.

«Я покажу тебе, в чем полезность этой стадии, — сказал мудрец. — Помнишь тот день, когда твоя мать привела ко мне вас, мальчишек. Благодаря внутреннему восприятию, которое появляется на четвертой стадии, я понял, что старший имел склонность к воровству, второй — к лжи, а третий — к убийствам. Их профессии предоставили им законное право удовлетворять эти склонности или защитили от них...»

«А я?»

«Ты был единственным, кто искал Истину, не желая ни выгоды, ни защиты».

ЖИТЬ ВЕЧНО

В.: Почему вы говорите, что одна половина ума не ведает того, о чем думает другая?

О.: Вот пример.

Вы пришли ко мне час назад и сказали, что у вас были «правдоподобные переживания

Будущего состояния», что вы испытали «экстатический восторг от контакта с Запредельным», что «после смерти намерены попасть на Небеса»; что вы «Духовный человек», и многое другое. Это правда?

В.: Да.

О.: Прекрасно. Далее, когда вы закончили, я спросил: «Вы хотите, чтобы я дал вам рецепт средства, которое продлит ваши молодость и здоровье на сто лет?» Вы ответили: «Да». Не так ли?

В.: Так.

О.: Ну а теперь я покажу вам расщепление ума. Одна его часть ждет не дождется, когда попадет на Небо, и подобный опыт у вас, по вашим словам, уже был. Если одна часть ума так страстно ждет этого часа, почему же другая часть (а она конечно же не может быть той же самой) хочет остаться на этой Земле еще целых сто лет?

ПЛОТ

В.: Я прекрасно сознаю, что внутреннее состояние человека, а также возможные средства его спасения можно описать по-разному, и все эти описания будут адекватны в равной степени. Но не могли бы вы сейчас предложить мне такое описание данной ситуации, которое, возможно, поможет мне приблизиться к учению благодаря именно тому, что я его прежде не слышал?

О.: Вот одно такое описание.

Реальное внутреннее Я человеческого существа поймано в плен. Предположения и действие вторичного Я, а также поверхностные, но крепкие оковы обусловленности и внешнего окружения удерживают его в этом состоянии. Суфию приходится делать все возможное для того, чтобы войти в контакт с внутренним Я и, взаимодействуя с ним, избегая и сводя на нет влияние препятствующих факторов, помочь человеку в самореализации.

В.: Да, я понимаю, это — как синопсис того, что гностики на Западе и суфии на Востоке говорят о роде человеческом. Я даже осмелюсь утверждать, что подобный диагноз может быть поставлен любой религией. Но как все это можно себе представить, чтобы удержать в уме?

О.: Могу дать вам свеженькую притчу. Она, кажется, представляет собой именно то, чего вы хотите. Представьте себе некоего человека. Ему надо освободить узника, заключенного в замке на острове. Спасатель сделал тростниковый плот, прочности которого хватит лишь на то, чтобы выдержать его одного, и ночью поплыл на нем к острову. Стражники увидели плот и бросились к нему. Прибывший скрылся в темноте, а плот, разумеется, затонул, как только стражники ступили на него. Кто-то из стражи сказал: «Да это же просто какая-то развалюха. Не успели мы взобраться, она ушла под воду. Для побега это — несерьезно». Они также решили, что раз плот развалился, то узник не сможет убежать. Одни считали, что на плоту кто-то был, другие же были уверены, что там никого и не было. Сам узник, услышав все эти рассуждения, стал воображать самое разное.

Итак, спасатель — это суфий, пробирающийся к пленнику. Он плывет к нему на плоту, что символизирует средства приближения к решению этой проблемы. «Новый вид транспорта», он будет использован позднее, — это методы, разработанные спасателем на основе его специального знания. Замок — убеждения, господствующие в среде; стражники — субъективные убеждения человека, включая и его предположения.

НЕСНОСНЫЙ

Один из моих постоянных критиков был весьма любезен и снова написал мне; его письмо обеспечило меня материалом для, надеюсь, поучительного отрывка.

Он рассказал, что двадцать лет назад его тогдашний учитель, ныне покойный, велел ему выполнять «некоторые духовные упражнения». Этот его учитель уже умер. Если бы мой критик тогда внимательно отнесся к тому, что я говорил и писал, он был бы должен, как он выразился, и здесь я его процитирую: «отказаться от того, что принесло мне изобилие благ, и принять то, что было предложено другим человеком, которого я даже и не уважаю».

Я вполне понимаю, в каком затруднительном положении он находится.

Возможно, он (да и вы) будете не прочь разделить со мной удовольствие от подлинной истории о короле Филиппе III Испанском. Однажды, сидя у огня, зажженного придворным разжигателем каминов, его величество почувствовал, что становится слишком жарко. Повернувшись к маркизу де Побару, который оказался рядом, монарх попросил затушить огонь. Однако маркиз, горячо желавший выполнять любое приказание короля, все же не мог подчиниться по той, в высшей степени разумной, причине, что за тушение пламени отвечал герцог де Уседа, который в это время охотился в Каталонии. Поэтому ничего сделано не было.

Король же, в свою очередь, в силу королевского достоинства не мог бежать ни от чего (включая и огонь) и остался там, где был. Пламя становилось все сильнее и в конце концов нанесло такой вред здоровью монарха, что тот вскоре умер.

Остается только надеяться, что сила духовных упражнений, предписанных нашему корреспонденту его покойным учителем, не слишком возрастет или что он найдет приемлемую замену первоначальному руководству и сможет получить соответствующие указания относительно дальнейших действий, если, конечно, эти упражнения не были предназначены для того, чтобы делать их вечно. Возможно, они принесли немалую пользу, но, вынужден отметить, не слишком улучшили дурной нрав моего критика. Похоже, они внедрили в него желание писать письма, поскольку послал он мне их немало, каждый раз прилагая к своему посланию копии писем, адресованных другим людям, на всевозможные темы. До известной степени я подражаю этому человеку, приводя здесь копию моего к нему письма. По-видимому, его упражнения обладают такой силой, что этот позыв к эпистолярному жанру передался и мне.

ИСКРЕННОСТЬ И ИСТИНА

В.: Не могли бы вы сказать несколько слов о функции искренности и правдивости в работе в связи с тем, что ранее было вами сказано об относительности истины? Я понимаю, что это та самая проблема, где религия неизбежно движется назад, к догме, политика, говоря вашими словами, тут же «позитивно утверждает ценность системы», а современная философия выходит за пределы собственной компетентности.

О.: Я дам вам кое-что для обдумывания. Философ говорит, что не знает, что такое истина. Теолог говорит, что истина — то, что он говорит. Политик говорит, что не может быть никакой другой истины, кроме той, которую он знает. Тем не менее поиск истины продолжается. Человек ищет истину, желает истины. Я уже сказал однажды, что вы должны принять либо то, что кажется истиной, либо то, что, как вы знаете, ею является.

Знание есть нечто такое, что бессмысленно обсуждать, как, например, химическую формулу воды — H₂O. Я сейчас исключу этот аспект, поскольку мы говорим о другом. Искренность и истина обычно ассоциируются с религиозными системами. Когда люди сомневаются или становятся атеистами, их идея истины вызывает определенную реакцию. Они вынуждены заменить ее или привязать к чему-то, скажем, к общей идее «делания добра».

В связи с этим в большинстве человеческих умов возникает конфликт, происходящий из

того факта, что люди хотят оставить доктринерский подход к религии, желают искренности и истины, чувствуя, что они им необходимы. У людей появляется чувство вины, которое они «переносят» на новую привязанность.

Как и в большинстве других случаев, здесь мы начинаем с более ранних стадий. Искренность — это преданность причине происходящего, распознавание своей вовлеченности. Тут я подразумеваю, что альтруизм в этом случае не нужен. Когда человек начинает спрашивать себя: «Что заставляет меня облегчать страдания других, может быть, лишь то, что я сам боюсь страданий?», возникает конфликт. Он не понимает, что находится в одной связке с другими, что и он, и они — одно и то же. Подобное непонимание происходит из неспособности человека видеть множество как единое целое, ведь он натренирован или приспособлен изучать только фрагменты.

Искренними могут стать люди, стремящиеся к искренности, а не те, кто думает, что она у них уже есть и это нечто такое, чем можно пользоваться или извлекать выгоду. Прежде чем вы сможете налить что-то из кувшина, его надо наполнить. Пока вы не знаете собственной искренности, молитва «Искренне верую» является богохульством. А когда вы узнаете ее, отпадет необходимость в самом этом слове. Не думайте об искренности как о некоем осязаемом качестве, и вы будете ближе к ней. Когда вы вовлечены в работу, истина — значит говорить то, что кажется вам правдой. Вы можете достичь настоящей истины, если будете стремиться вести себя согласно тому, что представляется вам истинным. Например, не говоря неправды. На вашем уровне истина — это не то, что можно купить в баре, как кружку пива, или к чему вы можете подключиться, как к розетке. Если бы вы смогли это сделать, она убила бы вас, подобно разряду в миллион вольт.

ПУТЕШЕСТВИЯ НА ВОСТОК

В.: Часто я чувствую, что единственный способ узнать, как люди на Востоке решают религиозные и психологические проблемы, это самому отправиться на Восток. Я заметил, что история Запада представляет собой историю несостоятельности религии, а западная психология все еще находится в младенческом состоянии. Откуда мне следует начать такое путешествие, ибо я сознаю, что можно потратить целую жизнь на странствия, но так и не встретить подходящего учителя?

О.: Мой дорогой друг, вы пленник ошибочного образа мысли. Позвольте мне попытаться скорректировать его с помощью аналогий, которые вы легко поймете.

Представьте себе, что вы миссионер, обученный в Риме иностранному языку и посланный нести католицизм людям, проживающим в отдаленных африканских регионах. Вы приезжаете на место и обращаетесь к людям с проповедью. Вам говорят: «Это довольно интересно. Откуда вы?» Вы отвечаете: «Я приехал из Рима — средоточия нашего учения и обучения». «Отлично, — говорят местные жители, — мы отправимся в Рим, к этому источнику вашего учения». Вы замечаете им: «Во-первых, вы не знаете ни итальянского, ни латыни, ни языков тех стран, через которые пройдет ваш путь. Более того, у вас нет денег на поездку. Ваши обычаи и образ мысли в настоящий момент неприемлемы для римлян, в Риме вас никто не сможет понять. Именно по этой причине я потратил много лет, изучая ваш язык и обычаи, специально готовясь выполнить то задание, ради которого здесь и нахожусь. Неужели вы не видите, что я являюсь инструментом, специально приспособленным к данной задаче — сделать обучение, которое иначе было бы вам недоступно, возможным?»

Подобным образом и вы должны осознать свои собственные возможности. Путешествия на Восток или на Запад под силу тем, кто подготовлен к таким странствиям. Если вы даже не

представляете себе, что находитесь в положении жителя отдаленного племени, то вы уж точно не готовы для путешествия туда, где с вами на самом деле могут вступить в контакт лишь при помощи местных средств связи.

Спросите себя, не задаете ли вы этот вопрос из гордости, считая себя готовым к подобному предприятию. Или, возможно, вы спрашиваете не из убеждения, что там можно найти нечто, а из-за желания дополнительных подтверждений? Если вы ищете их в таком отдаленном и романтическом месте, ищете посредством своей эмоциональной жажды, то вы их вообще никогда не найдете. Изучите историю о Насреддине и потерянном кольце. Насреддин уронил кольцо в доме, но стал искать его на городской площади, потому что там было светлее.

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕЛЬЕ «ОИНК»

Жил-был человек, который всем сердцем желал превратиться в какое-нибудь другое создание, понимать то, что оно понимает, научиться тому, что оно может знать, и видеть так, как видит оно.

Он долго интересовался, как достичь этой цели, и расспрашивал различных экспертов, как реализовать подобный проект.

Некоторые люди, конечно, смеялись над ним, другие не видели в его устремлениях никакого смысла, третьи просто думали, что это невозможно. Но человек не сдавался. Его часто обманывали, предлагая ему заклинания и талисманы, советы и ритуалы и обещая, что они произведут нужный эффект, но все оказывалось бесполезным. Он читал книги, практиковал различные культы, проводил странные обряды, отдавался всевозможным увлечениям, но ничто не приближало его к заветной цели.

Однажды, прогуливаясь в глубокой задумчивости по улице, он заметил лежащий на земле пузырек. Что-то заставило его поднять находку и положить в карман. Дома человек достал пузырек и разглядел на нем наклейку, на которой было написано:

«Открой, капни три капли на язык и загадай желание. Ты сможешь сделать все, что захочешь. Как поступать дальше, спроси, когда выпьешь».

Это был его шанс! Дрожащими пальцами он откупорил бутылочку, накапал в ложку три капли и вылил жидкость на язык.

Через мгновение странное ощущение наполнило его: впервые в жизни он почувствовал, что действительно может сделать все, что пожелает.

Так оказалось, что пузырек и в самом деле был наполнен волшебной жидкостью, и человек в мгновение ока услышал голос: «Чего желаешь?» Конечно, он автоматически ответил: «Хочу стать существом другого вида». Посмотрев на небо, наш герой увидел стаю диких серых гусей, летевших на юг, и добавил: «Хочу стать большим серым гусем».

Голос тут же ответил: «Повтори слово “ОИНК” и станешь наилучшим из гусей. Когда захочешь вернуть себе прежний облик или превратиться в кого-нибудь еще, скажи “ИНК”».

Только человек сказал «ОИНК», как превратился в большого, прекрасного серого гуся. Тут он почувствовал себя просто превосходно. Он знал все, что знают дикие перелетные гуси, и мог наблюдать собственные гусиные мысли, сохраняя в то же время мыслительные способности человека.

Это было по-настоящему удивительно. Теперь, подумал человек, он попробует что-нибудь еще — он станет мудрецом. Он помнил магическое слово «ИНК» и поэтому попытался произнести его. Станным образом ничего не произошло. Он попробовал снова и понял, что вместо слова «ИНК» все время произносит слово «ОИНК». И это было конечно же потому, что серые гуси могут произносить только это. Ни один гусь, серый или какой другой, не может

воспроизвести слово «ИНК».

Поэтому, как вы уже догадались, человек, превратившийся в серого гуся, им и остался, проведя остаток своей жизни в попытках сказать «ИНК», но вместо этого снова и снова повторяя лишь «ОИНК»...

СТУЧИТЕ ТИХО

В нашей жизни предположения играют гораздо более важную роль, чем мы это осознаем. В любой ситуации человек обычно действует согласно своим предположениям.

Привычка эта иногда бывает полезной, поскольку избавляет от необходимости думать о каждом следующем шаге. Если вы увидите человека в синей униформе, вы, скорее всего, предположите, что он полицейский. Но по этой же причине адмиралов на вокзалах постоянно принимают за контролеров.

Не делайте предположений постоянно, не позволяйте предположениям управлять вашей жизнью.

Запомните печальную историю о рисовальщике вывесок, который лишился вознаграждения, потому что сделал неверное предположение.

Одна леди заказала для входной двери табличку с надписью, предупреждающей о собаке. Изготовив табличку «Осторожно, злая собака», наш рисовальщик не получил ни гроша.

«Глупец, — воскликнула леди, — нужно было написать: “Не будите собаку”!»

ПО ЧАСОВОЙ СТРЕЛКЕ

В.: Вы говорите, что в мышлении обычных людей все шиворот-навыворот. Если эта тенденция заметна в ментальной области, нет ли ее аналога в физическом мире? Я имею в виду вещи, с которыми мы имеем дело в обычной жизни. И если это так, нельзя ли привести пример?

О.: Пример привести можно, но отметьте, пожалуйста, что находить подобные примеры — ваше дело, а не мое. Я могу просто показать тенденцию.

Вот вам пример: вращение слева направо вы называете вращением «по часовой стрелке». Взгляните на ваши часы со стороны часов: стрелки вращаются в противоположном направлении — против часовой стрелки. То есть направление, которое вы называете «по часовой стрелке», на самом деле таковым не является. Если дать точное определение, то звучать оно будет следующим образом: «Видимое движение часовых стрелок, если смотреть на циферблат со стороны, противоположной механизму и так далее».

Разве вы не замечали, что, когда вы находитесь с каким-то человеком лицом друг к другу, то его левое для вас — правое, и наоборот? А что вы видите в зеркале? Разве не перевернуто изображение на сетчатке вашего глаза? Нет такого места, как «справа» и «слева», как, впрочем, нет и многого другого. Нет, к примеру, абсолютного сна и абсолютного бодрствования, известных большинству людей.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ И ОПЫТА

В.: Могут ли существовать хоть какие-то сомнения в отношении истинности физической реальности? Ведь мы можем понять каждую вещь либо по ее виду, либо по описанию, либо опытным путем. Информация надежна. Значение слов, обозначающих события, должно быть стандартным. Если я вижу статую, я знаю, кого она изображает, особенно если у нее на голове венец. Когда я отправлялся на встречу с вами, служащие в аэропорту взвесили мой багаж, чтобы

не допустить перегрузки. Когда я вижу заголовок «Катастрофа на автостраде», я понимаю, что столкнулись автомобили. И так далее.

Мне кажется, что вы очень часто утверждаете, будто люди не осознают происходящего, не понимают причин событий или их смысла. Я же знаю, что факты — это факты.

О.: В одних случаях факты полезны. В других — лишь сбивают с толку. Давайте по очереди рассмотрим предложенные вами факты. Английское слово Disaster для вас, вероятно, значит столкновение, но этимологически это слово означает «плохое расположение светил», и когда-то им именовали нечто, вызванное влиянием звезд. Слова, описывающие события, могут иметь много значений: для каждого человека они означают то, что он хотел бы видеть в определенном сообщении. Даже «катастрофа на автостраде» не для каждого означает, что столкнулись машины. Это может значить, что на грузовик обрушился мост. Что касается статуи: возможно, вы знаете, кого она изображает, а может, и нет. Антропологи и археологи не знают, что изображают древнейшие скульптурные человеческие фигуры, но предполагают, что это идолы или жертвенные приношения. Все думают, что на площади Пиккадилли, водружена статуя купидона — бога Любви. В действительности же эта скульптура символизирует «Христианское Милосердие», ее изваял скульптор Альфред Гилберт, и поставлена она в честь графа Шафтсберийского. Между прочим, интересно, знаете ли вы, что раньше венец на статуях помещали для защиты лица и звания от птичьего помета? Или, может быть, вы думаете, что он изображает нимб, как теперь считают люди, поскольку смотрят на форму венца и не видят его функции?

Когда служащие аэропорта взвешивают ваш багаж, не важно, направляетесь ли вы ко мне или еще куда-нибудь, они разрешают брать с собою не более двадцати килограммов веса. Можно было бы подумать, что эта величина определяется грузоподъемностью самолета. Если вы так озабочены вторичными вещами, то могли бы выяснить, что это ограничение «не имеет ничего общего с точными расчетами допустимого на борту веса, якобы произведенными в «эру воздушных сообщений», каким был провозглашен нынешний век. На самом деле оно было введено в Уэльсе, в г. Фарго, в 1880 году, чтобы избежать перегрузки дилижансов, и затем без изменений принято IATA (Международной воздушной транспортной ассоциацией)*.

Возможно, приблизительные и постоянно меняющиеся значения «фактов» дадут вам возможность понять, почему столь многие люди в течение столь долгого времени ищут чего-то более надежного. До некоторого момента факты полезны. И это побуждает людей воображать, особенно не задумываясь, что факты должны быть величиной абсолютной или что они полезны для всего, даже для того, для чего не подходят. Что касается перечисленных фактов, то мы видим, как с помощью других фактов можно показать различные их «значения». Таким образом, факты не являются тем, чем их считают. Истинность фактов относительна. Те же, кто интересуется абсолютной Истиной, не могут относиться к физической реальности как к чему-то большему, чем преходящему явлению.

ВЕЩИ, НЕВЫРАЗИМЫЕ СЛОВАМИ

В.: Иногда я испытываю кратковременные прозрения и мне открываются какие-то вещи и идеи. Я не в силах описать это. Выразить такие вещи невозможно, потому что у меня нет для них слов. Часто подобные состояния случаются под воздействием сказанного вами — происходит что-то вроде «узнавания истины». Мне бы хотелось приблизиться к этому феномену

О.: Полагаю, что это вопрос. Вы не можете облечь в слова эти ваши «прозрения» потому, что их нельзя выразить способом, которым вы обычно пользуетесь. Если вы попытаетесь обозначить их словами, они исчезнут. Вам бы хотелось быть к этому ближе, чем сейчас.

Подобная близость станет возможной, когда вы увидите связь между подобными отдельными вещами или группами таких вещей. Но вам надо достичь стадии, когда вы сможете прийти и попросить дать вам метод. Пока вы будете продолжать изо всех сил стараться, вы дальше не продвинетесь, потому что нельзя приблизиться, пользуясь имеющимся у вас аппаратом. Те, кто утверждает, что подобное приближение возможно, говорят это по одной из двух простых причин, которые я вам изложу.

1. Они знают, что прежде, чем вы будете способны признать существование другого восприятия, необходимо утомить, обойти или истощить вашу способность к «интеллектуализации».

Business Traveller, Travelog, London; Summer 1978, p. 27, col. 2.— Прим. автора.

2. Они являются умышленными или бессознательными имитаторами, чьи учения, основанные на бессмысленном воспроизведении материалов предыдущей, подготовительной стадии, снова и снова распространяются в пределах определенного радиуса действия.

СОСТОЯНИЕ БОГАТОГО ЧЕЛОВЕКА

Один миллионер решил отправиться к суфию за благословением.

Он совершил длительное путешествие в сопровождении пышной свиты и наконец достиг дома мудреца.

«О Просветленнейший! — воскликнул богач, входя в зал приемов. — Учитель, чьи молитвы всегда бывают услышаны, помолитесь за меня!»

Суфий спросил:

«Что мне попросить для вас?»

«Попросите, — ответил богачей, — чтобы я никогда не опускался ниже моего нынешнего состояния».

Суфий согласился и совершил молитву.

По прошествии нескольких лет, зайдя в какой-то жалкий караван-сарай, суфий увидел одетого в лохмотья нищего, который тут же на него накинулся.

«Я тот самый богач, за которого ты, лживый, подлый псевдосуфий, помолился!» — завопил он.

Суфий спросил:

«Чем именно ты недоволен?»

«Недоволен? Да посмотри на меня, нищего и несчастного...»

«Твоя молитва, — сказал суфий, — была действительно услышана. Твоим состоянием были жадность и неуверенность, и ты все еще в их власти».

КЛЮЧИ ОТ МАШИНЫ

В.: Неужели люди на Западе воображают, что подражание поверхностным или одержимым суфийским имитаторам с Востока действительно имеет какую-то ценность? В телевизионных программах то и дело мелькают так называемые суфии, и европейские, и американские, и мне кажется, что они столь же нелепы, сколь и многочисленны.

О.: Вы пишете с Востока. Можно легко понять подобный феномен подражательности, если взглянуть на похожие образцы поверхностного поведения в вашей собственной стране. Ведь в конце концов эти западные горемыки переняли весь свой гротеск у ложных или пребывающих в самообмане «суфиев» с Востока. Просто выгляните в окно у себя дома, и вы увидите полчища подражателей западному образу жизни, полагающих, что, одевшись в джинсы, разговаривая или

держат себя определенным образом, они каким-то образом уподобились жителям Запада. Зайдите в любой аэропорт Среднего Востока и взгляните на полчища людей, позвякивающих ключами от автомобилей, которых у них нет, или делающих вид, будто летят куда-то. Поймите, что эти западные имитаторы, воображая себя «духовными», в действительности только «позвякивают ключами от автомобиля, который они не могут себе позволить приобрести».

РАЗДЕЛ V

ВОСЕМЬ АНАЛОГИЙ

Есть несколько чрезвычайно важных аналогий, которые можно выразить в форме анекдотов. Они позволяют с пользой для учебных целей выделить характерные особенности и ошибки, блокирующие высокие восприятия.

Первая касается предположений, в особенности следующего: люди, обладающие определенной репутацией, безусловно, в состоянии дать человеку совет, как расставить все необходимые акценты в учебе.

Эту аналогию часто используют для описания состояния педантичных, мыслящих по шаблону ученых, познания которых могут быть барьером на пути к просветлению, как бы они ни были полезны в области обычного изучения.

В данном варианте истории говорится о женщине, чей сын учился в медицинском институте. Она узнала, что он успешно закончил обучение, и была вне себя от радости, получив письмо от сына.

К сожалению, почерк было трудно разобрать: это были сплошные каракули, как и у многих врачей. Женщина решила обратиться к какому-нибудь аптекарю, зная, насколько те опытны в чтении докторских рецептов.

Она отнесла письмо местному фармацевту. Тот глянул в листок, достал какую-то бутылку и сказал: «Это вам. Принимайте по две полных ложки три раза в день».

Другая ошибка заключается в предположении, что какая-то формула или часть учебного материала является исключительной и неизменной. В истории, иллюстрирующей это положение, рассказывается об инженерере, пришедшем однажды в зоопарк. Инженер подошел к клетке со львом и встал, как вкопанный.

Кто-то сказал ему:

«Вас, кажется, весьма заинтересовало это животное». Инженер ответил:

«Еще бы, оно незаконно использует мой патент на новый вид амортизаторов!»

Случайное или фрагментарное заимствование приемов или идей отражено в третьем анекдоте, где также затрагивается вопрос о склонности психологов и якобы духовных людей к халтурному выполнению своей работы.

Один человек пришел навестить друга, находившегося в психиатрической лечебнице.

Посетитель спросил лечащего врача:

«Ему сейчас лучше?»

«Лучше? Думаю, что да, — ответил доктор. — Раньше он считал себя Людовиком XIV. Теперь же пришел к мысли, что он всего лишь Людовик V».

Иногда используется формат взаимоотношений гуру и учеников, как видно из следующего отрывка, где речь идет об отсутствии у обычных людей реального восприятия как духовного, так и его имитации.

История повествует, что некий гуру однажды рассказывал, как он стал духовным учителем.

«Я сидел у обочины дороги, задаваясь вопросом, что же мне делать, как вдруг подошел

какой-то человек и сел напротив меня. Вместе с ним мы стали распевать мантры и выполнять различные упражнения.

Спустя несколько недель я спросил:

“Скажите, мастер, что мне делать дальше?”

“А я думал, что мастер — это вы!” — ответил мой спутник».

Нередко можно заметить, что в поведении учеников меньше здравого смысла, чем в поведении обычных людей. Этот факт наблюдают столетиями. Некий эзотерический учитель поведал следующую историю, желая внушить учащимся, что ясное мышление им так же необходимо, как и слепое подчинение.

«Что подумают о тебе люди, ведь ты по пять раз за день покупаешь люля-кебаб у уличного торговца?» — спросил один учитель своего ученика.

«А что, все нормально, — ответил его последователь, — я всем говорю, что это для вас!»

Есть история в том же духе, которая касается «идолопоклонства». Она повествует о человеке, отправившемся в далекую страну, чтобы изучать там метафизику под руководством кого-нибудь из великих учителей, коих в той стране было предостаточно.

Он посещал учителей одного за другим, и хотя все они были готовы принять его в ученики, но всегда приказывали подавать к обеду мясо только что убитой собаки.

Наконец нашелся учитель, у которого за трапезой не было и следа огорчительной для нашего ученика традиции.

Проучившись у этого человека много лет, ученик сказал:

«Знаете, достопочтенный господин, я выбрал вас, потому что вы не приказывали убивать собак к обеду».

«Боже упаси! — ответил мудрец. — Мы не убиваем собак, это варварский обычай. Мы ждем, пока какая-нибудь из них не сдохнет».

Здесь идолопоклонство, конечно, изображается как привязанность к буквализму.

В седьмом рассказе сообщается о человеке, который пришел к подлинному учителю и сказал:

«Я пришел к вам, поскольку семь лет пробыл учеником у одного предполагаемого учителя, и понял, что он не духовный человек».

Подлинный наставник ответил:

«Вы напоминаете мне человека, который, прожив в своей квартире целых семь лет, вдруг съехал с нее. Когда его спросили почему, он ответил: “Я обнаружил, что там нет ванной!”»

И, наконец, анекдот, показывающий необходимость присутствия здравого смысла: один отчаявшийся претендент в ученики написал на стене слова, которые прямо указывают, что он не в состоянии ничему учиться:

«Я оставляю все свое состояние тому, кто одарит меня бессмертием!»

ПОТРЕБНОСТЬ ПОНИМАТЬ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ РОЛИ

Разговоров об архетипах и ролях ведется много. Обсуждая предметы, люди научились искать архетипических индивидов или архетипический опыт. Они находят то, что ищут. И все же им необходимо осознать, что, приписывая значимость ограниченному набору факторов, тогда как имеются еще и другие, неизвестные вам, можно оказаться в затруднительном положении. Если вы полагаете, что в супе обязательно должны быть кусочки овощей или мяса, то вы не распознаете другой суп, лишенный подобных ингредиентов. Аналогичная проблема существует и в случае ролей. Люди ждут, что другие будут исполнять ту или иную роль из некоторого числа предопределенных. Это значит, что подспудно они задаются вопросом, какую

же именно роль исполняет человек, с которым они имеют дело. Они обязательно что-то упустят, столкнувшись с тем, кто исполняет роль, которая им не известна, или же приписав кому-либо неподходящую роль. Все это никак не ведет к пониманию собственных ролей: кто вы, к примеру, лидер или пешка?

Так вот, если вы станете рассказывать об этом, будьте уверены, что спровоцируете либо резкое неприятие, либо дискуссии, и только лишь потому, что пока эти идеи новы и поэтому не находят признания. Лучше уйти в тень и посмотреть, и в самом ли деле согласуются разговоры и поведение людей с тем, что я говорю. Полагаю, вы будете немало удивлены результатами своих наблюдений.

В современном западном обществе руководство может быть принято только от личностей определенного устойчивого типа. Общество желает знать, кто вы — просветитель (разновидность академического ученого), художник или что-то вроде этого, ремесленник или же священнослужитель/гуру. В результате люди вынуждены иметь дело исключительно с такими категориями специалистов, но и это еще не все: подобные неадекватные специализации наделены определенными, строго очерченными функциями, ограничивающими поле их деятельности, властные полномочия и значимость. Научиться чему-то большему становится возможным, когда подобное жесткое мышление делается более гибким.

Полезно также отметить, что у нас нет возражений против того, чтобы люди ограничивали себя этими категориями, если они берутся что-то изучать в указанных рамках. Но когда они пытаются так же взяться и за наш предмет, мы обязаны сказать об этом громко и ясно.

РАБОТА

В.: Для меня трудность состоит в том, что я хочу понять, что я делаю. Я осознаю, что в действительности ничего не могу сделать, если не понимаю, что это такое. Я чувствую, что буду топтаться на месте, пока не обрету понимания. Можно ли помочь мне лучше понять Работу, чтобы я мог продвигаться в ней?

О.: Вы не столь одиноки в своем затруднении, как предполагаете. То, что вы делаете, дает свой результат. Не тот простой результат, который должны приносить эти действия, по вашему мнению. В каждом действии имеется «рабочее» содержание, которое способствует вашему прогрессу независимо от того, знаете вы об этом или нет. Этот фактор был забыт или, возможно, скрыт кем-то, кто хотел, чтобы в течение определенных и ограниченных периодов времени вы считали себя предоставленным самому себе, или что-то еще в том же духе. Проблема, о которой вы говорите, возникает из ситуации индивида; здесь не может быть никакого правила. Все зависит от «времени и места», от «благоприятного случая и необходимости».

Поняв, однако, более глубокие планы и измерения того, что вы делаете, вы из тех же самых действий будете извлекать в несколько раз большую пользу. Вы вкладываете свое усилие в работу. У вас развивается мускулатура. Возможно, вы не замечаете, что в то же самое время зарабатываете деньги. Когда вы поймете, что такое деньги, то сможете ввести их в действие и покупать на них те или иные вещи.

Вы не можете научиться большему, пока не способны учиться большему.

Слово «Работа» не используется в своем настоящем смысле. В арабском языке «работа» — это иное название религии. В алхимии слово «опус» означает великая Работа, трансмутация. Для суфиев «вазифа», или «долг», — еще одно слово для обозначения обязанностей, выполняемых под руководством. Таких примеров можно привести множество.

Тот вид работы, в которой заинтересованы мы, представляет собой делание, содержащее много измерений. Каждая из вышеупомянутых функций Работы присутствует в нем, осознается

это или нет. Тем не менее ценность данных функций, плоды их активности, проявляются в действии лишь тогда, когда для этого созревает соответствующая ситуация. Работу можно выполнять, но шансы, что она принесет плоды, остаются только в том случае, когда подобная деятельность сознательно спланирована и начата как часть программы, востребованной источником самого учения: вечным и неизменным призывом, как мы его называем.

ЗАСТЫВШЕЕ ВНИМАНИЕ

В.: Что является величайшим барьером на пути к учению?

О.: Предвзятые мнения и сосредоточенность на вещах, которые человек, как ему кажется, желает изучать, хотя они, быть может, на самом деле ему не нужны. Это приводит к тому, что часть внимания застывает на предвзятом мнении, предположении или вопросе.

Около тридцати лет назад я читал лекцию в одной ближневосточной стране. В конце, как обычно, я предложил аудитории задать вопросы. Поднялся некий человек и спросил:

«Что такое пена?»

Я сказал:

«Почему вы хотите это знать?» Человек ответил:

«Потому, что я всегда хотел узнать, что такое пена!»

Совсем недавно, три дня назад, я в течение двух часов беседовал, по этому же поводу, с одним человеком, настаивая на том, что он не получит никакой пользы от своего пристрастия к собиранию случайных фактов, поскольку ему необходима информация определенного характера, — она сделает его способным решить, какие факты искать.

Я спросил его, понял ли он это.

«Вполне», — ответил посетитель и поблагодарил меня. Мы направились к выходу, и, когда я открывал дверь, он сказал:

«Кстати, не могли бы вы дать мне какую-нибудь информацию о каббале?»

Так что это очень давняя и характерная проблема в обучении. В качестве иллюстрации приведу замечательную индийскую историю.

Один учитель объяснял что-то своему ученику, который тем временем следил за мышью, протискивающейся в дырку. В заключение учитель спросил: «Ну что, все?»

«Да, — ответил ученик, — все, кроме хвоста».

Это может показаться маленькой проблемкой. В действительности же подобная проблема — одна из самых крупных, так как, если ученику не удастся сделать свой ум достаточно гибким, чтобы переключать внимание со своих предубеждений на то, что ему должно изучать, обучение не состоится. А это, несомненно, огромная проблема.

НЕВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

В.: Нельзя ли привести пример того, что суфии называют невнимательностью, принявшей форму отсутствия бдительности в наших занятиях?

О.: Недавно группа людей, изучавших мои книги в течение нескольких лет, обратилась ко мне с просьбой предоставить им свежие тексты. Я знал, что новые тексты им не нужны, потому что из уже существующих книг они взяли только то, что развлекало или интересовало их, а не материалы, содержащиеся там. Поэтому я в несколько другой форме изложил некоторое количество отрывков из тех же самых книг, напечатал и отослал этим людям. Они буквально стонали от удовольствия, получив столь «новые, захватывающие, поистине удивительные откровения». Но ведь у них было уже в сотни раз больше материала такого же качества, более

того, у них был этот же материал, только изложенный по-другому. Тем не менее они верили, что получили новые фрагменты.

Это и есть невнимательность в той форме, о которой вы упомянули. Подобные люди не заслуживают большего, так как совершенно очевидно не способны пользоваться тем, что у них есть. Они ответственны за то, что — не будь мы столь осторожны — отняли бы у нас время, которое мы могли бы уделить другим людям, побеспокоившимся о том, чтобы учиться и оставаться бдительными. И конечно же нам приходится помнить, что есть много (хоть статистически и мало) людей, которые по-другому реагируют на предоставленные материалы, сохраняя по отношению к ним бдительность и используя их, вместо того, чтобы, подобно идиотам, требовать все больше и больше, даже не взглянув на то, что они уже получили.

РАСКРЫТИЕ ИСТИННОЙ ПРИРОДЫ

Как-то раз один ученик пожаловался своему суфийскому учителю на то, что до сих пор не посвящен в тайное учение их общины, хотя несколько лет с полной отдачей учился и работал под руководством своего мастера.

Суфий пояснил ему:

«Не важно, сколько лет вы потратили или с какой интенсивностью занимались, — важно, каких результатов вы добились».

«Но, — сказал ученик, — мои недостатки и средства их исправления, которые, возможно, видите вы, не видны мне и другим ученикам. Значит ли это в таком случае, что только вы можете диагностировать мое состояние и предписывать средства его исправления?»

«Действительно, в этом и заключается работа учителя, — ответил мастер, — но и для учеников есть возможности наблюдать, по крайней мере, аналог чьего-либо состояния. Мы создадим возможность продемонстрировать это».

Вскоре после их разговора суфий, направляясь в зал для собраний, попросил повара приготовить жаркое, а недовольного ученика пригласил пойти с собой. Они вошли в зал, где находились остальные ученики. Мастер сел, посадил ученика рядом с собой и велел всем собравшимся быть очень внимательными.

«Этот человек, купец, всем вам хорошо известен, — начал суфий. — Он полагает, что его внутренняя природа должна была трансформироваться по мере его работы над внешней. Давайте посмотрим, так ли это».

Внезапно собрание было прервано появлением посыльного, который, попросив разрешения говорить, сообщил купцу, что несколько его кораблей возвратились из дальнего плавания с большой прибылью и все ждут его дальнейших распоряжений. Купец отдал соответствующие приказания, после чего суфий сказал:

«Раз уж вам улыбнулась такая удача, не могли бы вы пожертвовать что-нибудь для поддержания нашего сообщества, ибо все эти годы вы вносили не слишком много, без сомнения, по причине вашего стесненного положения...»

«Я подумаю об этом в более подходящее время, — ответил ученик, — если вы напомните мне».

Суфий согласился.

Вскоре еще один человек, на этот раз судебный поверенный, прервал собрание и попросил позволения побеседовать с учеником с глазу на глаз. Суфий повел их в свой кабинет.

Судебный поверенный сообщил, что купец выиграл тяжбу по поводу весьма дорогостоящего земельного участка.

После того как поверенный передал купцу все бумаги и удалился, суфий сказал:

«Это огромный участок. Не выделите ли вы и нам немного земли, чтобы, работая на ней, мы могли поддерживать сообщество?»

«Вы всегда говорили, — ответил купец, — что бедность предпочтительнее богатства, и я не намерен что-либо предлагать вам, разве что вы станете настаивать».

«Почему бы вам не предложить, дав мне тем самым возможность отказаться?» — спросил мастер.

«Расставлять на пути человека ловушку искушения — равносильно греху», — нравоучительно заметил купец.

Шло время, и купец убеждался, что судьба благоволит к нему все больше и больше. На его земле была обнаружена золотоносная жила, но когда суфий посетил его и попросил немного золота для бедных, купец лишь сказал, что вернется к этому позже.

Затем королю не хватило денег для ведения войны, и он занял у купца большую сумму, а взамен сделал его премьер-министром.

Тогда суфий попросил новоиспеченного деятеля повлиять на короля, чтобы тот отменил деспотические законы, направленные против суфиев. Купец обещал помочь, но ничего не сделал.

Наконец, когда король умер, купец-ученик был избран на его место. После коронации суфий спросил:

«Теперь, когда ваше величество обладает всей властью в королевстве, не предоставите ли вы нам обещанную материальную помощь, в которой мы нуждаемся для организации нашей работы?»

Король ответил:

«С меня довольно назойливости бесполезных суфиев — убирайся прочь, пока я не отдал приказ изгнать из моего королевства тебя и твою общину!»

«В таком случае, — сказал мастер, — ваше величество может продолжать править своим собственным королевством — мы же примемся за жаркое!»

Купец оглянулся вокруг и увидел, что он снова находится в зале для собраний дервишей и что с тех пор, как он вошел сюда вместе с суфийским учителем, прошло всего около часа. С помощью силы гипноза (limiyu) мастер заставил его поверить, что все происходило на самом деле, а сам вместе с учениками наблюдал его реакции: когда купец разбогател, когда был наделен властью, когда стал королем.

«Итак, — сказал мастер, — мы продемонстрировали вашу истинную природу. Как в материальном мире, так и в духовном вам необходимо стать достойным продвижения, иначе вы будете действовать вопреки интересам духовного мира и ваш опыт в лучшем случае пропадет зря».

ЛИЦЕМЕРИЕ

В.: Почему следует почитать духовного учителя и думать о нем со смирением и благоговением?

О.: Не ради него, но ради самих себя. Таким образом, мы приводим ум в определенную ментальную позицию, сопровождающую чувство почитания, и это настраивает нас на реальность и изгоняет самодовольство. Когда люди оплакивают умерших, они делают это ради себя — на умерших все это воздействия не оказывает, — и точно так же, пока человек чересчур сосредоточен на себе, он не может учиться. Ему надо думать, что другие люди важнее, чем он сам.

Однако люди иногда ударяются в другую крайность: они создают культ личности и

слишком много думают о своих духовных учителях. Вот, чтобы сбалансировать эту позицию и не допустить ни той, ни другой крайности, как раз и рассказывают следующую историю о дервише-ханже.

Жил-был один религиозный человек, которому нравилось воображать себя истинным дервишем. Он также любил выполнять все предписания и религиозного, и светского кодекса, отчего все больше и больше надувался гордостью и в конце концов, сам того не сознавая, стал лицемером, как и множество людей до и после него. Совершенно естественно, что это состояние не позволяло ему достичь какого-либо прогресса на духовном пути, и один ангел решил ему помочь.

И вот однажды дервиш увидел, что мимо его дома ведут осужденного. Только он подумал и даже почувствовал, как правильно, что злодея ждет справедливое наказание, перед ним предстал ангел.

Видение сказало:

«За то, что ты считаешь ханжество истинной добродетелью, ты осужден бродить по земле, без надежды на спасение, до тех пор, пока мертвое дерево не расцветет!»

Поначалу дервиш был немало возмущен словами ангела и даже подумал, что то был не ангел, а какой-то самозванец. Однако после того как обстоятельства вынудили его покинуть собственный дом и он оказался на улице, его стала свербить мысль, что, возможно, в тех словах была доля правды.

На вершине одного из холмов был старый расщепленный дуб, по всей видимости мертвый, и наш так называемый благочестивец повадился приходить к нему и размышлять о своей судьбе и возможностях.

Однажды, на дороге, он встретил брадобрея. Брадобрей обратился к нему:

«Если я не буду практиковаться в своем искусстве, то не смогу получить работу в том месте, куда направляюсь. Можно мне побрить вас?»

Наш полудервиш сначала почувствовал себя оскорбленным, поскольку кто-то покусился на его уважаемую бороду, но тут ему пришла в голову мысль, что он на самом деле обманщик и что в бороде нет смысла, если за ней прячется всего лишь тот, кто не достиг совершенства. Поэтому он согласился, и брадобрей сбрил его бороду.

В этот момент корни дерева, что росло на вершине холма, начали вбирать влагу и получать питание.

Затем дервиш увидел очень бедного человека, бредущего по дороге почти без одежды. «Все, что у меня есть, — сказал себе дервиш, — это лоскутный дервишский плащ...» Затем он вспомнил, что лоскутный плащ должен указывать на состояние владельца, а его состояние было полностью показным, хоть он и носил одежду дервиша. Поэтому он снял одеяние и отдал его бедному страннику.

Тут сок стал подниматься по стволу дерева.

Вскоре после этого дервиш сидел под тем самым деревом, а мимо проходили два искателя истины. Заметив человека благочестивой наружности, они подошли и попросили дервиша научить их чему-нибудь. Дервиш сказал:

«Вот единственное, чему я могу научить вас: когда бы вы ни увидели человека, который выглядит благочестивым, носит бороду, рад вас учить и позволяет людям присваивать ему религиозные титулы, знайте — скорее всего, вы имеете дело с обманщиком!»

И в этот момент на ветвях дерева появились почки и почти сразу распустились цветы.

НЕ ПОНЯЛ СУТИ...

Сегодня меня посетил один очень известный религиозный деятель.

Я спросил его, как он относится к тому факту, что многие древние традиции его религии неприемлемы для современного человека.

«Все просто, — ответил он, — я этого вообще не касаюсь. В нашей религии существует не только то, о чем упоминаете вы, но и множество других традиций, и с ними мы можем работать».

«Однако, — продолжал я, — как вам удастся выходить из положения, когда люди настаивают на обсуждении тех вопросов, которые современная наука считает анахроничными?»

«Я просто говорю им, — ответил он, — что это второстепенные вопросы и они чересчур беспокоятся о ненужном...»

Мне это напоминает одну историю. Прочтите ее и подумайте, не поступает ли наш прелат так же, как и повар из рассказа.

К ДЕЛУ НЕ ОТНОСИТСЯ

Одна хозяйка застала своего повара за процеживанием супа через носок ее мужа.

«Ты что делаешь с носками хозяина?» — в ужасе закричала она.

«Не стоит волноваться, мэм, — ответил повар. — Я ведь не брал чистой пары!»

Лично мне нравится, как доктор Сэмюэль Джонсон ответил одной леди, спросившей, почему он определяет слово «бабка» как «лошадиная коленка».

«В результате полнейшего невежества, мадам», — ответил доктор.

ВЕСЬ В СИНЯКАХ

Вот один из интереснейших — хотя и мало известных — фактов в отношении высшего знания: поиск знания столь же зависит от исключения, как и от включения тех или иных вещей. Исключать определенные элементы так же важно, как и включать другие. Возможно, вы полагаете, что все, в чем вы нуждаетесь, это найти правильные формулы верований, ритуалов, упражнений. Однако если вы в то же время не будете избегать того, чтобы делать, обдумывать или практиковать некоторые вещи, то неисключенное может разрушить (и это более чем вероятно) ваши усилия. В этом-то и состоит одна из функций истинных учителей: сообщать, что следует делать и чего избегать. Более того, нередко вы можете отличить истинного учителя от ложного по следующему признаку: дает ли он вам простой ворох инструкций (молитвы, медитации, посты, сосредоточение и т. д.), ничего при этом не исключая, или же он при этом говорит, чего следует избегать. Подобные предостережения будут касаться времени, мест, компаний, ответных реакций, и это является частью подлинного знания истинного учителя.

Приведу историю, которая отвечает данному принципу. Одна женщина отправила своего мужа к известному учителю и велела подчиняться тому в каждой мелочи. Фактически она наказала супругу повторять все, что скажет учитель.

Когда человек пришел в дом почтенного мудреца, тот спросил его:

«Кто ты?»

«Кто ты?» — повторил пришедший.

«Что ты имеешь в виду?» — продолжал учитель, и претендент в ученики вторил ему: «Что ты имеешь в виду?»

Так повторилось несколько раз, после чего мудрец приказал поколотить этого человека и выгнать. Когда он вернулся домой, жена спросила о его успехах.

«Все неплохо, — ответил муж, — но не знаю, как долго я смогу выдерживать такое

обучение. Они избили меня до синяков, а ведь это только первый мой урок!»

Этот рассказ учит нас, что рабское подражание оканчивается ничем и даже может быть вредным. Обычная человеческая привычка подражать, копируя манеры, поступки и даже одежду уважаемых личностей, не приносит абсолютно никакой пользы.

БАРЬЕРЫ

Человек страстно желает освободиться из тюрьмы и все же укрепляет ее засовы. Убежит ли он? Эти засовы — привычка полагаться только на вторичное Я, желание эмоциональных стимулов и жадность.

Допустим, что человек хочет вынырнуть из воды, однако упорно держится за камни на дне моря. Что с ним произойдет и как вы его назовете? Все это привязанность к устаревшим и неактуальным системам, идеям и лозунгам.

Или, предположим, человек хочет вырасти, но пребывает в ящике, который мешает его росту. Ящик — это опора на культы и организации, останавливающие развитие человеческих способностей.

А как вы назовете человека, который воображает, будто хочет путешествовать, но привязал к ногам гири, так, что не может ни ходить, ни даже сдвинуться с места. Эти гири — жажда внимания и желание получить то или иное до наступления правильного момента.

Или возьмите других людей — они утверждают, что хотят стать на путь совершенствования, однако постоянно крадут то, что принадлежит другим, и лгут, препятствуя себе стать лучше хоть в чем-то. Как вы назовете таких людей? Совершая подобные действия, они в то же время верят, что получают двойную плату: первый раз в виде самоудовольствия от совершенного доброго поступка; второй — в будущей жизни.

И, наконец, есть люди, которые заявляют, что хотят расширить свой кругозор, а сами упорно носят на глазах шоры. Как их назвать? Эти барьеры — привычка смешивать привлекательные, но бесполезные формулы и тотемы со специальными учениями.

НЕУСВОЕННОЕ

Для человека крайне важно впитать то, чему его учат, а не просто попробовать или проглотить это.

Люди обычно так спешат, что не дают себе возможности усвоить материалы, которые могут быть полезны им лишь в том случае, если будут впитаны.

Притча поможет вам зафиксировать это в своей памяти.

ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ

Один скряга много лет подряд регулярно приходил к королю и просил у него милостыню. Каждый раз, когда суверен протягивал ему золотую монету, он торопливо выхватывал ее из монаршей руки и засовывал в карман своего плаща.

Придя домой, жадина сразу же опускал монету в щель у очага.

Однажды он умер — как и все мы однажды умрем. Когда деньги нашли и увидели имя короля на каждой монете, их все до единой возвратили в казну.

АБРИКОСОВЫЕ ПИРОГИ

Когда-то в Афганистане жила пожилая женщина, которая в течение тридцати лет пекла изумительные абрикосовые пироги, славившиеся по всей округе. Все слышали о ее пирогах и, когда представлялся случай, с удовольствием их ели. В течение многих лет сотни людей буквально осаждали женщину, пытаясь выклянчить у нее рецепт.

Она пекла свои пироги каждый год, когда созревали фрукты, и раздавала их всем желающим, но рецепт не открывала никому.

В тех же местах жил один богач, который был скуп и очень любил абрикосовые пироги. Опасаясь, что женщина унесет секрет с собой в могилу, он объявил, что даст сто золотых монет за ее рецепт.

Многие претендовали на награду, однако их стряпня не шла ни в какое сравнение с пирогами старой женщины. И вот однажды, к большому своему удивлению, богач увидел, что женщина стоит у его двери и предлагает купить ее рецепт.

«Я был уверен, что вы никому его не раскроете», — пробормотал он.

«Ну, сначала я хотела увидеть хоть какой-нибудь признак искренности», — сказала старуха.

«Но почему вы решили, что я искренен?» — спросил скупец.

«Ты влюблен в золото, — ответила женщина. — И то, что ради желаемого ты готов расстаться с каким-то его количеством, тем более с сотней золотых монет, говорит — по крайней мере, на твоём языке — о том, что ты искренен. В этой сфере мы, видимо, не сможем ближе подойти к реальной искренности, — поэтому я открою тебе секрет».

Богач был вне себя от восторга. Взяв карандаш и бумагу, он попросил женщину продиктовать рецепт.

«Тебе не нужны карандаш и бумага, — сказала она, — тут особенно нечего и рассказывать. Я собираю абрикосы бесплатно, в садах людей, занимающихся благотворительностью. Затем добавляю воду и немного меда — вот и все».

«Но ведь все делают абрикосовые пироги точно так же! — вскричал богач. — За такой рецепт я не дам вам и гроша».

«Воля твоя», — ответила женщина.

«Ерунда какая-то, — сказал скряга. — Предположим, что секрет не в начинке, но тогда он должен быть в тесте. Как вы его делаете?»

Она улыбнулась:

«Я вообще его не делаю. Я иду к деревенскому пекарю и прошу дать мне немного теста из ненужного остатка, делаю из этого теста пироги и затем прошу испечь их вместе с его хлебом, вот и все».

«Но все-таки в приготовлении этих пирогов должно быть что-то особенное, — сказал богач, — и я хочу узнать, что это».

«Прекрасно, идем со мной и делай, как делаю я. Посмотрим, что у тебя получится, — сказала она. — Вот тогда и увидим, понял ли ты рецепт».

Итак, они вместе отправились в абрикосовый сад. Как было принято в тех местах, старой женщине позволили собрать фрукты бесплатно, а скряге, чтобы набрать столько абрикосов, сколько ему хотелось, пришлось заплатить одну медную монету.

Затем они пошли к пекарю, и тот уложил немного оставшегося у него теста на блюдо, поверх абрикосовой начинки, и поставил в печь. Они уселись ждать, когда пироги будут готовы.

Как только пироги испеклись и остыли, они их попробовали. Пирог женщины был восхитителен. А пирог из абрикосов, собранных скрягой, оказался самым заурядным.

Он покачал головой в замешательстве, после чего разразился бранью, называя старуху обманщицей, подмешавшей в пироги какую-то тайную приправу, дурой, не желающей раскрыть свой пресловутый секрет за такие огромные деньги, и, наконец, ведьмой, вошедшей в сговор с

силами зла.

Когда его пыл иссяк и он умолк и сел на лавку у пекарни, старая женщина опять улыбнулась:

«Теперь, когда ты выдохся, изливая свои угрозы и бия себя в грудь, и израсходовал свое упование на деньги, когда из тебя вышла вся эта чепуха, замешанная на крушении ложных ожиданий, я открою, в чем была твоя вина.

Как тебе известно, беднякам разрешается собирать в садах столько фруктов, сколько они пожелают. Ценя это, я никогда не срываю для пирогов спелые и отборные фрукты — ведь лучшие плоды должны остаться крестьянам, чтобы они могли их выгодно продать и прокормить свою семью.

Поэтому я всегда беру для пирогов недозрелые и перезрелые абрикосы и смешиваю их. Это и есть секрет замечательного вкуса. Ты же, как и многие другие, стремящиеся раскрыть мой секрет, настолько жаден до совершенства и до выгоды, что срывал наиболее привлекательные плоды.

Вот у тебя и получились самые обычные пироги».

С этими словами она сунула себе за пояс кошель с золотыми монетами и ушла.

Жадность, постоянное беспокойство и непреодолимое побуждение выстроить суфийское учение согласно приготовленным предположениям — и это явно проявляется в реакциях многих учеников — порождают всякого рода скупость, возводят барьеры к пониманию и делают людей незрячими к вещам, которые совершенно очевидны для тех, кто подходит к учению несколько проще.

ЗАГРУЗКА И РАЗГРУЗКА

Нам следует внимательно рассмотреть ситуацию, когда некий человек научился чему-либо от кого-то и начинает обучать материалу, который только что узнал, ведь большинство людей не понимает, что именно происходит.

Давайте на минуту забудем, что речь идет об «обучении», и рассмотрим это явление на более общем уровне: просто человек что-то «получает» от кого-то другого. Это может быть удар, информация, деньги, идея о том, что у него был некий опыт.

Как только вещь «получена» (или кажется, что «получена»), следующим, автоматическим движением человека будет попытка передать ее дальше. Это связано с тем, что человек является в некотором роде коммуникатором — передающим механизмом, или действует как таковой.

И только на следующей стадии (даже если она начнется всего через две секунды) человек решает, что он «получил» знание и обязан его передать исключительно ПОТОМУ, ЧТО ЭТО — ЗНАНИЕ. Не осознавая природы данного явления, человеческая особь начинает воображать, что именно стремление поделиться знанием побудило отдать полученное.

Общее подтверждение этому явлению можно получить, наблюдая за малышами. Они пытаются осуществлять связь. Ими движет позыв хватать и отдавать другим что бы то ни было. И еще они хотят получить отклик.

Конечно, в соответствии с господствующей в обществе этикой такое получение и передача часто вознаграждается с лихвой. Человек, получивший деньги и отдавший большую их часть, заслуживает уважение и славу.

Другой важный аспект этого процесса получения-передачи проявляется в ситуации, когда людям предложены идеи. В таких случаях мы можем увидеть, что люди, у которых есть идеи для распространения (не важно, имеют эти идеи хоть какую-нибудь ценность или нет), отвергают или отказываются рассматривать иные гипотезы. Часто это происходит потому, что они уже

откуда-то «получают» или получили собственные идеи и для них задействован лишь процесс передачи.

Все мы не раз оказывались свидетелями ситуации, как тот или иной человек настаивает на обсуждении какой-то темы и ничего другого слышать не желает. Это происходит именно в том случае, когда кого-то пытаются прервать во время «разгрузки». Таким образом, мы можем понять, почему люди иногда бывают нетерпимы. Все внешние признаки говорят об их упрямстве и неуступчивости, а на самом деле их поведение сообщает нам: «Я нахожусь в разгрузочной фазе, не прерывайте!» Сами они, конечно, выражают это совсем по-другому, например, так: «идеи Смита — несущественны», или «то-то и то-то не имеет отношения к нашей теме», или как-нибудь еще.

Из-за того, что люди ничего не знают о существовании, и уж тем более о механизме данного процесса, они живут как во сне. Тут их и начинают преследовать вопросы: «Почему же идеи Смита — несущественны» или: «Почему то или это не имеет отношения к теме». Здесь бы им как раз и осознать, что не следует прерывать процесс разгрузки.

ВИНОГРАДНАЯ ДИЕТА

Однажды, давным-давно, во времена великой древности, в своих владениях, обнесенных высокой стеной, жил мудрый и могущественный князь. Его замок окружали фруктовые сады и рощи. Поскольку князь обычно не объяснял своих действий, считалось, что ему нет дела до людей и их забот и что он пренебрегает своим долгом, который конечно же обязывал его стремиться к совершенству. Даже люди, слышавшие мудрецами, не могли его понять и поэтому критиковали. Те, кто мало знал его, думали, что он утратил свои благородные качества. Те же, кто заискивал перед ним, хвалили его, но хорошей репутации они ему не добавляли, поскольку такие люди обычно поверхностны.

Так сложилась, что на земли, где жил князь, напали варвары. Они успешно одно за другим покоряли соседние княжества и быстро приближались к его владениям. Несколько раз посылал князь письма к соседним правителям с призывом объединиться под его предводительством против захватчиков, но в силу высокомерия, невежественного отношения к князю и по причине каких-то иных качеств они ему не вняли.

Такое поведение соседей, кажется, не огорчило князя. Он только сказал: «Бремя мудрости почти невыносимо. Как человек правдивый, я был вынужден сказать им, что должен встать во главе, если мы хотим все вместе победить в этой войне. Как и следовало ожидать, они не приняли подобных условий. Следовательно, остается только ждать второго этапа».

Варвары продолжали продвигаться вперед, а тех, кто им сопротивлялся, становилось все больше и больше, но они были вынуждены отступать, пока не оказались во владениях князя, полные решимости дать врагам последний бой. То были остатки армий и уцелевшие рыцари побежденных суверенов.

И вот однажды, когда князь отдыхал, к нему пришел его министр и после традиционных приветствий и поклонов сказал:

«О Полюс Мира, солдаты обороняющихся армий в поисках спасения перелезают через стены наших владений. Мы больше не можем им препятствовать. Они сейчас в наших виноградниках, их много, все они в грязи и крови и совершенно истощены».

Правитель поднял голову.

«Что еще»? — спросил он.

«Они истощены настолько, — продолжал министр, — что не в состоянии даже поест и перевязать свои раны. Они спят как убитые, а враги сосредотачиваются снаружи».

«Хорошо, — сказал князь, — можете идти. Возвращайтесь послезавтра и опишите положение».

Хотя министр и знал, что его повелитель обладает мудростью, он немало удивился, что тот ничего не предпринял для защиты владений, но, как хороший слуга, откланялся и удалился.

Через день он опять явился к князю и сказал:

«О великий повелитель, я здесь, согласно вашему приказанию».

«Докладывайте», — велел князь.

«Истощенные воины проспали два дня», — доложил министр.

«И что они сейчас делают?» — спросил князь.

«Да продлятся ваши дни! — сказал министр. — Они столь голодны, что поедают траву, листья и незрелый виноград».

«Очень хорошо, — сказал князь. — Возвращайтесь завтра и доложите обстановку».

На следующий день министр доложил:

«Ваше величество! Знать, воины и простолюдины, нашедшие убежище в нашей стране, едят спелый виноград и уже отчасти восстановили свои силы».

«Следующий доклад сделайте завтра в полдень», — приказал повелитель.

На следующий день министр сказал:

«Да не уменьшится ваша тень! Беглецы выбирают и едят самые лучшие гроздья!»

«Отлично! — произнес князь. — Соберите их всех в моем замке, я завершу приготовление к победе над варварами, ибо теперь они готовы. До сего дня они были не в состоянии сражаться и им нужна была любая пища, которую они могли себе позволить. Но теперь, если мы станем медлить, они пресытятся, начнут спорить друг с другом и не будут нас слушать. Приготовьтесь к победе!»

Такова история о мудром суверене, поступков которого никто не понимал. Когда последняя битва закончилась и варвары были разгромлены, армии победителей перессорились. Они вернулись в свои страны, и их историки составили противоречащие друг другу хроники этой великой битвы. Единственное, в чем их описания совпадали, так это в том, что никто не понимал князя.

ВНИМАНИЕ

Некий человек спросил у дервиша, обучавшего людей, почему так трудно сохранять состояние бодрствования: помнить прочитанное или сказанное. В ответ дервиш рассказал следующее.

«Жил когда-то дервиш, который регулярно читал лекции группе людей, среди которых был старец, неизменно сопровождаемый своим внуком, маленьким мальчиком.

Этот старец, как по часам, засыпал, едва дервиш начинал говорить.

Однажды у дервиша возникла идея. После занятия он подозвал мальчика и сказал:

“Я дам тебе серебряную монету, если ты будешь толкать своего дедушку каждый раз, когда он будет засыпать на моих лекциях”.

Мальчик согласился.

На трех следующих занятиях мальчишка подталкивал деда каждый раз, как тот закрывал глаза. Дервиш был доволен.

Однако на четвертой неделе старец уснул, как и прежде.

Отозвав мальчика после занятия, дервиш спросил:

“Разве я не давал тебе серебряную монету, чтобы ты мешал дедушке засыпать?”

“Все так, — сказал мальчик, — но когда я рассказал ему об этом, он дал мне три

серебряных монеты, чтобы я не делал этого”.

Таким образом, — продолжал дервиш, рассказавший эту историю, — серебряная монета — это ваше желание удерживать внимание. Три монеты — ваша природная лень, привычки и незаметное для вас противодействие истине».

КОГДА ОБУЧЕНИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ВНУШЕНИЕМ

Внушением можно назвать жесткое «насаждение позиций, при котором отсутствует щадящий режим, способствующий их усвоению». Внушение отнюдь не является тем, что подразумевают некоторые люди, заявляющие, что это эффективный способ быстро достичь тех целей, на какие в обычных культурах требуется много лет.

Итак, почему «усвоенная» система более приемлема, чем насажденная?

Тому содействуют два обстоятельства. Первое: обучение, растянутое во времени, и условия свободы создают благоприятные условия для отторжения того, чему учат. Второе: там, где время измеряется годами и у людей есть возможность не соглашаться и обсуждать, появляется и возможность модификации.

Фирменным признаком внушения служит следующее: людей побуждают поверить во что-то, а затем, обычно перевернув все с ног на голову, провозглашают, что они обрели веру и вера эта — как и положено — священна и даже неизбежна.

Предложить идеи и дать людям информацию для их проверки (в том числе путем сравнения с другими идеями) — вот признаки свободы и образования. Приверженцы внушения и то, и другое или искажают, или упраздняют.

Два обстоятельства мешают сказанному выше стать широко известным знанием в наше время.

1. Это совсем новое открытие для Запада и современного мира. Для его принятия требуется время.

2. Эти факты, будучи обнародованными, ставят в неудобное положение тех, кто, изучая свои позиции, осознает, что в некоторых областях тоже является жертвой внушения.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ

В.: Какова связь между различными метафизическими традициями, если таковая вообще существует?

О.: Если говорить на вашем языке, — существует множество связей. Вот те важнейшие, которые следует отметить:

мир замусорен остатками истинных традиций. Их действенность сильно подпорчена или выродилась, став повторяющимися процедурами;

то, что учение должно обновляться в соответствии с местом, временем, людьми и требованиями дела, — естественный закон.

В.: Как производится такое обновление?

О.: Это просто. Учитель, предназначенный выполнять определенную функцию, организует и представляет учение в форме, которая соответствует вышеупомянутым условиям.

В.: Означает ли это, что традиционные учения, которые представлены в различных странах, не выполняют сейчас никакой подлинной функции, будучи реликтами того периода, когда они служили хранилищами реальной «работы»?

О.: Да, это так.

В.: Но есть ли сейчас в подобных организациях что-нибудь реальное или функциональное?

О.: Пользуясь вашими терминами, можно сказать, что эти духовные, психологические и другие системы содержат три основные части:

компонент реальности, то есть предельной истины, который в какой-то степени был заключен в систему человеком, ее сформировавшим;

компонент разложения, проникший в учение в тот момент, когда прекратилось правильное усилие, возможно со смертью человека, его сформировавшего;

компонент внешней формы учения, который со временем незаметно становится главным объектом интереса участников.

Это наименее полезная, однако наиболее притягательная часть.

В.: Как участникам таких групп знать, правильна ли их «работа» и имеет ли она смысл?

О.: Существует только две возможности. Либо у них есть учитель, которому известна их ситуация, и в этом случае он исправит дефекты и они не укоренятся. Либо их деятельность имеет полностью повторяющийся характер, и усилие превратилось в административную функцию. Это происходит, когда в учении нет подлинной преемственности и во главе не стоит личность, развитая настолько, чтобы диагностировать ситуацию. В этом случае группа в большей или меньшей степени становится пленницей автоматизма внешнего мира.

В.: Появится ли учитель в уже существующей группе или нет?

О.: Может появиться, а может, и нет. Он приходит, чтобы исполнить закон. Он может восстановить рабочую основу осиротевшей группы.

В.: Зачем он это делает?

О.: В ответ на непреодолимую потребность.

В.: Всегда ли группа узнает его?

О.: Некоторые люди узнают. Все зависит от их воспринимающего аппарата. Обязанность учителя не столько поучать, сколько сделать себя доступным восприятию этих людей.

В.: Нуждается ли учитель в поддержке таких групп?

О.: Пользу могут получить обе стороны, поскольку работа не совершается в одиночестве. Даже брошенные группы могут полуосознанно производить некоторое количество необходимой силы («субстанции»), которая, можно сказать, пропадает втуне, если не будет правильно использована.

В.: Как объяснить драматическое появление учителей, которые заявляют, что были «призваны» принести человечеству, скажем, духовность?

О.: Не стоит обобщать. Иногда это может быть обусловлено физическими законами. Какая-то группа людей производит уже упомянутую необходимую силу («субстанцию»). Они не знают, что с ней делать; они даже могут не понимать, что это в действительности такое. Некая личность, достигшая иного уровня развития на пути, аналогичном их собственному, может войти в контакт с производимой ими силой (расстояние здесь не имеет значения) и использовать ее. В этом случае мы имеем занятую и одновременно трагическую ситуацию, в которой: (а) определенной группой выращивается сила; (б) воспринимает и использует ее кто-то другой; (в) такой вампиризм временно усиливает «учителя», который становится знаменитым; (г) из-за схожести этого человека их собственной дефектной традиции группа считает, что он предназначен ей в учителя; (д) люди присоединяются к такому учителю, не осознавая, что он кажется им таким близким, поскольку питается с их стола!

А вот то, что вы называете движением, является частью органического, естественного развития. Оно принимает местную окраску из-за культуры, в которой вырастает. Его нельзя импортировать напрямую вместе с его местным колоритом. Движение может до известной степени окрепнуть в своем регионе, но его распространение в другие области зависит от двух жизненно важных факторов:

1. оно должно естественным образом укорениться и прижиться в новой культуре;

2. в новой культуре должна быть необходимость в его присутствии.

Последнее условие действительно лишь в том случае, когда имеется учитель, уполномоченный сформировать учение в этой конкретной местности.

В.: Следовательно, нет никакого смысла путешествовать в поисках знания, поскольку, вероятно, следует ждать, пока учение не будет предложено?

О.: Это не то, что я имел в виду. Говоря вашим языком, происходит примерно следующее. Определенные люди могут быть «призваны» совершить ряд путешествий, чтобы приобрести определенные способности. Этот призыв, который вы слишком легко принимаете за личную инициативу, есть результат естественных условий. Такие люди притягиваются, можно даже сказать, почти что «импортируются», чтобы получить соответствующую подготовку для выполнения своей будущей задачи — стать центром учения, когда понадобится. Эти индивиды бывают самого разного вида. Они «призываются» из одной культурной области в другую именно тогда, когда появляется необходимость спроецировать учение в регион с культурой, подобной их собственной. Подобные эмиссары становятся инструментом передачи учения в другую культуру.

В.: Опишет ли учитель этот процесс своим последователям?

О.: Учитель опишет своим последователям только то, что им необходимо знать для их собственного развития, способствовать чему и является его долгом. Его задача заключается не в том, чтобы обеспечивать их стимулами географического, биографического или таинственного характера, разве что если это может послужить некой составляющей в его общем плане. Запомните, его действия обусловлены необходимостью и по большей части находятся в области, не воспринимаемой духовно не возрожденными людьми.

В.: Какую форму принимает учение?

О.: Оно может принимать различные формы. Первый шаг заключается в стабилизации процесса мышления, что позволит ученику учиться. Мы не начинаем с необоснованного предположения, что человек, будучи таким, каков он есть, способен учиться. Возможно, ему придется учиться тому, как учиться.

В силу почитания традиции и отсутствия понимания существенных вещей выродившиеся системы концентрируются на повторении определенных умственных и/или физических техник, что производит лишь частично сбалансированных индивидов. Подлинное учение охватывает очень широкий диапазон деятельности. Она включает «предприятия» (задачи), которые даются для пробуждения в человеке определенных функций. Последние необходимо сочетать с некоторыми другими функциями. Это могут быть ментальные техники, физические движения, музыка и специальные упражнения.

В.: Существуют ли специальные факторы, которые играют важную роль в реальном учении, хотя на Западе мы их не понимаем?

О.: Существуют, и много. Вот один пример. Вы приучены предполагать, что, если есть способности и соответствующие обстоятельства, вас можно чему-то научить. Это может быть полной чепухой. Люди пытаются учиться чему-то, не понимая простого факта, что определенные вещи можно изучить только в определенные моменты времени. Такие моменты определяются не по часам.

Учитель узнает их с помощью внутреннего восприятия, и если он в эти моменты не учит, то от всех на свете книг и упражнений не будет никакого толку.

В.: Я заметил, что вы не слишком часто пользуетесь техническими терминами. Почему?

О.: Потому, что вы приучены использовать технические термины, связанные с фрагментарной традицией. Если я употреблю знакомый вам термин, вы тут же свяжете его со своим прошлым опытом и неполной формулировкой. Термин тут же будет неправильно

истолкован вашим интеллектом. Далее, термины, которыми пользуются в одной фазе работы, совсем не обязательно применимы к другой. Твердо запомните, что, если вы пользуетесь терминами двухтысячелетней давности, вы, возможно, пытаетесь «работать» в стиле, больше подходящем для людей, живших две тысячи лет назад. Именно здесь «традиция» становится ловушкой.

В.: Но ведь система-то есть?

О.: Вы не знаете, что такое «система». В действительности эта работа систематизирована на уровне, в очень большой степени превосходящем знакомый вам интеллект. Любая видимая систематизация — только рабочий каркас, специально придуманный для того, чтобы немного приблизить учение к вам. Она не универсальна. Система известна учителю и столь же развитым людям, подобно тому, как вы неминуемо будете действовать в соответствии с вашими знаниями, если вы хорошо знаете что-то. Эта работа естественна, органична и изменяет свою форму (а не содержание) в соответствии с потребностями людей, работы и учителя. То, что служит системой в одной фазе работы, может оказаться излишним на следующей стадии.

В.: Вы упоминали упражнения и музыку. Не могли бы вы рассказать что-нибудь о музыке и танце?

О.: Очень мало информации, которую вы поняли бы. Тем не менее могу сказать: то, что мы называем «танцем», иногда может быть развивающим упражнением, а иногда используется для коммуникации разного рода; иногда — способ что-то накопить и удержать; иногда — имеет символическое значение. Основанный на принципах, которые необходимо постичь в их внутреннем смысле, танец является одной из наиболее жизненных вещей, но в результате бытового использования в культуре и даже в религии он превратился в простую, механически повторяющуюся процедуру.

Музыка также имеет много функций, все зависит от внешних условий, таких как участники, используемые инструменты, и от того, какой стадии достигла работа в данной общине и так далее.

В.: А молитва?

О.: Молитва зависит от знания того, как и для чего молиться. Обычная идея молитвы основана лишь на эмоциях и выполняет функцию обусловливания.

В.: Значит, современные религиозные верования и практика лишены реальности?

О.: Они состоят из разнородных частей. Есть в них окаменелые останки реальных вещей; есть некоторые функции, предназначенные для обычного человека, чтобы он мог продолжать вести себя определенным образом; есть какие-то элементы непонимания, какие-то личные причуды, привнесенные людьми, которые пытались организовать религиозные учения, не имея знания.

В.: Может ли человек чему-либо учить на вашем пути без полного видения этих факторов?

О.: Очень немногому. Ему может быть дана какая-то задача, но он должен выполнять ее для себя. Если он попытается учить, он передаст свои искажения другим. Ему могут позволить учить чему-то или организовать что-то, но, если у его собственного учителя не будет возможности исправлять его ошибки, он принесет больше вреда, чем пользы.

В.: Каково положение организации, основанной на повторении, если она продолжает свою деятельность, веря или надеясь, что чего-то достигнет?

О.: Это зависит от самой организации. В общем, можно сказать, что такое образование направлено лишь на поддержку собственного существования, а не на обучение. Чем больше она будет пытаться обучать, тем больше недостатков передаст. Слепой не может вести слепого. Обычно в таких организациях люди погружаются в самолюбование и теряют смирение. Немногие современные христианские лидеры приняли бы, например, Иисуса, если бы им

довелось с ним встретиться. Они питаются самодлюбием, вместо подлинного познания, такой процесс развивается в явление, которое мы называем «Командующим Я». Это ужасно, поскольку диаметрально противоположно цели, которая могла бы стать доступной для них.

В.: Испытываете ли вы людей, интересующихся тем, что вы делаете?

О.: Да, конечно. Чаще всего они не знают, что их испытывают. Они ожидают некоего грубого, явного испытания и желают его пройти. Они не имеют ни малейшего понятия о тонкости доступных нам средств. Что можно поделаться с людьми, у которых много гордости и мало совести?

Мы не имеем дело с теоретическими случаями, в том конкретном смысле, в котором вы спрашиваете. Однако можно сказать, что, используя способ, который они не могут схватить своим интеллектом, мы посылаем людям некое сообщение, или искру истины, предоставляя их внутренней реальности, их Дхат (Dhat) — существенной части, возможность получить наши сигналы. Если «зеркало не слишком заржавело», то это срабатывает, потому что людям дается возможность реально почувствовать опасность, угрожающую им, и их совесть начинает шевелиться.

В.: Бывает ли это причиной парадоксального поведения учителя?

О.: Естественно. Ничто так не разоблачает человека, как неспособность уловить чьи-то сигналы, передающиеся на невербальном, или неинтеллектуальном, уровне, особенно если он при этом считает, будто обладает какой-то степенью восприятия.

«ВАРВАРЫ»

Предположения об обществе благовоспитанных людей, которые мы сами для себя выстроили в разных хорошо знакомых человеческих культурах, эффективно препятствуют развитию реального понимания, главным образом потому, что культурные системы, созданные человеком, по большей части обрывочны и неполноценны: обрывочны, потому что не всеобъемлющи, неполноценны, потому что не имеют глубины.

Вот пример.

Вы смотрите на объект и судите о нем по ассоциациям, которые он вызывает. Он может вам нравиться или нет. Причины, по которым объект нравится, редко обоснованы разумно. Вполне естественно, что человеку может нравиться цветок. Ему нравится его цвет, форма, общее воздействие, запах и т. д. Но он понятия не имеет о сколько-нибудь более глубоком значении цветка. Под этим я не имею в виду мечтательного ощущения, вроде «в этом что-то есть». Такая идея слишком неопределенна и примитивна.

Цветок обладает неким смыслом и ценностью, которые я называю более глубоким значением. Значение здесь подразумевает реальную связь между цветком, личностью и группой, а также его реальную функцию по отношению ко всей жизни как единому целому. Некоторые философы и поэты говорят и думают об этих вещах. Почти никто не участвует в них.

С позиции того, что мы называем восприятием реального смысла цветка, те, кто поглощен эстетикой цветка, являются «варварами», привязанными к чувственным восприятиям и ментальному процессингу [интеллектуальной обработке смысловых понятий].

Вот аналогия. Находясь в правильном состоянии, вы способны получить нечто ценное, действительно ценное, от подарка или хорошего человека. Жадина видит в подарке только деньги, товар, статус, эмоции и т. п. Существует намного более высокая форма воспитания личности, чем это воображает себе обычный эстетически, художественно или социально мыслящий добропорядочный человек. И это воспитание обеспечивает особую, лишенную туманных недосказанностей перспективу для последующего развития.

УТОНЧЕННЫЙ ВАРВАР

Многим людям трудно поверить, что, хотя они в некотором смысле рафинированы, это только утонченность определенных областей их мышления или даже небольшой части их наблюдательной способности. Культурный человек может во многих отношениях быть варваром хотя бы потому, что его внимание не направлено на содержащийся в жизни дополнительный материал, который он и его предшественники не побеспокоились ни найти, ни оценить.

Древняя наука на протяжении тысячелетий использовала диаграммы и символы с целью подлинного развития и эволюции. Поверхностный человек — наш современный варвар — видит в определенных реликтах прошлого только симпатичные узоры или произведения искусства. Он может думать, что они ведут свое происхождение от природных объектов, поскольку что-то в них наводит на такие мысли. В лучшем случае он обычно считает, что их функция заключается в некоем воздействии на него или, точнее, на умы людей древних, предшествующих поколений, какими он их себе представляет, разумеется.

Это как если бы он, взглянув на себя в зеркало, подумал, что видит символ в его истинном смысле или в том реальном значении, которое имели в виду какие-то другие люди.

Мысля подобным образом, западный ученый обучил тому же многих своих восточных коллег. Такая ученость относится к «варварству». Еще хуже, что ученый этого типа находится в неустанном поиске, разыскивая так называемые доказательства на местах, дабы подтвердить истинность своих интерпретаций. Он путешествует в страны древней культуры и избирает для своих наблюдений представителей выродившейся традиции — истинных «варваров» (хотя это и не очевидно для него), использующих материалы учения именно таким грубым способом — в качестве образа для интеллектуального или эмоционального стимулирования. Наш ученый, соответственно, приходит к выводу, что это и есть исходное применение или назначение подобных материалов. В чем ущербна такая позиция?

Дело в том, что, когда основная часть внимания фиксируется на неправильной идее, ум лишается внутреннего ресурса и не в состоянии развивать то, что искажено подобной идеей, — тем более так, как он ее усвоил.

Аналогия может быть следующей: пока человек верит, что Земля плоская, он не будет способен целенаправленно обогнуть земной шар. Он не сможет, осознанно или с расчетом, воспользоваться фактом сферичности и в результате останется на низком уровне развития.

КАК ИЗМЕРИТЬ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА

В.: Не могли бы вы рассказать, как подвести статистическую основу под то, что в вашей области считается развитием человека? Проводится много исследований с целью показать возможности паранормального общения или познания. Эти эксперименты всегда подвергаются статистическому анализу.

О.: Упомянутые вами усилия будут бесплодными в плане открытия чего-либо действительно важного, поскольку то, во что мы вовлечены, обладает закономерностями, существенно отличающимися от статистики, о которой вы говорите. Полезно, однако, проверить безобидность предположения, что любое значимое явление должно подчиняться некоторой временной шкале и определенным способам измерений. Посредством статистики вы можете измерить частоту только тех явлений, которые находятся в пределах методов, называемых в данном случае статистикой, а это лишь малая часть возможностей вычисления даже в известной нам сфере — сфере событий. Уделите самое пристальное внимание следующему моменту: то,

что «подчиняется» воздействию, повторяющемуся в определенном, заданном вами ритме, уже само по себе не работает целенаправленно. Собственный ритм феномена не подчиняется вашему воздействию, и в поле вашего наблюдения он даже не проявляется в какой-либо знакомой форме, чтобы его можно было определить посредством статистики. Способны ли вы представить другую параллельную периодичность вне ваших собственных рамок?

В.: Я с трудом могу представить такую возможность, эта идея полностью нова для меня. Не могли бы вы пояснить?

О.: Лишь частично, в той степени, в которой подобные материи вообще можно обсуждать на этом уровне. Хочу обратить ваше внимание на тот факт, что в основу вашей статистики положена очень ограниченная модель. Поэтому мы и назвали бы ее примитивной. Вы воспитаны наблюдать явления, происходящие в соответствии с определенным типом регулярности или нерегулярности. Вы совершенствуете этот подход как только можете и затем предполагаете, что реальными могут быть только те явления, которые помещаются в узкие, заданные вами пределы. Теперь вы поняли, что я имею в виду?

В.: Да, понял, но, наверное, невероятно трудно входить в другую систему вместе со всей нашей привычной статистикой.

О.: В этом-то все и дело. Важно войти в систему, а не теоретизировать. Войти можно только путем опыта и участия, а не любопытства.

ЗАКОНЫ И УЧИТЕЛЬ

Замечание в ответ человеку, сказавшему, что систему следует применять систематически, иначе это вообще не система.

Если систему вообще надо применять, то, возможно, ее следует применять систематически, но вовсе не потому, что того требует система, здесь одно не вытекает из другого.

Как замечательно: взять принципы человеческого развития и безжалостно их применять. Но если вы сделаете это в доктринерской манере, то в результате получите лишь робота. Возьмем механистичность. Одно дело обратить на нее внимание. Другое — знать, какие ее части действительно являются механическими, а какие необходимы, — в них правильно внедрились факторы, способствующие развитию. Такое знание приходит из области всеохватывающего восприятия, а не от простого применения догмы.

Вы увидите, что мы учитываем два момента. Оба они чрезвычайно важны и тем не менее редко используются на практике.

Первый момент состоит в следующем: жесткое применение негибкого принципа, который считается непреложным законом, производит нечто, подобное себе: убеждение в непреложности этого принципа.

Второй момент: тот, кто действует в качестве учителя, не будучи должным образом назначенным и сгармонизированным, на самом деле не может применять даже принципы. Одно дело изучать принципы, другое — пытаться их применять.

Прежде всего нужно различать ситуации, людей и потребности, что ведет к осознанию многих измерений принципа: как, например, следующего: «Человек — это механическое устройство».

Прочтите, что написано людьми, которые пытались только изучать принципы (вроде приведенного выше). Вы увидите, что они совершили ошибку: полагая, что изучают, пытались учить. Даже в столь узком диапазоне их способность к различению, по нашей терминологии, является «варварской».

По этой причине систематизацию должны сопровождать правила гибкости, иначе она

станет реальной антитезой тому, с чем мы работаем: эволюции, которая частично определяется окружением и воздействием, частично решимостью индивида, частично факторами, стремящимися в первоизданном виде сохранить присущее самой их природе разнообразие и тонкость.

ВЫСШЕЕ ОБЩЕСТВО

Одна леди пишет, что она религиозна, читает наши книги, и ей показалось, что они написаны языком, характерным для «высшего общества».

Это показывает, насколько различными могут быть мнения — вплоть до противоположности. Видите ли, люди часто обвиняют нас в том, что в наших позициях есть нечто от «низшего общества».

Что касается меня, то я предпочитаю думать, что последнее утверждение несколько ближе к истине. В конце концов, разве на вершине социальной пирамиды не считается плохим тоном поучать других, указывая, насколько неправильно они все делают и, следовательно, им необходимо измениться?

Традиционно люди «высшего общества» не занимаются ни критикой, ни рекомендациями по изменениям — они просто отдают приказы, и значительно более конкретно оформленные, чем попытки что-то изменить или реформировать.

На мой взгляд, если уж так надо повесить ярлык, то усилия по изменению людей больше характерны для «нижней прослойки среднего класса». Подобная деятельность также вполне обычна и для пролетарских активистов.

Когда вы «выше», то делаете меньше, а являетесь — большим или чувствуете, что являетесь.

В сказках советы королю дают крестьяне или даже нищие; часто советчиками оказываются мудрецы. А давали ли короли когда-нибудь советы мудрецам или хотя бы нищим?

Люди «высшего класса» или те, кто считает, что принадлежат к нему, сосредоточены на подражании королям и им подобным, то есть тем, кто действительно является «самым-самым».

Эта картина традиционна, да и сейчас положение дел не слишком изменилось, если вообще есть изменения. «Высший класс» по-прежнему существует во всех странах. Чем выше вы поднимаетесь, тем меньше интереса к учебе вы там встречаете, не считая, конечно, пустых разговоров.

Конечно, и в низшем классе есть множество невежд. И, полагаю, они введены в заблуждение именно многословным якобы «высшим классом» (я имею в виду литераторов, композиторов, учителей, ученых-схоластов, художников и им подобных деятелей по распространению информации), навязавшим обществу мнение, что сия разношерстная компания и есть «высший класс».

Однако не стоит беспокоиться. Вспомните высказывание: «Высший класс на земле вряд ли дотягивает до низшего класса на небесах». В конце концов, наша корреспондентка пишет, что она «религиозна», и поэтому такая цитата, скорее всего, принесет ей некоторое утешение.

ОПРАВДАНИЕ

В.: Как вы можете оправдывать влияние, оказываемое на людей против их желания? Разве можно сделать что-либо доброе путем обмана?

О.: Я ничего не знаю о влиянии, которое оказывают на людей против их желания, и вы должны быть уверены, что знаете, о чем говорите, употребляя слово «обман».

Рассмотрим сначала вторую часть вопроса: возможно, вы называете обманом, когда что-то

делают, не ставя другого человека в известность. Хорошо, а как насчет тайной благотворительности?

Как насчет помощи, которую оказывают, делая вид, что никакой помощи нет? В вашем представлении об обмане есть по меньшей мере изъян; люди используют подобные броские фразы, совершенно их не обдумывая.

Но если говорить о влиянии, оказываемом на людей против их желания, то хотелось бы рассказать такую историю.

Человек, который не хотел принимать лекарства

Однажды некий человек пришел к доктору и сказал:

«Я знаю, что лекарства не могут излечить мою болезнь, я это вывел из собственного опыта общения с докторами и из своих убеждений. Если вы так мудры, как о вас говорят, — излечите меня без лекарств, как я того хочу».

Доктор дал пациенту тросточку и сказал:

«Возьмите эту трость и ежедневно, в течение двадцати дней, совершайте с нею прогулки в три мили, а затем возвращайтесь ко мне».

Когда этот человек пришел к доктору в следующий раз, он был уже здоров. Доктор сказал:

«Вы не верили в действенность лекарств, поэтому я обработал ручку тросточки лекарственным порошком. Ваша рука потела, и порошок проникал в организм».

Возвращаясь к действию против желания, спросим, чего же на самом деле ХОТЕЛ пациент: излечиться или не применять лекарств? Я советую вам, во избежание путаницы в голове, не пользоваться идеями, встретившими поддержку, и стараться мыслить самостоятельно.

МАШИНА

Недавно я беседовал с одним выдающимся ученым* и изобретателем. Он объяснял мне, как обращаться с новой бытовой машиной.

Я сказал:

«Все прекрасно, но машина требует, чтобы за ней присматривали. Не могли бы вы настолько ее автоматизировать, чтобы домохозяйке не надо было каждый раз, после звонка, выполнять разные действия? Ведь это требует времени».

* Здесь: scientist, а не scholar, что весьма важно. — Прим. перев.

Он ответил:

«Эта машина — “гибрид” технологии и психологии. Путем тестирования мы установили, что человек охотнее купит машину, если будет думать, что без него она функционировать не сможет».

И это напуганное создание является венцом творения. Да, именно он — реальный человек двадцатого века, а не тот мифический персонаж, которым он себя считает.

ПЕРЕВОДЫ

Я слышал, как вы говорили, что прочли в переводе несколько моих книг и что перевод был нехорош.

Я слышу подобные высказывания с тех самых пор, как около тридцати лет назад была переведена моя первая книга.

В самом деле, мне об этом говорят, пишут и даже останавливают меня на улице, привлекая мое внимание к данной проблеме.

Такие люди никогда не бывают удовлетворены, и это является главной их характеристикой.

Вы спросите, откуда я это знаю и почему придерживаюсь именно такой точки зрения, а не думаю, что люди стремятся оказать помощь и действуют из лучших побуждений?

Два обстоятельства: первое — опыт, второе — проведение соответствующих экспериментов.

Опыт говорит мне, действует ли человек из лучших или из худших побуждений. Эксперимент же может дать весьма забавные результаты.

Например, когда я посылал жалобщика указать переводчику на ошибки, дело доходило чуть ли не до рукопашной. Это никогда ни к чему не приводило, и чаще всего оказывалось, что ни тот, ни другой не знают, что значит ПРАВИЛЬНЫЙ перевод. Опять-таки бывает, что критику удается убедить переводчика в том, что тот ошибся, но при этом сам он, критик, не всегда прав. Мне известны случаи, когда весьма настойчивый человек оспаривал адекватный перевод и ему удавалось убедить переводчика изменить текст; а позднее я обнаруживал, что не было иного мотива его менять, кроме того, что у критика более сильная личность и он запугал переводчика!

По этим и другим причинам я в течение многих лет избегал данной темы.

РАЗДЕЛ VI

ВОПРОСЫ

В.: Я прочитал множество ваших ответов на разные вопросы, однако вынужден сказать, что среди этих вопросов нет таких, какие задал бы я. Почему же вам не предлагают более умных вопросов?

О.: Это один из наиболее важных вопросов, которые можно задать, и я провел небольшое исследование на эту тему. Действительно, люди утверждают, пишут или говорят, что им не нравятся вопросы, задаваемые нам, и что они сами сделали бы это лучше, или, во всяком случае, вопросы у них были бы другими.

Вот что интересно — когда случается такое, я, как и сейчас, неизменно отвечаю следующее:

«Если вы хотите задать более представительные, более глубокие или более интересные вопросы, вы имеете на это полное право, и я отвечу на них».

От таких вопрошателей я вообще никогда не получал вопросов, которые бы: (а) большинство присутствующих признало более интересными или глубокими; (б) какие бы не содержались в вопросах, заданных ранее, и ответы на них, соответственно, уже были даны; (в) которые бы остались без ответа, потому что ранее появлялись в несколько иной форме.

На ваш вопрос можно дать один из двух следующих ответов.

1. Ваше представление о том, что такое умные вопросы, нельзя назвать достоверным.

2. Люди столь тщеславны, что, когда им предлагают о чем-то спросить, опасаются, что их вопросы покажутся тривиальными, и избегают ситуации, в которой могут получить такую оценку.

Итак, вы либо ошибаетесь, либо тщеславны. Если вы ошибаетесь в тех вопросах, что нам задают, нет ничего неверного, и, соответственно, ваш вопрос не нуждается в ответе. А что касается тщеславия, то я ничем не могу вам помочь. О проблеме тщеславия, стоящего на пути разумности, суфии говорят давным-давно.

Я рассмотрю вопрос любого человека, взявшего на себя ответственность задать его. Однако, если необходимый ответ уже содержится в ответах на вопросы, заданных ранее, вы, возможно, не получите ответа. Если же ваш вопрос связан с тем, что вы хотите задать умный вопрос, я, можно сказать, буду только рад.

НЕОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Говорят, один посетитель, под каким-то предлогом добился встречи с дервишем. Войдя в собрание, он спросил:

«Почему вы тратите свое время на этих недостойных людей?»

Подобные слова он произнес, поскольку пришел в раздражение от того, что ему не выказали никаких знаков почтения.

Дервиш тут же бросился к посетителю, поцеловал руку и — выгнал вон из дома.

После этого случая дервиш часто менял круг своих учеников. Когда его спросили о причинах столь странного поведения с тем заносчивым человеком, дервиш ответил:

«Я изменил свои методы, ибо его упрек был справедлив. И в знак признания сего факта поцеловал ему руку. Но, хотя критика была к месту, критикующий был не к месту — и я начал с того, что в первую очередь удалил из собрания мудрых именно его».

ЦИКЛИЧНОСТЬ

В.: Разве вашу работу не прерывают постоянно назойливые посетители, бесполезные письма, всевозможные чудачки, люди, желающие взять у вас интервью, а также те, кто просит у вас информации, которую с успехом можно получить где угодно, и тому подобное?

О.: Прерывают.

В.: И что предпринимаете по этому поводу? Ведь если игнорировать письма, люди могут рассердиться; если тратить время на посетителей, может быть прервана важная работа; если пояснить людям, что они из себя представляют, они, конечно, не примут этого, кроме разве тех, кто уже чему-то научился?

О.: Ну, признаюсь, я всегда говорю людям то, что скажу сейчас вам, — этот вид давления знаком любому, кем интересуются люди или у кого много работы.

В.: Да, но у них у всех язвы желудка, толпы секретарей и всякого рода системы отбора...

О.: Единственная, самая важная вещь заключается в том, чтобы, после того, как вы определите, что у многих других людей такая же проблема, осознать, что ей присуща определенная цикличность. Если вы получаете горы писем, принимаете толпы визитеров и стрессовые ситуации для вас не редкость, то раньше или позже вы обнаруживаете, что подобные явления подчиняются определенным циклам, и, учитывая это, с ними можно обращаться с пользой для себя. Например: возмущенные люди, кажется, имеют тенденцию появляться группами, пачками, с некоторой периодичностью. Это означает, что вы, приняв во внимание названные циклы, можете планировать свое поведение, чтобы получить наилучшие результаты. То же верно и для посетителей: бывают времена, когда вы, благодаря своему опыту, можете сказать: «Ну, сейчас повалят!», и толпы буквально осаждают вас неделю-другую. Затем напряжение спадает. То же самое характерно для энтузиазма и выступлений в вашу поддержку.

Одно из огромных преимуществ распознавания подобных циклов состоит в том, что данное умение позволяет вам избежать разного рода мыслей — будто вы на гребне волны, или в ловушке, или что-нибудь еще в том же духе. Вы просто подчиняетесь цикличности. И поскольку это не лично ваш цикл, он относится по большей части к другим людям или созданным ими ситуациям, вы не вовлекаетесь в процесс до такой степени, чтобы причинить себе вред — нажать язву или еще что-нибудь — или стать неэффективным из-за самокопания или смущения, которые связаны с проявлениями циклов.

В.: Но откуда «уверенность», что дело обстоит именно так?

О.: Надо быть отважным человеком, чтобы не воспользоваться преимуществами того, что работало в течение многих лет, постоянно давало хорошие результаты и возможность выполнять работу, и при этом не наносило никому вреда.

ПОЧЕМУ ЗАДАЮТ ВОПРОСЫ

В.: Почему люди задают вопросы?

О.: Одна из важных причин заключается в том, что люди нуждаются в опыте. Ответы — ничто. Опыт — все. Однако ответ предоставляет вам необходимые средства для приобретения опыта. Вот почему учителя настаивают на смирении. Но это должно быть конструктивное смирение, а не елейное благочестие или поза, которые являются лишь разновидностью искусственного «сокрытия» (самооправдания или рационализации).

В.: Но вы как-то говорили, что сам факт постановки определенных вопросов часто указывает на неспособность спрашивающего понять ответ.

О.: Совершенно верно. Человек может быть не способен ответить на свой вопрос внутри себя, поэтому выводит его наружу. Он также не способен понять ответ, если будет просто обдумывать слова, полученные в обмен на вопрос. Ответ необходимо использовать как отправную точку — как пищу, чтобы подпитать способность испытать или пережить ответ. Вопрос задан потому, что ответ труден. Его надо выпить. Как говорит мулла Насреддин: «Люди не спрашивают, можно ли пить воду». Дело в том, что все настолько пропитаны опытом, как пить воду, что просто пьют и не задают никаких вопросов по этому поводу.

В.: Есть ли ограничение на число вопросов, которые можно вам задать, — потому что вопросов у меня много?

О.: Думаю, что на данный момент вам достаточно ознакомиться с двумя откликами на этот вопрос.

Первое наблюдение состоит в том, что многие вопросы, которые мне задают, являются различными формами одного и того же вопроса. Некоторые люди никогда не задают больше одного вопроса, хотя для них он принимает много различных форм.

Второе наблюдение такое: задавание вопросов и выслушивание ответов подчиняется закону насыщения, как и многое другое. Если вам дать слишком много ответов, вы не сможете их усвоить. То есть не сможете работать над вопросом, сделать ответ «своей собственностью», через переживание ответа добиться постоянного увеличения познавательной способности.

Обдумывайте вопросы и ответы, потому что нет короткого пути к овладению процессом, частью которого они являются. Если вы не переварите вопрос и ответ на него, вы будете снова и снова задавать его в другой форме, и так будет продолжаться до тех пор, пока «до вас не дойдет».

Многие вопросы задаются лишь для того, чтобы захватить внимание.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ЗАДАЮТ ВОПРОСЫ

В.: Почему некоторые вопросы остаются без ответа?

О.: Дело в том, что сама по себе способность задать вопрос не означает, что человек наделен способностью понять ответ. Вопрос бывает неправильно сформулирован. Например, ребенок может спросить: «Почему сыр — это сыр?» А бывает, что вопрошающий и вовсе не в состоянии понять ответ: «Расскажите мне все о ядерной физике». Верх нелепости предполагать, что механизм, способный формулировать вопросы, одновременно способен также обеспечить пониманием как вопросов, так и ответов, и что ответ должен существовать в какой-то

определенной форме.

Если речь идет о возможности дать ответ, то здесь вопросы различаются не по важности. Они различны по тонкости, нюансам и другим оттенкам. Этот факт совершенно неприемлем для ученого-схоласта, поскольку подразумевает, что тот должен соответствующим образом подготовиться, чтобы действовать в различных измерениях, в то время как он предпочитает обеспечить сохранность собственных предположений, своего «психологического гнезда», или «крепости». Вот так, подобно эпическому злодею из Насреддиновской истории, ученый-схоласт приучает себя и окружающих мыслить грубыми предположениями, под которые пытается подогнать окружающий мир. Не удивительно, что неразрешенные вопросы снова и снова всплывают на поверхность и буквально преследуют людей, как массовые заболевания. Я называю это «массовыми заболеваниями», потому что факторы, причиняющие людям беспокойство, помечаются ярлыком «нарушение», или «искажение», и так далее. Что-то не укладывается в привлекательную для вас схему и в результате относится к категории враждебного. Отсюда и вытекает предположение, что такая-то вещь «противоречит разуму», «ненаучна» и т. п. Теологи попытались заработать себе на этом капитал — они наугад выдернули из пучка все выступавшие детали и причислили их к «тайнам». И вот уже теолог восседает на куче хлама, как на троне наивысшего превосходства.

Это напоминает ситуацию с человеком, принесшим огонь в общину первобытных людей. Он стал божеством, так как был единственным, кто мог разжигать огонь. Теолог-проповедник делает менее полезное дело: он даже не приносит огня. Обычно он дает людям успокоение вперемежку с угрозами. Он напоминает жреца, который истошно орет: «Взгляните на этот огонь! Вам не понять, что это такое. Он сожжет вас». Далее он продолжает: «Взгляните на этот огонь! Он дает тепло и готовит пищу». Огонь не имеет к нему отношения, просто так случилось, что именно там, где на птичьих правах обитает сей жрец, загорелось месторождение нефти. А если к этому добавить еще и некую быстроту его ума, то вот вы уже слышите крик: «Спешите, спешите, спешите — величайшее пламя на земле!»

Вернемся к вопросам. Люди задают вопросы об огне, основываясь: (1) на своих предположениях о нем и (2) на том, что поведал им клирик. Они чувствуют, что либо то, либо другое должно быть правильной основой для вопроса. Вот какого рода вопросы они задают: «Почему великий бог Пламени гневается на меня?» или «Когда же великое пламя пожрет всю землю?» и даже «Как служить этому пламени, ибо я понимаю, оно — божественно, и знаю, что в подобном служении заключается мое предназначение?»

Действительно ли необходим ваш вопрос? Правилен ли он? Как и почему он был сформулирован? Как долго он будет сохранять значимость для вас? Насреддина спросили: «Какой вопрос самый важный в жизни?» Он ответил: «Как мне заставить моего осла пойти завтра на базар?»

ОТВЕТ

В.: Почему суфии так редко отвечают на письма? В самом деле, я не знаю ни одного случая, когда суфий ответил бы на письмо по существу!

О.: Возможно, вы слышали высказывание Руми: «Отсутствие ответа — само по себе ответ». Со своей стороны, я не знаю случая, когда бы разумное письмо к суфию осталось без ответа. Очень интересно предположение, содержащееся в этом вопросе. Оно заключается в том, что все письма заслуживают ответа. Мой опыт говорит как раз об обратном: большинство писем, получаемых суфиями, не только не заслуживают ответа — на них вообще не следует отвечать, и подобное явленное молчание, при подходящих обстоятельствах, побудит автора пересмотреть

написанное и поможет повторить попытку. Фактически, если на письмо приходит ответ, можете быть уверены, что это произведет нежелательный эффект, поскольку необходимость пересмотра автором того, что он написал, выраженная в словах, совсем не так сильна, как молчаливое требование «пересмотрите то, что вы написали». Предположение, будто на любое письмо, адресованное суфию, можно и должно отвечать, показывает, что спрашивающий еще не понимает факта существования разных видов посланий так же, как и разных видов утверждений. Например, и «луна — желтая», и «два плюс два равно четырем» являются утверждениями, но разного типа. Они лишь кажутся однотипными потому, что являются утверждениями. Таким элементарным пониманием ваш корреспондент должен обладать еще до того, как сядет писать письмо. Конечно, учить таким вещам — не является частью работы суфия, хотя он может вас просветить, если у него будет время, но относится это не к обучению, а просто к развитию здравого смысла.

ОТСУТСТВИЕ ОТВЕТА

В.: Месяц назад я написал вам подробное письмо и вложил конверт с маркой для ответа. Но все, что я получил, — это список книг. Каков же ваш ответ на мои вопросы и просьбу встретиться с вами в ближайшее время?

О.: Не было бы никакой пользы, если бы я написал этому человеку личное письмо, что мы и можем увидеть из его собственных слов. Он хочет учиться, но не желает принять наш ответ, в котором ему предлагается всего лишь список книг. По его мнению, это недостаточно интересно, возможно, не содержит ничего ценного. Конечно, не ответив на его вопросы, несмотря на вложенную марку, мы вызвали у него раздражение, огорчили и привели в недоумение. Ну что ж, за марку он получил список книг. Когда же он спросит себя, чья оценка в данном вопросе правильна, его или наша? Что ему нужнее: список книг или письмо, содержащее ответы на его вопросы?

Но как «отсутствие ответа — само по себе ответ», так и ответ, который человек не может понять или использовать, ответом не является. Мы не отвечаем на его вопросы, потому что они показывают нам: сначала ему нужны книги.

Но если он по-прежнему не замечает, что нуждается в книгах, и, сбитый с толку или раздраженный, пишет снова, то зачем вообще посылать ему список книг или отвечать молчанием, какая ему от этого польза?

А польза в том, что всегда есть шанс, что он еще раз взглянет на свое письмо и наш список книг и осознает собственную реальную ситуацию, а также поймет, что именно мы пытаемся донести до него посредством молчания и списка книг. Если он это сделает, то выполнит свое первое правильное упражнение по самонаблюдению и будет в состоянии двигаться дальше.

ПИСЬМА И ОТВЕТЫ

В.: Я вижу у вас гору писем, которые и распечатаны-то не будут. Разве вы не отвечаете на письма?

О.: Конечно, отвечаю. Но эти письма от людей, которые пишут мне ежедневно, а иногда и по несколько раз в день. Время от времени, как и многие другие, я получаю от одного и того же человека серию писем, и некоторые из них занимают целую тетрадь. И вот вы можете себе представить, что произошло бы, если бы я стал автоматически, подобно машине, отвечать на этот поток посланий? У меня бы больше ни на что не осталось времени. Если бы я откликнулся на побуждение некоторых людей писать письма (а часто факт ответа ухудшает их болезненное

состояние, что выражается в возрастании количества писем), то, скорее всего, другие корреспонденты остались бы без ответа.

В.: Но разве письма, написанные под влиянием «побуждения», не содержат ничего ценного?

О.: Все письма содержат нечто ценное. Вопрос состоит в следующем: будет ли справедливым уделить некоторым людям больше предназначенной им доли времени и помощи?

В.: Каким же тогда критерием вы пользуетесь, имея дело с этим явлением?

О.: Таким, какой применил бы любой другой человек в сходной ситуации. Во-первых, если люди задают вопросы, на которые уже был дан ответ в опубликованных материалах, то эти люди не заслуживают ответа. Во-вторых, если они не использовали возможностей обычного школьного обучения и чтения в публичной библиотеке, чтобы научиться оформлять свои мысли, то по логике вещей им прежде всего необходимо научиться внятному, последовательному мышлению, а помощь в этом в нашу задачу не входит. В-третьих, если они недостаточно разумны, чтобы понять, что в мире есть и другие люди, которые пишут и не менее их нуждаются в ответе, то предпочтение должно быть отдано тем, кто это понимает и действует соответственно: думает перед тем, как писать, и пишет короткие письма. Вот те критерии, которые я использую.

В.: Если люди не получают от вас ответа, как они могут получить пользу от своих писем?

О.: По этому поводу могу лишь процитировать Руми: «Отсутствие ответа — само по себе ответ».

В.: Значит ли это, что те, кто не получил ответа, отвергнуты?

О.: Значит, но только для параноиков и невротиков. Если люди не пытаются оценивать свои недостатки обычными методами, — у нас нет полномочий устраивать для них психотерапевтическую клинику. Необходимо отметить, что очень большое число людей внимательно читают полученные ответы, многие тщательно составляют свои письма; очень многие пересматривают свой подход и так далее. Именно таким людям мы должны уделить внимание в первую очередь. Это вопрос приоритетов. Мы прежде всего занимаемся теми людьми, с которыми можно работать. Жертвы социальных процессов и тому подобное — первоочередные клиенты для психотерапевтических учреждений.

В.: Не могли бы вы выразить это запоминающимся афоризмом?

О.: Я сказал бы: «Не обращайтесь к нам за психотерапией — клиники не конкурируют с нами в проницательности, а мы не отбиваем у них клиентов».

РИТОРИКА

В.: Если на Востоке так много мудрости, то почему же там такой беспорядок?

Если знание, имеющееся на Востоке, так важно, то почему так трудно ему учиться?

Почему это знание не существует в ЗАПАДНОЙ форме?

О.: Во-первых, следует спросить себя, не являются ли некоторые из этих вопросов (или даже все) риторическими. Я склонен думать, что именно так и есть. Кроме того, минутное размышление любому позволит дать ответы на некоторые или на все представленные вопросы.

Я прошу об этом потому, что мы не отвечаем за терапевтическую работу с риториками. Наоборот, в интересах присутствующих настоящих учеников у нас есть нечто вроде обязанности: выявить и исключить риториков, чтобы последние как можно скорее получили свою терапию там, где это возможно.

Поэтому, прежде чем отвечать на вопросы, нам надо изучить учеников. Они, возможно, нуждаются в корректирующей подготовке или в исключении. Например, часто оказывается, что

их риторика коренится в неэффективном способе мышления. Может быть, все, что им нужно, — направить разумную часть их ума на наш предмет, хотя такое переучивание занимает некоторое время.

Чтобы приступить к этому процессу отбора, полезно проводить время с людьми, изучать их в групповой работе и оценивать их реакции на разнообразные материалы, письменные и иные, и ситуации. Также может оказаться полезным проинформировать их о правильной аналогии на физико-ментальном уровне.

Иногда в питании недостает никотиамида — витамина В, известного также, как ниацин. Его недостаток вызывает психическое состояние, при котором человек начинает подозревать всех людей в заговоре против себя. Такие люди действительно могут стать буйными, агрессивными и одержимыми. Но ирония состоит в том, что, когда вы предлагаете больному лекарство (витамины или даже только витаминизированный хлеб), он видит в этом доказательство вашего злого умысла: будто вы пытаетесь его отравить или свести с ума...

ИДЕАЛИЗМ

Идеализм никогда не должен исключать желания познать истину. Если же это происходит, то разрушается нечто гораздо более ценное, вторичным проявлением которого, собственно, и является идеализм. Идеалисты должны быть всегда готовы к поиску ответов на вопросы и никогда не воображать, что все ответы им уже известны. Так называемые идеалисты, желающие готовых ответов — а они не являются подлинными решениями вопросов, — не идеалисты, а разрушители добра. Идеалисты, которым недостает необходимой базовой информации о сфере их деятельности, крайне вредны для рода человеческого.

Приведем примеры.

Профессор Уорд Эдвардс показал, что человек стремится делать разумные умозаключения, используя всю доступную информацию. Пока все хорошо. Однако он также установил, что умозаключения, построенные на недостаточных данных, человек, вероятнее всего, будет упорно отстаивать, даже если последующие более достоверные данные их опровергают.

Это означает, что подобные люди почти наверняка окажутся неспособными изменить свой способ мышления, когда возникнет такая необходимость.

С помощью тщательно разработанных тестов профессор также обнаружил, что более трети тестируемых не в состоянии принимать правильные решения потому, что «одурманены предрассудками, пристрастиями и логической непоследовательностью».

Обычный идеалист захочет отвергнуть это свидетельство, возможно, потому, что, по данным еще более основательного теста на гуманизм, он вообще не является идеалистом. Идеалистом можно было бы назвать того, кто страстно стремится понимать и служить, в особенности — человечеству. Однако самозванный идеалист, с которым мы чаще всего сталкиваемся в жизни, оказавшись лицом к лицу с тем фактом, что кому-то бывает трудно прийти к правильному решению, скорее всего, отреагирует на эту информацию подобно любому другому, кто заранее уверен в противоположном: заявит, что человек изначально логичен, решителен и способен формировать здравые мнения, а также в состоянии наилучшим образом использовать любую предоставленную ему информацию, если она подана в разумном виде. Если такой идеалист прав, то профессор Эдвардс ошибается, и доказать это можно одним лишь способом: провести тесты, которые дадут иные результаты, чем у профессора.

Однако все идеалисты, которым я предлагал рассмотреть описанные выше факты, реагировали однозначно: они категорически отрицали их, вместо того чтобы обсуждать или ставить эксперименты. Поэтому, по моему мнению, они вовсе не идеалисты, а люди,

воображающие себя идеалистами и способные убедить в этом окружающих. Создается впечатление, что сами идеалисты попадают в описанную профессором Эдвардсом категорию людей, не способных изменить свой образ мыслей.

Трудно не поддаваться искушению отметить, что было бы просто нелогично продолжать считать, что идеалисты — это люди, считающие себя таковыми, тогда как их способности к принятию решений и изменению мнений не протестированы, и, соответственно, не выяснено — не обманываются ли они, не пытаются ли бессознательно втянуть других в то, что, возможно, окажется ложной системой взглядов.

Этот вопрос поднят не только в работах профессора Эдвардса. С тех пор как данная проблема была сформулирована, очень часто подтверждается, что убеждение, которое принято считать истинным и альтруистическим, может быть сформировано или совершенно явно воспроизведено с помощью внушения и обусловливания.

И раньше в глаза бросались тревожные факты, что люди с весьма разными, даже взаимоисключающими идеями могли считать себя гуманистами, идеалистами и быть таковыми в глазах других людей. То есть, как только принцип, что два человека могут с равной искренностью придерживаться абсолютно противоположных взглядов, был принят, возникновение необходимости проверить, каким образом формируются мнения и что стоит за «верой в добро», стало лишь вопросом времени.

Относительность «добра», то есть тот факт, что нечто является добром при одних обстоятельствах и злом — при других, можно скрыть, и он практически не будет воздействовать на мышление человека. Но это возможно только до тех пор, пока люди живут в изолированных обществах, часто соперничающих или враждебных, между которыми практически отсутствует взаимообмен.

Прежняя позиция, основанная на том, что различные сообщества должны жить обособленно, дабы чуждые влияния не «загрязняли» культуру, могла существовать только за счет принципа: «не раскачивать лодку». При современных связях эта точка зрения уже не состоятельна.

ЗАПОМИНАТЬ БЕСЕДЫ

В.: Мне трудно запомнить ваши беседы, хотя иногда, придя домой, я даже пытаюсь их записать. Почему?

О.: Не всегда необходимо запоминать беседы. Некоторые из них облекаются в форму, создающую трудности для той памяти, которой мы привыкли пользоваться. Существует, однако, другой аспект, более важный для вас и еще для нескольких человек, присутствующих здесь сегодня. У людей может сформироваться привычка приходить и слушать. Они полагают, что погружаются в «атмосферу». Это есть форма самовнушения или, возможно, лень. Они не ловят сути беседы, а просто плывут по ее течению.

СЛИШКОМ ТУМАННО

В.: У меня есть чувство, что цель — передо мной, это — вызов, и я должен ответить на него. Я чувствую, что приближаюсь к моей цели. Двадцать лет, начиная с учебы в семинарии, я изучал духовные вопросы. Затем я окунулся в занятия оккультизмом и метафизикой всех сортов. Я верю, что с помощью всех этих усилий я постепенно создаю в себе источник просветления и оно обязательно придет.

О.: Неужели? Что ж, тогда я просто продолжу. Вы пришли ко мне за подтверждением и

чтобы поделиться со мной своими чувствами, не правда ли? Если когда-либо вы ощутите: какова эта цель, где вы находитесь, как вы изменились, какова природа нового опыта, который у вас появился, — возвращайтесь ко мне, если я все еще буду здесь.

ТЮРЬМЫ МЫШЛЕНИЯ

Люди считают себя духовными, в то время как их мышление столь загрязнено субъективными психологическими мотивами, что они полностью утратили ощущение того, что такое духовное.

Существует три основные «тюрьмы» мышления, они манипулируют человеком, тогда как должны ему подчиняться. Узником человека делают следующие характеристики:

требование, чтобы все происходило в определенной последовательности. Все должно укладываться в сроки и обеспечиваться стимулами, в пределах оговоренных «узником» периодов времени;

ожидание награды и наказания в связи с представлениями о духовном, вне зависимости от того, имеет ли это и в самом деле отношение к духовному;

мышление в терминах сделки: «ты — мне, я — тебе».

Если вам удастся избавиться от первых трех проявлений, вас тут же начнет преследовать по пятам еще одно проклятие: требование либо знакомого, либо незнакомого... Люди ищут знакомое ради комфорта или подтверждения, незнакомое — ради эмоциональных стимулов или возбуждения...

ОТБИВАТЬ ОХОТУ

В.: Почему суфии постоянно отбивают у людей охоту что-либо сделать: например, я хочу написать книгу о суфиях, а мне сообщили, что в этом нет смысла. В другой раз не поддержат мою идею создать фильм о суфийских учителях. Я знаю, что один человек хотел создать суфийское общество, а суфии сказали, что на это нет указаний. Я хочу знать, когда смогу применить свои таланты, чтобы открыть людям что-нибудь из суфийского наследия и его значимости?

О.: Суфии отбивают охоту «что-либо сделать» только у тех, кто пытается бегать, не умея ходить. Создание фильмов, книг, обществ может быть полезно при условии, что человек, взявшийся за дело, достаточно хорошо осведомлен о выборе времени и методах, применяемых для этого в суфийской сфере. Здесь недостаточно иметь похожий опыт в других областях. В худшем случае люди, постоянно пытающиеся заниматься подобными делами, хотят прыгнуть выше головы; в лучшем — и это происходит чаще всего — они не постигли определенных основ, например необходимости специального выбора времени, наряду с соответствующим отбором и настройкой материалов и деятельности.

Этот вопрос побудил нас объяснить позицию суфиев. Здесь важнее всего отметить, что человек, его задавший, похоже, не имеет никакого понятия о том, что со стороны суфия поддержка и расхолаживание людей — это отклик. Если подход правильный, то откликом должна быть поддержка. Если нет, то в качестве отклика должен появиться отказ. Все это, скорее, имеет отношение к данному человеку и соответствующим обстоятельствам, чем к суфию.

ВАЖНОСТЬ НАМЕРЕНИЯ

Если сравнивать с прежними временами, то сегодня у людей появилась прекрасная возможность изучать свои действия с точки зрения намерения. Основной причиной возникновения этой тенденции стал рост осведомленности о человеке: о том, что он может совершать те или иные поступки под влиянием неосознанных мотивов, находясь в неведении относительно истинных причин своих действий.

Конечно, во многих культурах традиционно существовало понимание таких ситуаций: «начальник ударил человека, а тот пнул своего осла». У человека не было намерения причинить ослу боль или заставить его сдвинуться с места. Мотивация в данном случае подменяет намерение, и это можно назвать «ложным намерением». Сторонний наблюдатель, желая найти объяснение увиденному, разумеется, скорее всего, припишет индивиду следующее намерение: «Он ударил осла, следовательно, осел что-то сделал неправильно» или «Очевидно, его намерение заставить осла идти».

Однако для больших групп людей мысли, слова и действия являются продуктом загнанной вовнутрь идеологии, то есть застывшего намерения, принадлежащего не отдельному человеку или группе, а вдохновителю, наставнику или воспитателю (возможно, воспитательной системе или организации) этой группы.

Вообще, в области религии существует лишь тень понимания роли «кристаллизованного намерения» в действиях верующих. Люди, возможно, на словах и отдают должное необходимости иметь правильное намерение и избегать получения личной выгоды из мысли или действия, однако, можно довольно легко продемонстрировать, что человек во многих случаях, например, занимается миссионерством из-за получаемого эмоционального удовлетворения. Таким образом, намерение, предъявленное публике и расцениваемое самим индивидом как служение обществу и помощь обращаемому, оказывается для самого миссионера не чем иным, как стяжанием эмоционального удовлетворения.

Люди, противостоящие этой точке зрения, часто при ближайшем рассмотрении оказываются именно теми, кто на самом деле и получает подобное «компенсационное удовлетворение».

Однако для человека жизненно необходимо знать истинное намерение, стоящее за действием. Если цель — получение эмоционального удовлетворения, то в этом нет вреда, при условии, что в действии есть нужда и его не принимают за нечто другое — например за благочестие. Дело в том, что в человеке есть такая область, лежащая вне пределов личного удовлетворения, где пребывает истинное намерение. Если не развито различие истинного намерения, человек, каким бы благочестивым он ни был, живет иллюзией.

ПРИРОДА

Скорпион суетливо сновал по берегу реки, выискивая, на чем бы ему перебраться на другую сторону. Увидев это, черепаха предложила перевезти его.

Скорпион поблагодарил черепаху и взобрался к ней на спину. Как только путешественники добрались до другого берега и скорпион оказался на суше, он сильно ужалил черепаху.

«Как ты мог так поступить со мной? — воскликнуло животное. — Моя природа — помогать другим, и я помогла тебе, а ты меня ужалил!»

«Друг мой! — сказал скорпион. — Твоя природа — помогать, и ты помогла. Моя природа — жалить, и я ужалил. Так почему же ты превращаешь свою природу в добродетель, а мою — в злодейство?»

ЛОДКА

В.: Читая суфийские материалы, трудно понять, что лучше, проявлять терпение или концентрироваться на работе. Мне кажется, то же относится ко всем системам знания и духовности. Иногда они говорят о служении и деятельности, иногда о спокойствии и терпении. Как же выбрать что-то одно?

О.: Суфийская деятельность, как и все духовные пути, — это подготовка. Важно не только то, что вы делаете, но и то, как это делается и почему.

Вот поэтому и существуют суфийские наставники, которые контролируют продвижение.

И деятельность, и терпение могут быть как хороши, так и бесполезны, все зависит от их эффективности в достижении цели. Есть пословица: «И быстрый, и медленный встречаются у лодки перевозчика».

Знают ли они, куда направляются? Есть ли у них запас провизии и деньги на проезд? Или вместо этого они беспокоятся, быстро или медленно они добираются до лодки?

ПОВЕРХНОСТНОЕ ЧТЕНИЕ

Люди читают книги, которые воздействуют на них разными способами. Большинство согласится с тем, что читатель не может извлечь пользы из книги, если он слишком юн, не знает терминов или не понимает, о чем говорит автор. Но стоит человеку повзрослеть и приучиться к чтению книг, как тут же он предполагает, что способен извлечь пользу из текста именно тем способом, который подразумевает автор. Этот вывод не подтвержден опытом и не обоснован никаким иным образом, так как базируется на недоказуемой предпосылке.

Способ изложения материала в определенных книгах и цель, для которой они написаны, понятны большинству людей только частично. Например, в современной культуре мало известна идея, что иные книги предназначены для чтения лишь в соответствующих обстоятельствах или на определенных стадиях развития. Если книга кажется понятной, то читатель сделает вывод, что она означает именно то, что она означает по его мнению. Это, конечно, неправильное предположение. Книгу, обладающую реальной развивающей ценностью, можно читать только на ее собственных условиях. Учитель объясняет, как следует читать данную книгу, а также иные моменты, соответствующие тому, что необходимо в нынешней ситуации учащегося. Люди часто рекомендуют друг другу литературу, не зная внутреннего содержания этой конкретной книги или того, что она, возможно, является сложным техническим инструментом и только выглядит как обычная книга. Какая-нибудь трудная для понимания философская книга, каких много на Востоке, может скрывать указания для выполнения различных важных упражнений, неизмеримо более ценных, чем ее интеллектуальное содержание. К тому же люди, которым книги были рекомендованы, нередко приходят в сильное эмоциональное возбуждение от прочтения.

Эксперимент сразу же покажет, что религиозная книга, предложенная человеку, который не знает, как ее нужно читать, чтобы получить содержащиеся в ней специфические указания, просто вызовет в нем эмоциональное возбуждение — либо потому, что ее слова и фразы уже сами по себе эмоционально заряжены, либо как результат влияния того человека, кто дал или порекомендовал эту книгу. Подобные реакции являются поверхностными, хотя они, возможно, покажутся глубокими невозрожденному читателю.

Проблема эта существует со времен Средневековья, когда начала распространяться ситуация «книги минус знание, как их использовать», а сегодня она становится все более и более острой. Забавно то, что в современном мире существуют миллионы книг, и в некоторых из них таится знание, настоящее знание, о котором академические ученые и не подозревают.

Происходящее подобно тому, как если бы у нас была рифмованная телефонная книга и мы думали, что главное в ней рифмы, не зная, что в определенное время и в определенном месте она обладает иным неоченимым практическим значением.

ПИСЬМЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В.: Я припоминаю, что Фироз Шамшири, великий суфий из Ташкента, обычно не отлучался из города, редко встречался со своими учениками и всегда общался с ними посредством письменных посланий. Почему он так делал?

О.: Если у вас есть опыт пребывания в духовных группах, вы должны знать, что слишком многие их участники сосредотачивают внимание не на учении, а на учителе. Это заблуждение и в самом деле так распространено, что некоторые люди полностью фиксируются на учителе, истинном или ложном.

Даже на Востоке такой перегиб принимают за святость или религиозный опыт.

Зная это, многие суфии вообще не учат напрямую — здесь немало зависит от состояния их последователей.

Поэтому учителя нередко пишут или диктуют свои наставления, ученики затем читают их самостоятельно, или послания наставника зачитываются вслух.

Однако встречи могут проводиться, если отдельные ученики или группы в целом способны концентрироваться на сути занятий, а не на внешних проявлениях или непосредственном присутствии учителя.

Только недавно западные психологи-практики обнаружили, что личное присутствие человека, считающегося учителем, порождает у учеников чувство благоговения, значимости или религиозной преданности, а это не то же самое, что воспринимать реальное содержание учения.

ТЕНЬ БЕЗ ДЕРЕВА

Существует учение, которого не найти в книгах. Есть опыт, который нельзя описать словами. Есть прямое восприятие Реальности, для которого, как я верю, предназначено человечество: это и есть то, что я ищу...

Эти исполненные страстного желания, но по сути — самоуверенные утверждения вновь и вновь повторяются в получаемых мной письмах и словах проходящих ко мне людей.

Вот уже двадцать лет я отвечаю на подобные утверждения вопросами, составленными так, чтобы выявить, какая же концепция Реальности в действительности стоит за этими словами.

Эти вопросы я обычно формулирую в соответствии с классической суфийской моделью. Они звучат следующим образом:

«Знаете ли вы, как распознать эти невербальные аспекты учебы?»

«Знаете ли вы сейчас, что “обучение без посредничества книг” может быть выявлено при помощи книг, используемых как инструмент, что и делает книги необходимыми?» «Не приходило ли вам в голову, что, когда ваши восприятия разовьются, у вас появятся средства для понимания некоторых книг, и тогда вы поймете, что они были исключительно важны для структурирования вашего мышления?» «Думали ли вы, слышали или хотя бы подозревали когда-нибудь о функциональной роли книг и слов, которая лежи1 за их интеллектуальным, фактографическим и эмоционально стимулирующим фасадом?»

В обществе, ориентированном на книги, ничто не сообщает нам столь много о потенциальном и реальном прогрессе того или иного человека, как его отношение к литературе.

Фактически, едва ли один человек из пятидесяти имеет хоть какое-то представление о

«реальном использовании» слова. Джалаледдин Руми говорил об «одном из тысячи» для мусульманского общества его времени, из чего следует, что современная картина, возможно, является более обнадеживающей. Но грубый подход к слову, являющийся результатом поверхностных идей современного общества о том, что такое слово, несомненно, в будущем будет выглядеть до смешного варварским.

Вспомните, что практически все великие классические суфии работали со словами. Спросите себя, почему?

Возможно, вы ищете тень и не любите солнце, которое создает эту тень. Прекрасно. Но, чтобы получить тень, вам потребуется солнце, а также дерево.

ДЕРВИШЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В.: Не могли бы вы сказать что-нибудь о дервишеской литературе, доступной на английском языке? Какие книги надо читать?

О.: Переведено много книг. Но, для того чтобы получить от них пользу, даже от перевода, вы должны знать о них кое-что, о чем редко говорится, а кроме того, вы должны находиться в правильном состоянии. Вам следует знать, что часто подобные произведения вообще не являются литературой в том смысле, в каком это понимают в других областях. Они созданы так, чтобы достичь многих целей. Академические ученые обращаются с ними как с литературой, источником фактов или изложением доктрин. По-настоящему работать с книгами могут только те люди, которые знают, что и когда из них извлекать. Что же касается выбора времени — когда их следует изучать — полученное питание зависит от ситуации, в которой находится учащийся.

Единственный способ понять эту литературу и получить от нее пользу — изучать ее так, как ее изучение было задумано, — она является частью всестороннего плана, включающего способы, время и условия, подходящие для того, чтобы ее изучать. Иначе это будет похоже на просмотр цветной телепередачи на черно-белом экране. Вы получите некоторое, отчасти полезное, впечатление, которое, однако, будет пропорционально способности монохромного экрана воспроизвести то, что изначально предполагалось передавать на хорошем цветном мониторе. Некоторые люди с головой погрузились в подобную литературу. Польза, которую они получают, может быть большей или меньшей, но всегда помните, что результат зависит от качества приложенного усилия. Вы даже можете навредить себе такими занятиями.

ЗНАЧЕНИЕ БИОГРАФИЙ

В.: Меня очень интересуют жизнеописания учителей и духовных руководителей. Какие книги из тех, что представлены в магазинах, полезно читать? Мне кажется, что люди, создающие эти произведения, обычно находятся на гораздо более низком уровне, чем учителя, о которых они пишут. Каждый автор убежден, что тот, о ком он создал книгу, реален, важен и т. д. Но, по-видимому, загвоздка в том, что сами биографы являются всего лишь благочестивыми наблюдателями некоего явления, в котором сами настоящего участия не принимают.

О.: Биография учителя или описание его слов и деяний, созданные человеком, не имеющим объективного (реального, полного или, как мы это называем, значимого) восприятия миссии данного учителя, вообще говоря, не могут быть полезны ни для чего, кроме сохранения ауры «тайны» и «чуда», если это вообще полезно. Подобная книга служит лишь рекламным продуктом, способным притянуть грубое, недифференцированное внимание к тому, что сказано или сделано учителем, а не к реальному содержанию его учения. Я сказал «вообще говоря», поскольку существует литература, которая выглядит нарочно бесхитростной или притворяется

такой и специально предназначена либо для подготовки соответствующий атмосферы в уме читателя, либо обеспечивает информацией тех, кто пока не способен к пониманию полного смысла работы учителя. Ценность подобных книг становится очевидной не сразу, однако они полезны во многих отношениях: они сортируют людей, иными словами, выявляют тех, для кого книга или описываемый в ней персонаж стали «идолами». Такие люди сами нажали на кнопку «стоп» в своем развитии, удовлетворив, вероятно, личные потребности, но, с другой стороны, возможно, не достигнув своих потенциальных возможностей. Те, кто готов увидеть «волну как проявление моря», смогут усвоить, что подобная книга или часть ее содержания является мостиком для перехода к чему-то еще.

В ситуации, когда функция учителя реальна, существует возможность, что даже бесполезный биограф окажется способным передать, зачастую почти бессознательно, нечто полезное. Этот принцип можно выразить такими словами: «Сам канал не пьет, но приносит воду жаждущей земле». Некоторые книги предназначены для особых сообществ или для ограниченного периода времени.

Могу также добавить, что та книга, о которой вы думали по дороге сюда, относится к роду поверхностной литературы, апеллирующей к грубым, неразборчивым эмоциям. Большинство людей не отличает подобные чувства от переживания «глубочайшего». Данный ответ предназначен именно вам, он отвечает на невысказанный вопрос, скрывающийся в озвученном вопросе. Я же воспользовался возможностью дать общую картину. Приходило ли вам в голову, что авторы, сами будучи сбиты с толку, часто искажают то, что пытаются описать? Это и произошло в случае интересующей вас книги.

В.: Что вы можете сказать о различных уровнях понимания широко известных учений великих мастеров?

О.: Общедоступные материалы, посвященные учениям таких мастеров, не являются адекватным источником для постижения их учений на различных уровнях. Причина тому следующая: подобные материалы передают слова, дела и учения без учета времени, места, потребности в особых формулировках, в них не уделено должного внимания различию между аллегорией и фактом и даже тому, для каких именно уровней понимания все эти учения предназначались первоначально.

В большинстве случаев были собраны и отредактированы материалы, представленные на различных уровнях и для разных целей. Разные уровни может распознать только человек, имеющий к ним доступ, но в таком случае в подобной литературе нет особой нужды, разве что этому человеку необходимо создать проекцию своего учения, то есть учения, соответствующего культурному контексту тех людей, к которым он обращается и собирается воздействовать и устаревшие предания. Если читатель — всего лишь ученик, то непосредственно учиться на подобном материале ему будет не по зубам, потому что у него нет реального доступа к различным уровням. Следовательно, для большинства людей материал такого рода бесполезен. Для некоторых он искажен, и заново проецировать его в истинной форме является неблагодарной работой. Стало быть, для того чтобы переформулировать устаревшие источники, необходимы и способность, и потребность. Два последних замечания показывают, что в действительности данный вопрос не имеет смысла. Конечно, схоласты и другие, относительно поверхностные деятели, как и человек, задавший этот вопрос, вынуждены верить, что в подобном материале есть полезное содержание, что оно доступно и может быть раскрыто академическими или логическими методами. Но схоласт ошибается, он лишь заявляет свои права на использование материалов (как и гончар — на использование глины), поскольку в своей области он не может действовать, не используя их своим собственным (привычным ему) методом.

РАЗДЕЛ VII

РЕЛИГИОЗНАЯ ИЛИ СУФИЙСКАЯ ПОДАЧА МАТЕРИАЛА

В.: В чем различие между страстной речью проповедника или религиозного энтузиаста и лекцией или зажигательным выступлением суфия? Мне кажется, что разницы нет. Разве и суфий, и проповедник не доводят эмоции своей аудитории до предельного накала?

О.: Разница вот в чем: фанатик усиливает возбуждение, напряжение и озабоченность, суфий стремится увеличить человеческий потенциал и способность учиться. Первое представляет собой внушение, направленное на то, чтобы вызвать в человеке чувство раскаяния, желание деятельности, приверженность. Второе преследует иную цель — создать атмосферу, в которой возможны сначала учение, а затем понимание. Первый настаивает на том, что вы не можете понимать и должны лишь верить. Второй — на том, что вам необходимо учиться, чтобы прийти к пониманию, и тогда вы узнаете, что такое вера. Религиозный человек убежден, что верование — величайшее из всего, что существует. Суфий утверждает, что вера — это подмена знания: «Если вы знаете, то нет нужды верить. Факты не нуждаются в механизме обращения в веру». Поэтому внушающему нужны люди, которыми он мог бы манипулировать; суфию же необходимы те, кто способен предоставить минимальное количество внимания: лишь такое, какое требуется для учебы, а не для того, чтобы перенять чьи-то верования.

«Невоспетый герой» — это человек, который делает то, что делает, поскольку знает, что это должно быть сделано, он трудится не ради известности. Провозглашенный герой совершает нечто в силу глубоко внушенного верования. Интересно, что внушающий человек сам на веру не полагается: ему приходится ее насаждать. Он не может допустить, что люди способны кем-то быть или что-то делать в силу собственного знания: по его мнению, их надо заставлять что-то делать или кем-то быть. И механизмом такого воздействия является атака на умы людей.

ЧТО ЕСТЬ ЧТО?

Сказано, что суфизм является формой религии, а также, что «религия — форма суфизма».

Хотя первое высказывание кажется более похожим на правду, понять, что такое суфизм, согласно суфиям, можно только рассмотрев оба эти утверждения.

Суфизм, в некоторых его аспектах, несомненно, помогает нам увидеть, что на самом деле представляют собой многие формы религии.

Например, суфии, подобно современным социологам, на протяжении многих столетий точно описывали определенные формы религии вовсе не как духовные, а как социальные и родовые явления, приводимые в действие эмоциональными и интеллектуальными пружинами.

Они не обязательно осуждают такую деятельность, однако часто настаивают на том, что надо ясно видеть, чем она является в действительности.

Такая позиция связана с тем, что суфии — выдающиеся психоаналитики и специалисты, описывающие человеческое поведение. Как и любая система, нацеленная на отражение явлений, суфийский метод указывает не только на ограничения, но и на возможности.

Люди, которым не удастся этого заметить (а таких много), всегда будут воображать, что суфии пытаются принизить ценность тех или иных вещей. Тем не менее и суфии, и представители других подобных систем, без сомнения, возразят, ведь описание не то же самое, что критика. Если же дискуссия вызывает у оппонентов приступы сверхчувствительности или параноидальные реакции, то вопрос переходит в медико-психологическую сферу. В этом случае

вопрос как таковой выходит за пределы компетенции суфиев, и они имеют право немедленно завершить дискуссию.

Именно неспособность увидеть, что ситуация в этот момент меняется, и проводит границу между суфием и имитатором, поверхностным мыслителем или суфийским самозванцем.

Если у вас есть кусок ржавого металла, то его восстановление может потребовать двух стадий: очистки от ржавчины и затем полировки. Наконец, возможно, потребуется защита от коррозии. Люди, не знакомые или малознакомые с данным процессом, в глазах специалистов будут выглядеть нелепо. А вот для посторонних людей то, что знающие настаивают на очищении, или на устранении ржавчины до начала полировки, всегда будет казаться необязательным, непонятным и даже неприемлемым.

Суфийская работа, по сути, конструктивна. Тем не менее, если вы вскапываете почву, подготавливая ее для посева, обязательно найдется человек, который станет утверждать, что своими действиями вы что-то нарушаете.

Все это, конечно, означает, что необходима не только очистка от ржавчины или вспахивание перед посевом, но и передача и понимание теоретической основы такой деятельности.

Путаница может возникнуть лишь потому, что теоретическая основа не была передана.

Но надо хорошо понять, что передача теоретической основы не зависит от присутствия того, кому есть что передать, или его деятельности. Если люди на самом деле не желают никакой передачи, то, фактически, сделать ничего нельзя.

Наиболее общая проблема передачи состоит в том, что люди, попросив о передаче, оказываются, не пытаются даже услышать, а что же им, собственно, передается.

Ныне, теперь обеспечив людей достаточным количеством литературы, формирующей основу и контекст передачи, относительно легко добиться «слушанья» в указанном смысле.

В этом отношении чрезвычайно интересно отметить, что люди, не интересующиеся на самом деле передачей, предпочитают защититься от нее такой отговоркой: «Я не хочу читать книги...»

НЕПОБЕДИМОЕ НЕВЕЖЕСТВО

В ситуации спроса и предложения, когда люди желают, чтобы их учитель исполнял определенную роль, и при наличии некоего учителя, который только рад сыграть отведенную ему роль, вы наверняка можете получить образование. Но оглядевшись вокруг, нетрудно заметить, что в этой ситуации люди значительно чаще получают не более чем появление нового клана или коммерческого предприятия, занимающегося обменом одного на другое.

У подобного коммерческого подхода есть определенное применение. Там, где, например, человек получает удовольствие, отдавая распоряжения, а другие люди находят дозволенное удовольствие в подчинении этим распоряжениям, возможно, имеются все необходимые задатки конструктивного или деструктивного предприятия. В эту схему укладывается большая часть человеческой деятельности. Данный процесс, однако, имеет свои ограничения, и уже одно это означает, что предлагать можно только те вещи, которые в соответствующий момент времени обещают какому-то определенному кругу людей приемлемые стимулы.

Предположим, что некоторому сообществу необходимо, какое-то лекарство, или определенная информация, или знание о некоем ремесле. Прежде чем можно будет эффективно ввести и поддерживать что-то из названного, необходимо, чтобы оно — фактор, объект, учение и т. п. — было приемлемым образом представлено достаточно уважаемым и вызывающим симпатию человеком, и представлено так, чтобы обеспечить соответствующую аудиторию,

читателей, общество и т. д. ожидаемым видом стимулов.

Люди то и дело обсуждают закрытые общества, ограничивающие свободу граждан, но одна деталь заслуживает здесь отдельного рассмотрения. Все общества ограничивают свободы граждан уже самым предположением, что кто-то (или что-то) может быть приемлем в той мере, в какой может угодить данному обществу или отдельным его членам. И эта ситуация сохраняется до тех пор, пока не возникнет формация, которая осознает настоящее положение.

Сегодня мне принесли запрос от одного издателя: он предлагает написать введение к одной из моих книг. Эта книга представляет собой собрание рассказов. Их предназначение заключается в определенном воздействии на читателя, — здесь необходимо, чтобы читающий не имел никаких заранее составленных мнений относительно того, как эти рассказы могут на него повлиять. Но издатель просит меня написать введение, информирующее читателей о том воздействии, которое задумал автор рассказов!

Совсем недавно я беседовал с другим издателем. Он сказал: «Я понимаю, вы говорите, что ваши материалы должны быть представлены именно так, как вы их представляете, но я и не предлагаю вам написать общую теорию этого собрания, я только хотел, чтобы вы подготовили для меня книгу, содержащую, скажем...»

Он сделал паузу, не зная, как закончить фразу. Я подсказал: «Общую теорию?»

«Совершенно верно», — ответил он.

Издатели приведены в качестве примеров, поскольку они стремятся выразить то, чего хотят, но не могут ясно сформулировать их читатели. Для этого даже есть специальная фраза — «творческая сторона издательского дела». Данный подход грешит только одним неверным условием: он означает, что издатель примет лишь такой материал, который соответствует его представлениям о том, что нужно ему и его читателям.

На одной радиопередаче, куда я был приглашен, чтобы обсудить какую-то из моих книг, ведущий, весьма известный обозреватель, сделал одно замечание: обсуждаемая книга содержала суфийские истории, и ему показалось несколько странным, что во всех рассказах суфии всегда оказываются на высоте положения. Его замечание поразило меня, и я понял, что этот разумный и знающий человек не обратил внимания на то, что перед ним — книга примеров. Стал бы он критиковать справочник по математике по такому поводу: «Почему все приведенные в книге уравнения имеют решения?»

Даже приняв во внимание, что этот недуг отнюдь не всеобщий, данная проблема — пример почти непобедимого невежества — не становится понятней. Мы можем с известной долей уверенности утверждать, что все культуры, о которых сохранилось какое-то знание, были обременены подобной слепотой. Но все же нередко встречаются люди, умеющие правильно подойти к решению проблем, включая и изучение суфийских материалов и практикующие это без всяких признаков упомянутой глупости. Поэтому едва ли возможно сказать, что человек — это существо, сузившее свою способность видеть до такой степени, что вообще не может ею воспользоваться; или назвать его культуру настолько ограниченной, что он становится слепым, когда дело доходит до альтернативных способов видения.

И в то же время совершенно очевидно, что мир, в котором мы живем, таков, какой он есть, именно потому, что людям гораздо проще думать в узких категориях коммерческого подхода.

А опыт учит, что освобождение от этих пут состоит в отказе от выхолащивания, воздержании от популяризации, нежелании довольствоваться компромиссом при работе с материалами. Ведь если их не усвоить единственным способом, дающим результат, они становятся просто игрушкой.

Однажды в Соединенных Штатах я читал лекцию, в присутствии нескольких сот человек. Довольно долго я говорил о выхолащенности ритуалов и бессмысленности «метафизических

упражнений», поскольку они сохранились как останки некогда точно рассчитанных инструментальных процедур, предназначенных для совершенно определенного действия.

По окончании лекции мне с превеликим трудом удалось сойти с кафедры. Она была плотно окружена людьми, умолявшими меня дать им ритуалы и метафизические упражнения...

Если уж механичность пустила, так сказать, корни в уме человека, то, будьте уверены, вывести ум из этого состояния не так-то легко.

Однажды я познакомил одного очень известного человека — а у него, в некоторых кругах, была прекрасная репутация духовного учителя — со сборником очень важных, чрезвычайно подробных материалов.

Он глянул на меня. «Да, все это прекрасно, — сказал он, — но (здесь тон его стал доверительным и почти заговорщицким, и при этом он толкнул меня в бок) мы хотим чего-то из неопубликованного».

Очевидно, чувство чего-то тайного, неопубликованного, предназначенного для узкого круга, было куда важнее, чем представление действительно, по-настоящему полезного материала.

Столь явна эта жажда к чужеземному, полезному или нет, что люди на Западе, прежде чем приступить к обучению своих братьев, принимают восточные имена, заявляют, что посетили удаленные горные обитатели, где мистические восточные мудрецы поручили им нести послание, ссылаются на имена и писания людей, относительно которых мало что понимают, принимают чужеземные обычаи, кухню, одежду и упражнения. Когда в одном интервью я упомянул, что некоторые восточные гуру рады подобному ходу событий и просто снабжают западную публику тем, чего она просит, поднялся такой вой протестующих восточных имитаторов и их последователей, что он до сих пор звучит в моих ушах.

«Всю землю от края до края обошли мы, — как сказал один из моих предков, — но не нашли никого, кому могли бы вверить наше знание». Однако я уверен, он нашел множество людей, кто взял бы это знание, будь оно достаточно бредовым.

СУФИИ И ПОКЛОННИКИ КУЛЬТОВ

Намеренно таинственное и временами вызывающее поведение авантюристов, хлынувших на Запад из Азии, часто парализует критические способности их учеников. У них даже здравый смысл искажается или временами исчезает, и, соответственно, возрастает доверчивость, питаемая воображением.

Чтобы проиллюстрировать указанное состояние, суфии иногда применяют обучение действием как практически единственное средство от этого состояния.

В одном документально подтвержденном примере такого рода фигурировал индийский мистик, живший в Англии. Там, в течение десятилетий, он был окружен группой беззаветно преданных учеников, которые, не задавая вопросов, принимали все его пустые разглагольствования на веру

Один суфий, желая выставить этого мистика таким образом, чтобы у его жертв появилась возможность увидеть, как низко они пали, спланировал в качестве иллюстрации следующий инцидент.

Суфия на носилках внесли в собрание, возглавляемое этим гуру, и он лежал в течение всей церемонии.

Когда лекция и коленопреклонения верующих подошли к концу, он встал и направился к выходу.

Это «чудо» не осталось незамеченным.

Как и ожидал суфий, один из последователей гуру остановил его и спросил: «Разве вы не

подтвердите, что были чудесным образом излечены нашим мастером?» Конечно, их сразу же окружили возбужденные ученики.

Суфий ответил: «Если вы хотите, чтобы все узнали об этом, то я вам скажу: я не был болен, а всего лишь хотел послушать лекцию с комфортом, ведь ваш гуру заставляет свою паству сидеть в страшной тесноте!»

ОБУСЛОВЛИВАНИЕ

Системы, культы, метафизические группы и почти все человеческие организации практикуют обусловливание. То есть они исподволь внушают людям ограниченный диапазон верований и требуют от них исполнения определенных автоматических процедур. Люди, вовлеченные в этот процесс (в их число могут входить и «внушатели»), неосознанно становятся «слугами» системы.

Некоторые системы можно назвать «невсеобъемлющими». Это такие системы, которые не нуждаются в своем особом представлении о мире, они достаточно эффективно функционируют в пределах согласованных и всем понятных идей. Группу людей, объединившихся для игры, занятий бизнесом или для достижения какой-то конкретной цели, мы назовем «невсеобъемлющей».

«Всеобъемлющими» можно назвать системы, придерживающиеся некоего универсального взгляда на мир или такого представления о нем, которое побуждает их приверженцев действовать, как если бы их картина мира была всеобъемлющей. Подобные системы намеренно или фактически обязывают своих последователей вести себя в соответствии с всесторонним сводом верований, охватывающих все или почти все случаи жизни.

Следует отметить, что к системам «всеобъемлющего» типа принадлежат, по-видимому, практически все основные религии.

Однако нельзя сказать, что в своей исходной форме или в раннем периоде существования системы подобного рода претендовали на всеохватность в том смысле, чтобы представлять из себя незыблемые конструкции. Может быть, определенные принципы и считались неизменными, но другие, среди которых, как можно заметить, есть и фундаментальные, с течением времени превратились в своего рода смирительную рубашку для мышления. Таков общий знаменатель религиозных систем. Понимание было подменено догмой. Начало возникновения этой догмы и стадия, на которой она выкристаллизовалась, были преданы забвению.

Крайне важно понять это явление — догматизацию всего гибкого. Многие убеждения и практики бездоказательно принимаются в качестве центральных или существенных для всего вероучения в целом, и из-за этого люди (в любой культуре) имеют тенденцию думать об очень многих вещах в терминах, сковывающих их мысль подобно «смирительной рубашке». Поэтому-то человеку кажется трудным или невозможным усвоить новое — или незнакомое — знание.

Дело осложняется еще и тем, что почти все существующие общественные системы ныне проецируются людьми, которые не в состоянии провести различие между духовными и социально-психологическими чувствами или между эмоциональностью и духовностью.

Вплоть до сравнительно недавнего времени это ни для кого не являлось проблемой. Люди, в основном, жили в изолированных сообществах, так сказать, эксклюзивных в социальном смысле. Социология и психология либо присутствовали в зачаточном состоянии, либо были запрещены, а у мультикультурных сообществ почти не было доступа к монокультурным, которые впоследствии стали доминировать в мире.

Однако в связи с открытием и широким освещением явлений обусловливания и внушения

возникла новая ситуация, беспрецедентная по своему распространению и настоятельности. Столкнувшись с этим знанием, немногие из существующих сегодня культур могут объяснить, почему обусловливание необходимо или почему столь многие укоренившиеся религии неотличимы от систем «зомбирования».

Рассматривая историю и развитие религиозных верований, нетрудно увидеть, что в подобных системах всегда вырождаются гибкость и способность к пониманию. Как следствие в них со временем усиливаются склонность к свехупрощению и опоре на авторитет. Можно сказать, что ни одна из религий не обладает эффективной защитой против обусловливания. Как показывают распространявшиеся в течение столетий письменные источники, суфии боролись против механизмов обусловливания, но, вплоть до нынешнего времени, не возникало благоприятных условий для того, чтобы этот фактор был принят во внимание.

Суфии утверждают, что традиционно существовал понятный метод, широко, почти что универсально, применяемый «теми, кто знает». Он включал: (1) идеологическую обработку людей (или некоторых из них), с тем, чтобы избавить их от устаревших, требующих замены идей, (2) устранение идеологической обработки для восстановления гибкости мировоззрения и подготовки к последующему просветлению, и затем (3) применение стимулов, способствующих тому, чтобы достигнутое просветление эффективно действовало в обычном мире.

Аналогичные стадии есть и в обычном образовательном процессе. Например, если бы каждый человек глубоко верил в алхимию, очистить от нее научную химию было бы трудно. Прежде чем некоторые люди могли бы получить пользу от химии, надо было бы ослабить их приверженность алхимическим целям.

Такое понимание обусловленности и гибкости можно использовать для проверки фактически любой системы мысли или действия в духовной сфере. Действительно, до тех пор, пока человек не сможет пользоваться этим знанием, с ним невозможно будет вести осмысленное обсуждение.

В настоящее время немногие люди оспаривают важность знания об обусловленности в вопросах исследования религиозных систем. Почему же со столь многими людьми трудно разговаривать на эту тему? Ответ очень прост. Мы сегодня пришли к новому пониманию человеческого поведения: оно аналогично тем выводам, которые сделали когда-то научные просветители прошлого, — они пытались говорить о химии с теми, кто питал надежду достичь несметного богатства (или, иногда, — духовного просветления) посредством алхимии. Подобно алхимику или тем, кто желает легкого богатства, люди хотят чего-нибудь драматического (эмоциональных стимулов, возбуждения, заверений, авторитетных фигур и т. п.), а не знания.

Лишь когда желание знания и понимания становится столь же действенным, как жажда эмоциональных стимулов, человек открывается для изменений, знаний, большего понимания.

Поэтому учению должно предшествовать появление способности учиться. ЭТА СПОСОБНОСТЬ, в свою очередь, появляется, по крайней мере частично, при правильном отношении.

ПРАВИЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ, в свою очередь, возникает там, где потенциальному ученику приходится прикладывать усилие.

ОБМАН

Один ученый спросил суфия:

«Готовы ли вы признать, что суфии занимаются обманом?»

«Признаю, — ответил суфий, — более того, я объясню вам, почему мы должны это делать.

Каждый ищет свою выгоду, и каждый хочет получить ее без усилий и непропорционально

вкладу.

Никто не желает того, что не несет в себе обещаний.

Людей привлекает академическая деятельность — ваша профессия — потому что ученость создает людям лестную репутацию. Много ли найдется ученых, которые не гордятся своей ученостью?

Новичку кажется, что слова и дела суфиев тоже многое обещают: силу, тайны, спасение, безопасность и приобретение значительно большего, чем где бы то ни было еще. И так, присоединиться к суфиям человека побуждают те же мотивы, что влекут будущего ученого к науке.

В чем же различие?

Различие состоит в том, что, если члены других объединений лишь увеличивают обман, основанный на самолюбии и взаимной лести и непомерных притязаниях, то суфии с самого начала стремятся разуверить любого начинающего, что он может без труда что-то получить. И они не лелеют Ложную Личность...»

БОГИ И ДЕМОНЫ

В.: Может ли кто-то поверить суфиям, когда те говорят, что находятся в контакте с неизвестным, видят внутреннюю линию жизни, которой не замечают другие, и в состоянии привнести это знание в сферу образования?

О.: Прежде чем ответить, я должен спросить вас, верите ли вы в богов и демонов, в действительность жертвы, фимиама, священных одеяний и реликвий вашей религии?

В.: Да, я в это верю.

О.: Очень хорошо. Позвольте рассказать вам одну историю. Жил когда-то человек, у которого был могущественный противник, угрожавший его жизни. Однажды этот человек, проходя под деревом, стукнулся головой о толстый сук и упал без чувств. Так случилось, что его враг, проходивший в это время мимо, остановился посмотреть, чем все закончится. Гонимый человек, придя в себя, сообразил, как можно использовать возникшую ситуацию. Он тут же сказал своему противнику:

«Я умер и мгновенно перенесся в мир иной. Там я встретил ваших родичей».

По какой-то причине его враг поверил ему, вероятно, из любопытства и суеверия. Он спросил:

«Как они там поживают?»

«Весьма и весьма неважно, — сказал человек. — У ваших предков самая презируемая работа, всякий насмехается над ними, и они пребывают в столь жалком состоянии, в каком только может находиться человек».

«А что я могу для них сделать?» — спросил его враг, расстроенный этими известиями.

«Пока вы живы — ничего, кроме как заботиться обо мне. Я также узнал, что, если доживу до глубокой старости, то мне удастся замолвить за вас словечко, когда я умру, а до тех пор — никому не расскажу о позоре вашего рода», — сказал человек.

Вот так он, обратив слабость своего противника себе на пользу, освободился от притеснений с его стороны... Говорит ли вам это о чем-то?

В.: Я не понимаю, почему угнетатель должен был поверить, что обманщик побывал на небе или где бы там ни было; не понимаю, как кто-нибудь может в это поверить...

О.: Но вы ведь также не понимаете, как или почему кто-нибудь может поверить в то, во что, согласно вашим утверждениям, верите вы, а именно: в те невероятные вещи, которые людям, воспитанным не в вашей традиции, кажутся неправдоподобными. И правда, и ложь, и

воображение для одних выглядят как истина, а для других — как ложь.

МОЛИТВА

В.: Известно, что даже короткая молитва может приносить успокоение. Разве непрерывная молитва, какую практикуют некоторые подвижники, не дает чего-то большего?

О.: Однажды бедная старая полуслепая женщина, с трудом пробиравшаяся в базарной толчее, порвала своей палкой с железным наконечником полу халата придворного, приостановившегося возле лавки.

Слуги вельможи принялись бранить старую женщину, и их тут же окружила толпа зевак.

Но аристократ был добрым и сострадательным человеком. Со словами: «Ничего, матушка, всякое бывает», он дал женщине золотую монету и продолжил свой путь.

Так случилось, что эту сцену увидел один дурак. «Золотая монета за порванный халат! — воскликнул он про себя. — Вот как надо действовать!»

Как и все, он разработал план, основанный на собственном понимании ситуации.

В следующий раз, увидев на базаре богача, дурак подбежал к нему, сорвал с него парчовый халат и, разорвав на куски, закричал: «Десять раз порвал! Ты должен мне десять золотых монет...»

На старой женщине не было вины, и она искренне раскаивалась в том, что случилось. Дурак сделал то же самое из глупости и жадности. То, чего вы не видите, возможно, является определяющим фактором события или других вещей. Результаты будут зависеть как от вашего внутреннего состояния, так и от других факторов.

Цель суфийской подготовки — стать созвучным более высоким, тонким вещам, а это значит не пытаться навязывать уму, в котором еще слишком много жадности, принимаемой за правильное устремление, какие-либо формулы.

ДЕМОНЫ

В.: Примитивные люди, а к ним всего несколько лет назад, разумеется, стали относить и членов развитых сообществ, объясняют психологические странности, причуды и всевозможные барьеры, которые люди сами себе воздвигают, влиянием демонов и преступных наклонностей. Проще ли суфиям обосновать свою точку зрения в наше время, когда многое из области психологического знания стало доступным?

О.: В наши дни, когда кто-то безапелляционно говорит: «Я не могу принять этого», или «Я этого не понимаю», или «Я хочу вот этого, и все тут», к нему могут отнестись с пониманием, как к человеку, страдающему от внутренних запретов и прочего, и не скажут, что он одержим дьяволом. Однако существуют две проблемы, которые многие люди еще не научились решать. Первая заключается в скрытом недоверии, которое может служить защитным фактором и фактически помогает людям избежать эксплуатации со стороны других. Вторая связана с возведением барьеров без способности видеть ситуацию, в результате чего люди лишаются возможности развиваться. История о льве, который не мог пить воду, потому что боялся своего отражения, взятая из сочинений Руми, иллюстрирует подобное явление.

Современная психология указала на эти барьеры, но еще не разработала методов работы с ними, за исключением клинических случаев. Но социальные ситуации обычной жизни куда больше распространены и чаще встречаются. Чтобы понять, как этот вопрос решался прежде, вам следует обратиться к тем источникам суфийской литературы, которые не подверглись искажению. Это делают лишь немногие, потому что по каким-то причинам из всех древних

комментаторов подобными вопросами занимались лишь суфии. Суфии отвергли демонические причины данной проблемы за века до того бы то ни было и, несомненно, задолго до появления в современном мире психологической концепции. Это утверждение иногда само по себе воздвигает барьер неверия, являющийся частью обсуждаемого нами недомогания. Поэтому излечить таких людей можно одним-единственным способом: позаботиться о том, чтобы оппоненты познакомились с деятельностью суфиев, которая продолжается уже много веков.

ГЕРОЙ ИЛИ НЕВЕЖДА?

Главное различие между суфиями и «верующими» заключается в том, что вера — это убеждение, уверенность без доказательства, в то время как суфийское знание основано на фактах. Это часто оспаривается богословами, поскольку они постоянно путают знание и веру, что легко продемонстрировать. Если я знаю, что сейчас десять минут одиннадцатого или что на противоположной стене сидит муха, то совершенно излишне, даже бредово, описывать это как веру. С другой стороны, люди, верящие в истинность чего-то, не знают предмета своих верований с такой же несомненностью. Почему? Потому, что, если бы они знали то, во что верят, как несомненный, объективный факт, то не проявляли бы по упомянутому поводу эмоций и так страстно не стремились бы обратить других в свою веру. Весь человеческий опыт показывает, что подобным образом люди верят лишь в те вещи, относительно которых есть сомнения. Факты, истинные факты, не зависят ни от эмоций, ни от обращения в веру. Следовательно, мы не должны считать, что люди, мыслящие в теологических категориях, неправы или введены в заблуждение, они просто плохо информированы относительно различия между, скажем, «Я знаю, что это карандаш» и «Я знаю, что есть духовные существа, поскольку чувствую, что это истина».

Вот история, которая может послужить полезной иллюстрацией к нашей беседе. Случилось так, что три человека летели в самолете, и тот стал терять высоту. Пилот попросил одного из них выпрыгнуть, чтобы самолет стал легче и мог безопасно приземлиться.

«Мне нельзя прыгать, — сказал ученый, — ибо я слишком важен как инструмент просвещения и не могу рисковать своей жизнью».

«Я прыгну, — сказал священник, — потому что верю, что буду спасен».

«У нас остается парашют, — сказал суфий, — и я воспользуюсь им, чтобы благополучно приземлиться, потому что знаю, что через минуту пилот будет искать следующего добровольца».

«Ну разве священник не герой, — сказал ученый. — Ведь он верил, что приземлится благополучно».

«Он больше, чем герой, — сказал суфий. — Вместо парашюта он надел ваш рюкзак...»

НА ПУБЛИКУ

В.: Как бы вы описали людей, которые публично заявляют, что они — Учителя Пути, используя для саморекламы музыку и пение, и организуют для учеников ретриты (монастыри) по образцу многих механистичных и эмоциональных религиозных деятелей?

О.: За века они несколько не изменились. Нет необходимости добавлять что-либо к тому, что сказали о них классические мастера. К сожалению, люди не изучают эти предостережения. Если бы изучали, то у них не было бы нужды задавать такого рода вопросы. Это то же самое, как если бы люди постоянно спрашивали, есть ли в алгебре уравнения, тогда как книги изобилуют ими.

Если вам нужен пример, то обратитесь к истории из «Маснави» Джалаледдина Руми, о

выскачке Далгаке и Сайиде, который был султаном Тирмида.

Сайид объявил, что вознаградит любого, кто за три или четыре дня сможет добраться до Самарканда и выполнить некое важное поручение.

Далгак в это время был в провинции и, услышав глашатая, сразу вскочил на коня и во весь опор помчался к султану. Он скакал с такой скоростью, что под ним пало две лошади; стремительность его движений приводила людей в замешательство и страх. Они думали, что на их царство собирается напасть грозный враг.

Выскачка был допущен в присутствии Сайида. Все в нетерпении ждали, пока он переведет дух и сообщит свое известие. Наконец, отдышавшись, он сказал правителю, что слышал о монаршем указе, но явился объяснить, что задачу эту выполнить не сумеет!

Вот чему подобны замешательство и сомнения, что сеют те мнимые «суфийские учителя», которые в действительности заняты не чем иным, как возбуждением и суетой, и создают беспокойство и суматоху — даже когда вроде бы призывают к спокойствию и медитации.

Сам Руми использовал эту историю как пример действий и истинной роли именно таких людей, о которых вы сами упомянули. Разве есть необходимость в дальнейших объяснениях?

ЛЮДИ БОГА

Монгольский завоеватель отправил в одну страну шпионов под видом купцов, они должны были выяснить, кто и как ею управляет.

Их доклад гласил:

«В этой стране не один правитель, а два. Первого зовут Король. Его подданные хорошо одеты, едят досыта и довольны жизнью. Другого правителя зовут Бог. Его последователи одеты плохо, у них вытянутые мрачные лица, и они недоедают.

Мы не смогли найти причину, почему одной страной управляют два правителя, но знаем, кому, при прочих равных условиях, отдаст предпочтение любой, впервые попавший туда человек».

ЛЕГЧЕ...

Жил когда-то дервиш-брадобрей. К нему ходил стричься один мулла, религиозный фанатик, с большой густой бородой. Однажды мулла решил подстричь свою бороду, потому что она стала лезть ему прямо в рот, а так как он был ко всему еще и большой обжора, то борода создавала немало хлопот, когда он обедался.

В первый раз, взявшись стричь мулле бороду, дервиш спросил:

«Как вы относитесь к язычникам?»

Во второй раз, только мулла уселся и приготовился к стрижке бороды, дервиш опять спросил, прежде чем приступить к работе:

«Не укрепилось ли в последнее время влияние язычников?»

И в третий раз, когда мулла явился подстригать бороду, дервиш сказал:

«Давайте поговорим о язычниках...»

Мулла повернулся к нему и закричал:

«Ты что, не можешь говорить о чем-нибудь более достойном? Каждый раз, как я прихожу, ты хочешь поговорить о язычниках. Сдается мне, что у тебя извращенный вкус, а ведь тебя считают дервишем...»

Дервиш засмеялся:

«С моим вкусом ничего не поделаешь, а вот вы, когда бы ни услышали слово «язычник»,

топорщите бороду так, что ее гораздо легче стричь».

ИДИОТ

Последователей общепринятой религии, которой придерживается толпа, восхищает все, что их ассоциативный ум принимает за «святость», «ум» или «благочестие». Они получают эмоциональное удовлетворение, слыша знакомые вещи или наблюдая людей, совершающих патентованные богоугодные поступки. Поскольку «богоугодное» стало для таких людей источником личного удовольствия, они не в состоянии заметить, что оно во многих случаях ни для чего иного и не годится. В результате люди приходят в восторг, когда видят, что кто-то молится или реагирует на что-то «духовным» образом, потому что их научили приписывать подобным вещам значительно большую ценность, чем она есть на самом деле. В результате истинные духовные ощущения утрачиваются, их вытесняют более грубые эмоции.

Вот история о попугае и священнике.

Однажды священник зашел в зоомагазин и спросил, нет ли для него чего-нибудь интересного. Продавщица принесла попугая.

«Вот он вам наверняка понравится, — сказала девушка, — если вы дерните его за эту лапку, он произнесет молитву, если за другую — споет псалом».

Священник был восхищен и при одной мысли о столь знакомом благочестивом ритуале ощутил прилив священной радости.

«А что будет, — лучезарно улыбаясь, спросил он, — если я дерну сразу за обе лапки?»

«Башкой ударюсь, идиот!» — заорал попугай.

СТРАДАНИЕ

В.: Действительно ли страдание — путь к Богу, как утверждают многие суфии?

О.: Мне не известно ни одного случая, когда хотя бы один настоящий суфий заявлял подобное. На самом деле, будь это правдой, то окружающие вас люди, многократно испытывавшие страдание, уже находились или могли бы находиться на пути к Богу. Многие дервиши-эмоционалисты, чрезмерно сосредоточенные на страдании, воображают, что это своего рода религиозный путь. Похожие утверждения вы можете найти в печатных изданиях и в высказываниях многих заблудших людей. Однако люди разумные, потрудившиеся изучить вопрос, сразу же скажут вам, что не само страдание, а реакция на него может ухудшить или улучшить человека. Если он нуждается в страдании и может работать с ним, то оно способно его улучшить. В противном случае — нет. На самом деле следует остерегаться подобных свехупрощений, основанных на представлении, что существуют простые формулы, ведущие к цели. Запомните, если хотите, как было определено различие между дервишем и суфием: «Дервиш пытается быть святым — суфию незачем пытаться!»

ЗАМЕЩАЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Замещающая деятельность, иногда называемая «симптомом подмены», является самой важной составляющей в поведении человека.

К примеру, многие люди, утверждающие, что не интересуются метафизикой, часто болезненно реагируют даже на малейшее проявление интереса к этому предмету.

С другой стороны, люди, с жаром уверяющие, что глубоко интересуются метафизическими материями, редко находятся в правильном состоянии, позволяющем извлечь из них пользу. Их

возбуждение мешает им углубиться в подобные вещи, из чего можно сделать вывод, что это намеренно избранная стратегия. Иными словами, рвение парализует их, но, может быть, внутренне, они сами того хотят.

Упомянутое явление нетрудно увидеть в обычной жизни, наблюдая возбужденных сторонников всевозможных культов и систем. Поскольку у них «есть вера», они не верят в учебу. Фактически, они используют веру, чтобы воспрепятствовать учебе. Частично это происходит потому, что неуемная «жажда учиться» служит симптомом эмоциональной активности низшего уровня — является разновидностью возбуждения, доставляющего удовольствие, будучи своего рода замещением.

«Верующие» также держатся за свои убеждения и не позволяют легко их изменять, тем более посредством опыта, поскольку на самом деле ищут систематическую формулу, чтобы чувствовать себя уверенно. В их умах есть место для системы, но не для истины. Такие люди считают, что сильно изменились, если просто поменяли одну систему верований на другую. Они — не верующие, с точки зрения подлинной системы веры, они лишь временно стабилизировались.

ЧТО ДЕЛАТЬ В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ

В.: Что думают люди других культур о западной манере проповедовать?

О.: Конечно, существует много стилей проповедования. Но достаточно очевидно, что некоторые из них являются не столько проповедью, сколько выходом избыточной энергии проповедника.

Помню, в одной западной стране, желая понаблюдать за реакциями одного суфия, я привел его на лекцию некоего весьма известного духовного деятеля.

Религиозный пропагандист стоял за кафедрой и, будучи маленького роста, оказался почти полностью вкраплен в нее, так, что создавалось впечатление, будто он заключен в ящик, из которого торчали только его голова и руки.

Воодушевляясь своей темой, он распался все больше и больше, становился все возбужденнее, размахивал руками и все более ужасно и взволнованно кричал.

На самом пике его речи, когда спектакль достиг апогея, суфий повернулся ко мне и прошептал:

«Что в этой стране предпринимают для защиты публики от таких людей, когда они вырываются на свободу?»

НА ЧТО ОНИ ОТКЛИКАЮТСЯ

В.: Люди, собирающие действительно огромные аудитории, пользуются различными приемами, чтобы приковать к себе внимание толпы. Они пускают в ход слова, действия и даже создают видимость событий. Суфии, со своей стороны, традиционно не устраивают представлений, если не считать суфийских имитаторов, получающих удовольствие от бород, экзотических одежд и всего остального. Как вы к этому относитесь?

О.: Все зависит от того, что, собственно, вы делаете: учите или развлекаете. Устраивая подобные представления или избегая их, вы, возможно, отбираете людей соответствующего типа. Я как-то спросил одного священника, зачем ему ладан, ризы, взывания к Богу и т. д. Он ответил, что и сам думал об этом и пришел к такому выводу: подобные вещи помогают устранить ту же проблему, которую выявил и благополучно разрешил один человек, живший у оживленного перекрестка.

На улице, по которой на огромной скорости с грохотом проносился поток машин, стоял дом. Соседство с таким движением доставляло беспокойство хозяину и его семье. Этот человек устанавливал плакаты, умоляя водителей ездить потише, но все было безрезультатно.

Наконец хозяина дома осенило. На следующий день машины сбрасывали скорость, едва водители замечали его новый плакат. Надпись на нем гласила: «Водитель! Переход для нудистов...»

ЛЕВИТАЦИЯ

В.: Как вы объясняете тот факт, что многие люди имеют или считают, что имеют, достаточно необычные ощущения, по-видимому, духовной природы, и часто их переживания столь сходны, что иначе как подлинными их не назовешь?

О.: Подлинные духовные переживания невозможно описать словами. Они происходят вне вербальной сферы. Под этим я никак не подразумеваю те примитивные грубые «прозрения», о которых постоянно рассказывают люди. К тому же некоторые из упомянутых переживаний могут быть подлинными, другие — нет. Поэтому невозможно говорить обобщенно и каждой конкретный случай нужно рассматривать отдельно.

Однако следует помнить, что немногие осознают, насколько просто поверить самим или заставить других поверить в то, что с ними происходит нечто исключительное. Давайте рассмотрим лишь один пример из многих.

Астроном Патрик Мур выступил однажды на Би-би-си и объявил, что планеты вот-вот займут необычное положение. Он объяснил, что вследствие этого сила гравитации будет воздействовать на жителей нашей планеты меньше, чем обычно. Ученый предложил людям в тот день, когда Плутон вызовет этот эффект, — в 9.47 утра — подпрыгнуть, чтобы проверить уменьшение силы тяжести. Они должны будут почувствовать, будто плывут.

Сотни людей позвонили на Би-би-си и сообщили, что они подпрыгнули и ощутили этот эффект. Согласно исследованиям, на соответствующую программу Би-би-си, даже при весьма волнующих событиях, звонит менее одного процента зрителей, а это значит, что на самом деле много тысяч человек «испытали» эффект исчезновения силы тяжести.

Все они конечно же позабыли, что Мур сделал свое объявление первого апреля, в день дурака.

Ну что тут еще скажешь?

ОСЛЕПЛЯЯ ИХ НАУКОЙ

Ко мне часто приходят люди и рассказывают, что, следуя той или иной духовной системе, они поначалу получали удовлетворение и даже, как они это любят называть, духовный опыт, но в дальнейшем подобный эффект пропадал, и они оказывались столь же далеки от желаемого, как и вначале.

Эти люди настойчиво утверждают, что в их прежней деятельности было нечто ценное, и они ожидают, что им все объяснят таким образом, чтобы тот элемент, который, по их ощущениям, удовлетворял их в прежнем учении, можно было сохранить.

Трудности этих людей состоят в том, что они не могут объективно наблюдать происходящее с ними, и в результате, пока они находятся в таком состоянии, для них на самом деле невозможно ничего сделать.

Есть история, в которой содержится аналогия. У одного человека завелись в кровати блохи. Первым делом он выключил свет, чтобы насекомые не видели, кого кусать. Его предположения

были достаточно логичны, но не работали, поскольку он не знал, как структурировать свой опыт. Даже когда этому человеку сказали, что блохи могут кусаться и в темноте, он все равно ничему не научился. Он установил прожекторы, чтобы ослепить блох. И, по-видимому, — вот чудо из чудес — это сработало! Но вскоре он снова стал чувствовать укусы.

Как же «работали» прожекторы? На самом деле поначалу свет настолько ослеплял его самого, что отвлекал внимание от блох и он переставал чувствовать укусы. Когда же человек привык к яркому свету, то вновь почувствовал укусы блох.

Нам передали, что этот человек до сих пор считает, что путь к успеху лежит в использовании прожекторов, и высоко ценит те несколько коротких часов свободы от укусов.

СКАЧКИ

Однажды меня спросили, каким образом такое количество бездарных комиков ухитряются поддерживать столь превосходную репутацию, что люди смеются от одного их вида. Спросивший совершенно справедливо отметил, что большинство этих артистов совсем не смешны, однако зарабатывают невероятные деньги.

Я не был уверен в ответе, но вскоре одна ситуация подтвердила мои догадки. Она была связана не с артистом-комиком, а с проповедником, имевшим репутацию человека, способного ответить на вопрос любой сложности к удовлетворению почти всех присутствующих.

Я понял, что это ему удастся с помощью некоего трюка, который редко распознается аудиторией. Если вы потрудитесь понаблюдать за такими людьми, то, как и я, увидите, что определенный прием повторяется вновь и вновь. Даже журналисты, присутствующие на подобных мероприятиях, не понимают, в чем тут дело.

«Трюк» связан с одной человеческой особенностью. Люди, если только они не внимательны, забывают, о чем точно было спрошено, и отвлекаются: им кажется, что лектор отвечает на их вопрос. Доверительность его голоса даже заставляет их воображать, что он отвечает по существу.

В тот раз я пошел на встречу с человеком, который, как меня уверяли несколько обычных здравомыслящих людей, «отвечает на любой вопрос».

Во время встречи один несдержанный слушатель выкрикнул такой вопрос «всезнающему человеку»:

«Ну и скажите тогда нам, какова будет сумма выигрыша завтра, на скачках в Донкастере, в 14:30?»

Объект магической веры, ни секунды не колеблясь, разразился пятнадцатиминутной речью, начав со слов:

«Я рад, что вы задали этот вопрос, потому что он дает мне возможность поговорить о наиважнейшей проблеме нашего времени, о материализме».

Когда мы выходили из зала, люди возбужденно переговаривались: «Он действительно знает, понимаете...»

ЛЮДИ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ НА НАС ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Во-первых, вы спросили меня, каким образом учение, не имеющее подлинной ценности, может производить впечатление на столь многих людей, включая и вас. Во-вторых, вы спросили, каким образом совершенно обыкновенные люди могут совершать удивительные и даже чудесные вещи. Разве подобные личности, спрашиваете вы, не заслуживают внимания и уважения? И, в-третьих, вы спросили, почему впечатление, производимое такими людьми,

может и не иметь большого значения. И что плохого в том, чтобы относиться к ним как к учителям?

Итак, как вы можете себе представить, эти вопросы постоянно задают и на них постоянно отвечают. Следовательно, задавая их, вы сообщаете о том, что вам недостает информации, а вовсе не о необходимости спросить о проблеме. Некоторые люди видели зеленые финики и думали, что они созреют, а этого не произошло. Они верили, что их высохшие колодцы чудесным образом наполнились водой, тогда как вода появилась совсем по другой причине. Подобные вопросы задавали и те, кто радовался своим детям, хотя, возможно, причин для радости у них было меньше, чем они думали.

Вот одна очень старая история из тех, с помощью которых традиционно отвечают на такие вопросы.

Дерево, колодец и сын

Как-то раз у одного человека перестала плодоносить финиковая пальма и высох колодец. Испугавшись, что будет голодать, ибо колодец и пальма давали ему пропитание, он отправился за помощью к человеку, слывшему чудотворцем.

«Конечно, я помогу вам, — сказал чудотворец, — но вы должны дать мне сто золотых, если хотите, чтобы на дереве вновь появились плоды. В следующую ночь не подходите к этой пальме», — добавил он.

Человек заплатил, и маг той же ночью прикрепил к дереву гроздь зеленых фиников, создав впечатление, будто на пальме внезапно выросли настоящие плоды.

Клиент остался доволен и спросил, не мог бы волшебник помочь ему с высохшим колодцем. «Конечно, — ответил чудодей, — но это будет стоить вам двести золотых, и ночью держитесь подальше от колодца, пока подвластные мне духи будут делать эту работу».

Сделка состоялась, и ночью соучастники мошенника принесли множество бурдюков с водой и наполнили колодец.

Увидев полный до краев колодец, довольный человек сказал чудотворцу:

«Моя жена не может родить, а мы хотим ребенка».

Маг и на этот раз пообещал помочь, но уже за пять сотен золотых, взяв с человека обещание много ночей не приближаться к жене.

Конечно же колодец снова высох и финики на пальме засохли, зато через несколько месяцев жена родила ребенка. Рождение младенца принесло мужу столько радости, что полностью компенсировало неудачу, которую он потерпел в первых двух делах. В конце концов магу удалось достичь того, чего не смогли другие, не так ли?

ЦЕННЫЕ СЕКРЕТЫ

Три выдающихся человека: один — бизнесмен и промышленник, весьма заметный в обществе, другой — государственный чиновник высокого ранга, третий — выдающаяся фигура в ученом мире, вот уже три года упорно ищут встречи со мной — посылают ко мне своих людей, пишут письма одно за другим, то и дело звонят по телефону.

Они так настойчиво хотят встретиться со мной потому, что, по их словам, много лет назад некое таинственное, важное духовное лицо, или существо, тайно предостерегло их и лично проинструктировало, и теперь они чувствуют неотвратимое побуждение обсудить его послание со мной.

Моя проблема, которую мне не удастся до них донести вплоть до сегодняшнего дня, состоит в том, что в нашей традиции неуместны контакты с людьми, подобными им. Если ваш опыт в эзотерической, или высшей, области наделил вас особыми высшими функциями, то, по нашему

мнению, вы должны выполнять их, а не бомбардировать других людей обращениями и требованиями немедленной встречи, с тем, чтобы поговорить об этом!

Также, к большому сожалению, похоже, что «люди, закрывшие эту дверь, не оставили ключа». То есть источник этого важного послания забыл проинструктировать наших друзей в отношении дальнейших действий, что делать, чтобы побудить нас ответить, если это жизненно необходимо, на их полные тайных намеков письма и телефонные звонки, предупреждающие о вещах безотлагательной важности.

БЛАГОЧЕСТИЕ

В.: Почему суфии принижают усилия благочестивых людей, которые выполняют духовные упражнения, одеваются определенным образом, следуют ритуалам и вообще действуют в соответствии с авторитетными рекомендациями высоких религиозных источников?

О.: Мой друг, уверяю вас, что нигде, ни в прошлом, ни в настоящем, вы не найдете ни одного суфия, который делает то, что вы говорите. Поэтому ваш вопрос относится к той же категории, что и печально известный: «Вы уже перестали бить свою жену?»

Но вот что суфии действительно порицают, так это профессиональное благочестие, не подкрепленное соответствующими действиями, и выполнение ритуалов, лишенных содержания.

Возможно, вам небезынтересно будет услышать следующий анекдот из произведения Саади «Фруктовый сад» (Bostan):

Саади и несколько его спутников, в отдаленной части Турции, посетили человека, слывшего добрым и благочестивым. Он доброжелательно их принял и проявил к ним уважение. Затем этот благочестивец всю ночь провел в молитве, оставив своих гостей голодными, хотя был человеком со средствами.

В конце концов один из друзей Саади сказал: «Лучше бы ты накормил нас едой, а не своим почтением. Вместо того чтобы в знак уважения касаться моей обуви, поставь свою ногу мне на голову и дай что-нибудь поесть!»

Когда вы встречаете благочестивых, духовных последователей ритуала, одетых в специальную одежду, которые проявляют щедрость и глубокомыслие, хорошо относятся к другим и воздерживаются от клеветы, то знайте, что вы нашли истинно порядочных и религиозных людей. Однако если кто-то другой чувствует из-за них уныние, печаль, лишение или неприязнь, то вы нашли тех, кого суфии порицают.

ВЕРИТЬ

В.: Разве для человека не полезно быть полностью уверенным в обсуждаемой области еще до того, как он добьется какого-нибудь прогресса в этом предмете? Я чувствую, что мы должны «верить» до того, как сможем понимать.

О.: «Быть уверенным» и «верить» относятся к различным состояниям ума. Например, многие люди думают, что они «уверены», тогда как они попросту одержимы. Другие говорят, что они «верят», тогда как их просто подвергли идеологической обработке. Вплоть до недавнего времени те, кто указывал на это, считались слугами дьявола, что говорит об агрессивности, порождаемой одержимостью и некоторыми видами обусловленности, и иллюстрирует скудость понимания у жертв названных явлений.

Ложная вера относительно веры и относительно «уверенности», которая чаще всего оказывается самоуверенностью, столь широко распространена, что недавно это было подтверждено экспериментами в области предполагаемого ЭСВ (экстрасенсорного восприятия).

Была обнаружена поразительная отрицательная корреляция между «верой» и фактической способностью к ЭСВ у людей, заявивших о наличии у них подобной воспринимающей способности. То есть люди, заявляющие, что они «верят», обычно имеют меньшую способность к экстрасенсорике, чем прочие. Далее, было обнаружено, что люди, заявляющие, что они «уверены» в своей пригодности к развитию высших восприятий, показывают в восемь раз более низкую успеваемость на практических занятиях по ЭСВ, чем среднестатистический человек.

«Верить» до того как придет понимание, как мы видим, для многих людей означает «попасть под власть внушения, чтобы не надо было пытаться понимать». Люди, которые хотят верить для того, чтобы понимать, чаще всего оказываются теми, кто хочет внушенной веры, несовместимой с глубоким пониманием.

Настоящая вера приходит после понимания. После того как предмет понят, в него приходится верить, так как он становится фактом. Однако если мы говорим о «вере» как о том, что может иметь место без понимания или знания, то в действительности это синоним одержимости, относящийся не к области психологии или духовности, а скорее, к области медицины.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ

Если многие люди во что-то верят, считаете ли вы, что объект их веры должен быть истинным? Вероятно, нет, если только вы сами не принадлежите к их числу. Но когда в каком-либо обществе подавляющее большинство людей во что-то верит, скорее всего, это и будет считаться правдой. В большинстве человеческих сообществ не так много инакомыслящих.

Вплоть до последнего времени люди очень мало перемещались по миру: большая часть населения на протяжении поколений верила, что то или иное является правдой, и не было никакого шанса, что их верования, истинные или ложные, будут ниспровергнуты.

Ныне мобильность людей возросла, но их предположения о мире за ней не поспевают. Человеческое знание, возможно, выросло, но предположения остались практически неизменными. У людей не достало времени, чтобы осознать, как много известно сейчас о мышлении и поведении человека, и им, конечно, невдомек, что подобное знание позволяет объяснить «факты» совершенно другим путем.

К примеру, за последние несколько лет научные и медицинские исследования некоторых проблем показали, что данные проблемы на самом деле являются не тем, чем кажутся.

Рассмотрим пример. На одной фабрике перемещали с места на место порошок хлорной извести. Трое рабочих, принимавших участие в этой работе, подверглись воздействию паров химиката, но в больницу было доставлено ровно ШЕСТЬДЕСЯТ, поскольку они почувствовали себя плохо. В результате оказалось, что пятьдесят семь из них пострадали от «массовой истерии» и вообще не были больны.

Если бы не анализы, без сомнения, считалось бы, что эти люди отравлены, и никому бы не удалось поколебать их веру.

Если истерия способна поразить почти в двадцать раз больше людей, чем действие химиката, можете ли вы себе представить, что это означает в сфере человеческих верований и что люди могут думать или делать вследствие такой веры?

НЕТ ЛУЧШЕГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА...

Несомненно, нет и не может быть лучшего доказательства тому, что люди принимают воображение за реальное переживание, чем история, произошедшая на моих глазах во время

путешествия по святым местам Среднего Востока.

Я путешествовал в обществе весьма благочестивых людей, принадлежавших к некоей конфессии, нет нужды уточнять, к какой. Они посещали места, относящиеся большей частью к иной религиозной традиции и славящиеся своей духовной историей и атмосферой.

Их гид был новичком. Боясь ошибиться, он, пока мы шли от места к месту, дословно зачитывал нам путеводитель Мишлена. «Здесь были убиты мученики... Здесь была келья такого-то святого отшельника... Здесь такому-то человеку было видение...»

Каждый раз ревнители веры почтительно останавливались, выказывая понимание глубокой духовной атмосферы, которая царила в тех местах...

Однажды нас привели в какое-то место, где гид прочитал нам о совершенных там ужасных злодеяниях, о некоем тиране, погубившем десятки праведников, и о том, что вся округа считается проклятой. Присутствующие содрогнулись и стали горячо обсуждать, насколько ощутимо там «само присутствие зла».

Вечером, в отеле, когда они все еще обменивались своими леденящими кровь переживаниями, гид сконфуженно собрал нас в фойе и признался, что ошибся страницей. Несмотря на то, что все ощутили «присутствие зла», мы, оказывается, стояли в самом центре захоронения святых...

ДУХОВНЫЕ УЧИТЕЛЯ

Что на самом деле дают духовные наставники своим последователям?

Люди на Среднем Востоке и в Индии, где приведенная ниже история в ходу уже несколько столетий, уделили этому вопросу немало внимания. Ведь в конце концов у них были возможности пронаблюдать все, что с этим связано.

Три странствующих святых человека попросили капитана корабля взять их в плаванье из Персии в Африку.

Капитан спросил:

«Денег у вас нет, чем же вы можете быть нам полезны в путешествии?»

«Своим восприятием, — ответил первый. — Потому что я могу видеть на такое огромное расстояние, что вещи, незримые для обычных людей, мне ясно видны».

«Своим восприятием, — сказал второй святой человек. — Ведь я могу слышать то, чего никто больше слышать не может».

Капитан признал, что они могли бы быть полезны в путешествии, и согласился взять их.

Он спросил и третьего:

«А что можете вы?»

Третий святой человек ответил:

«Я указываю на неуместное, чтобы уместное могло остаться».

«Звучит не слишком интересно», — сказал капитан, но по доброте сердечной согласился бесплатно взять и его.

Поскольку капитану казалось, что два первых святых человека обладают большими дарованиями, то, пока судно шло на юг, он сидел с ними, повторяя их заклинания и надеясь таким образом обрести духовную заслугу.

Неожиданно первый святой человек воскликнул:

«Я вижу, как далеко-далеко отсюда, дочь короля Индии вышивает у окна своего дворца!»

Второй выкрикнул:

«А я слышу, как девушка только что уронила иголку, и та упала на пол у ее ног!»

Третий, безучастно стоявший рядом, взглянул на капитана, на которого эти чудеса уже

стали производить сильное впечатление. Капитан поймал его взгляд и вспомнил, что тот находится здесь, чтобы наблюдать за неуместным.

«Я думаю, — сказал капитан третьему святому человеку, — что мне пора стать вашим учеником, так как я едва не потерпел неудачу в изучении вашей науки, а ведь мне необходимо познать ее прежде, чем я смогу извлекать пользу из информации о жизни принцессы Индии!»

Но, как часто бывает, первый помощник капитана был столь впечатлен изумительными способностями этих двух первых святых, что стал их последователем. Они смогли на многие годы привязать его к себе, постоянно рассказывая о своих замечательных возможностях.

Так чего же на самом деле хотят люди и что в действительности дают духовные наставники своим последователям?

ГОВОРIT ЗОЛОТО, А НЕ ВЕРА

В.: Почему суфиям приходится иллюстрировать свои учения реальными событиями, тогда как философы и психологи просто провозглашают собственные учения?

О.: Ваши предположения не совсем верны, поскольку некоторые психологи современности уже начинают обращаться к подобным демонстрациям, хотя они еще только начинают понимать природу такого инструктажа, часто называя его «терапией».

Необходимо заставить людей увидеть себя. Недостаточно просто спрашивать их, что они делают и почему. Приходилось ли вам слышать историю об Иисусе, рассказанную Аль-Газали примерно девятьсот лет тому назад в третьей части его книги «Возрождение религиозных наук»?

ИИСУС И ЗОЛОТО

Рассказывают, что один человек сопровождал Иисуса в путешествии. Однажды они пришли к реке и остановились на берегу поесть. На двоих у них было три куска хлеба. Каждый съел свой кусок хлеба, третий остался. Потом Иисус отправился к реке за водой. Когда он вернулся, третьего куска не было.

«Кто съел последний кусок?» — спросил он своего спутника.

«Не знаю», — ответил тот.

Они продолжили свой путь и вскоре увидели лань с двумя детенышами. Они поймали одного из них и съели. Иисус сказал:

«С соизволения Бога, восстань!» — и детеныш чудесным образом ожил.

Тогда Иисус сказал:

«Во имя Того, кто сотворил это чудо, скажи, что случилось с остатками хлеба».

«Не знаю», — ответил его спутник.

Через некоторое время они пришли к другой реке, и Иисус перешел ее по воде.

«Во имя Того Единственного, кто явил это чудо, скажи, кто съел хлеб?»

«Не знаю», — снова ответил человек.

Наконец они достигли места, где были только земля и камни. Иисус набрал песка и земли и произнес: «С соизволения Господа, пусть все это станет золотом!» И тут же прах превратился в золото. Иисус разделил его на три части и сказал: «Одна часть для меня, другая для тебя, а третья для того, кто съел третий кусок хлеба». Его спутник отозвался: «Это я съел тот кусок!» Тогда Иисус сказал:

«В таком случае все это золото — для тебя». И он продолжил свой путь.

Так случилось, что два человека, увидели золото и решили завладеть сокровищем, убив его

обладателя. Они познакомились с этим человеком и предложили ему сходить за едой в город неподалеку. Он согласился, ибо задумал отравить их. Он купил хлеб и положил в него яд.

Когда он вернулся, двое оставшихся набросились на него и убили. Затем они съели отравленный хлеб и тоже умерли.

Вскоре Иисус с несколькими спутниками опять проходил той дорогой. Увидев, что произошло с теми тремя, он заметил: «Вот это и есть мир, остерегайтесь его».

МОТЫЛЕК И САЖА

В.: Люди толкуют о психологической и духовной эволюции. Не ведет ли такая постановка вопроса к некоему заблуждению? Если формы физических тел меняются в ответ на взаимодействие между внешними и внутренними силами, то хотелось бы знать, каким образом то же самое может происходить в более тонкой области? Мне кажется, что, если мы работаем над человеческим умом способом, похожим на тот, который задействован эволюционным процессом, это скорее напоминает «промывание мозгов» и идеологическую обработку.

О.: Это интересный вопрос, поскольку он позволяет нам кое-что объяснить, чтобы вы смогли очень точно уловить тонкое различие (а не сходство) между формированием ментальности и суфийской учебой.

Начнем с очень популярной ныне истории, которая произошла в английском городе Манчестер с *Biston betularia*, обыкновенным светло-серым мотыльком.

У насекомых этого вида серые крылья и тельце, что является защитной маскировкой, позволяющей им оставаться незаметными на фоне деревьев и спастись от птиц. Через некоторое время после великой индустриализации XIX века в Манчестере стало оседать столько сажи, что защитная окраска этих мотыльков перестала работать. Вскоре было замечено, что взаимодействие генетических свойств насекомых и более темной окружающей среды привело к тому, что мотыльки стали темнеть. Через полвека подавляющее большинство мотыльков было черным. Этот процесс происходил также и во многих других индустриальных районах всего мира.

Нечто очень похожее имеет место и в социальной сфере. Поместите кого-нибудь в общество людей, где носят другую одежду, поют другие песни и выполняют незнакомые обряды, — и что вы получите? Этот человек или будет отвергать новое окружение, или останется им не затронут, или будет подражать изменившейся среде. Это будет зависеть от того, что человек сочтет более комфортным и безопасным. Когда речь идет о людях с четкими представлениями о собственной личности, имеющих связи с общиной, с которой они могут себя идентифицировать, реакция на новое окружение выражается либо в отвержении, либо в безразличии. С другой стороны, среди людей неуверенных, отвергнутых, напуганных с большей вероятностью будет встречаться имитация. Они будут воображать, что «обращение в новую веру» дает им безопасность.

ПОГЛОЩЕНИЕ

В.: Меня прямо воротит от оккультной абракадабры, которую порой приходится выслушивать. Почти все мои знакомые, которые увлеклись этим предметом, вызывают у меня отторжение. Я считаю, что с подобной заразой, поражающей наше общество, нужно как-то бороться. Что вы предпринимаете по этому поводу?

О.: Ложные системы и бредовые идеи воздействуют на общество не лучшим образом. Многие их последователи в некотором смысле больны и поэтому, как прокаженные, могут

вызывать отвращение. Если недуг вызывает отвращение и люди, страдающие им, неприятны, то как нам быть?

Прокаженные нуждаются в понимании и лечении. В случае якобы духовных людей, которые на самом деле заболели в результате поглощения ложных идей, нам, в первую очередь, следует понимать, что таково состояние этих личностей.

Теперь возникает вопрос лечения. Одним из видов терапии является циркуляция необходимых идей. Есть и другие способы, и специалисты их применяют. Антипатия к недугу не поможет его облегчить. Кроме того, лекарства должны прописывать только те, кто знает, какие из них показаны.

Что касается обычных людей, то им следует соблюдать личную «гигиену», то есть самим быть нормальными, сочувствовать больным и способствовать широкому распространению фундаментальных полезных идей.

ЗЕМЛЯ, СОЛНЦЕ, ЧЕРНЫЕ КОШКИ...

В.: В последние несколько десятилетий поступил поток новой информации из суфийских источников на Востоке. Значительная ее часть противоречит тем идеям о суфиях и суфизме, которые распространялись различными авторами на протяжении столетий и уже стали дороги сердцам многих людей.

Я и сам был членом различных предположительно суфийских групп, ныне распавшихся, поскольку все, что их объединяло, — это практики, вроде ритмических движений, которые, как теперь понятно, должны предписываться по необходимости, отнюдь не всем и каждому; или, к примеру эти группы сплавивало чтение определенных книг, а теперь нам открыли, что эти труды были написаны для прежнего времени, а не для современной аудитории. И конечно же единению подобных людей способствовала иерархия руководителей, ошибавшихся, как потом обнаружилось, в своих исходных предположениях относительно суфиев.

Мой вопрос прост: разве не лучше было бы для некоторых людей продолжать интересоваться и что-то получать от этих идей и практик, чем встречаться с материалами, лишаящими их главной поддержки и интереса в жизни?

О.: Вы и сами можете ответить на ваш вопрос, если перенесете его в другую, более знакомую область. Многим людям казалось, что мир вокруг них рухнет, когда им сообщили, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Является ли это аргументом для того, чтобы остановить распространение подлинной информации или образования? Если люди чувствуют себя одураченными, когда вдруг узнают, что встреча с черными кошками не сулит им ни счастья, ни несчастья или что они не могут обойтись без лечения, должны ли мы оставить их с прежними предрассудками? Ваш вопрос содержит предположение, что ложная информация безвредна, и даже может принести пользу. Но замалчивание правды, которое вы предлагаете, препятствует полезному действию самой правды. Вы хотите именно этого?

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Узколобые религиозные энтузиасты и фанатики всегда были в оппозиции к суфиям, хотя именно суфии находились в авангарде защиты и сохранения духовности.

Следующая история может послужить хорошей иллюстрацией. Однажды какой-то мрачный и лишенный чувства юмора религиозный педант вышел из дома и увидел стоящего на улице суфия.

«Собака!» — крикнул суфий.

Клирик погрозил ему кулаком и проклял всех суфиев. В этот момент из подворотни выскочила собака, о которой и предупреждал суфий, и укусила фанатика...

КОЧУЮЩИЕ ИСТОРИИ

Вследствие ошибки при перепечатке рукописи одной из моих книг придуманная мной история была названа древним преданием.

Это, без сомнения, навело людей на мысль, что если они повторяют эту историю, слегка перефразировав ее, то всегда смогут сказать, что взяли ее не из моей книги, а из какого-то другого источника или даже из того же источника, что и я.

Прошло четыре года. За это время история появилась в книгах двух широко почитаемых «духовных учителей» в качестве их собственного «сочинения» (с них я получил компенсацию за нарушение авторских прав); была переработана и опубликована как научно-фантастический рассказ; проанализирована и определена одним ученым как «первобытный миф, относящийся к доисторическим временам». Кроме того, она была прочитана на радио и названа историей, которую один монах в Азии поведал путешественнику, искателю истины; а некий хорошо известный и изобретательный современный автор даже раздул ее до размеров целой книги.

Свидетельства о распространении этой истории все еще поступают. Не так давно я был в офисе крупного издателя, и он сказал мне: «Вам следовало бы написать историю вроде той, что моя дочь слышала на проповеди в колледже», и пересказал мне мое же сочинение. Сомневаюсь, однако, что мне удастся увидеть более полный цикл превращений этой истории, чем тот, что не более двух недель назад закончился вот каким событием. Некто прислал мне рукопись собственного сочинения, сопроводив просьбой помочь ее опубликовать. Это была все та же моя история, но в такой форме, словно кто-то прочитал ее, затем пересказал этому писателю, а тот записал ее со слов рассказчика и переработал, воображая, вероятно, что подобное можно назвать «собственным произведением».

Даже длинные, подробные изыскания литературных критиков по поводу моей истории, как «раскрывшей изобретательность и интеллект» романиста, который сделал из нее книгу, выглядят менее смешными по сравнению с этим.

ЧУДЕСА...

В.: Я знаю, что вы высмеиваете чудеса и, кажется, считаете их мошенничеством. Но почему бы не признать, что чудеса действительно происходят, особенно когда у нас есть свидетельства многих уважаемых людей?

О.: Я не отрицаю, что чудеса происходят. Но вы должны знать наверняка, что нечто действительно является чудом, а не следствием мошенничества или ошибочного понимания.

В.: Я не представляю, как вследствие ошибочного понимания нечто может выглядеть чудом...

О.: Не представляете? Я расскажу вам об одном случае, к которому я имел некоторое отношение. Ко мне обратился мультимиллионер, последователь некоего гуру. Этот до мозга костей практичный финансист был обращен после того, как «лично стал свидетелем чуда».

Чудо произошло у казино. Некому человеку изменила удача, он вышел из казино, выстрелил в себя и упал на землю, обливаясь кровью. Пока вызывали скорую помощь, менеджер казино, желая предотвратить скандал, сунул в карман лежащего человека крупную сумму денег.

Как раз в это время мимо проходил наш финансист вместе с компанией последователей, сопровождавших своего гуру. Он обратился к гуру: «Если вы чудотворец, то оживите этого

человека». Гуру воздел руки к небесам — и «мертвый» человек поднялся, вытер кровь и пошел прочь!

Что ж, гуру, возможно, искренне желал воскресить мертвого и был убежден, что действительно воскресил его. Ученик-финансист искренне верил, что стал свидетелем чуда воскрешения. В конце концов, ведь это именно он попросил совершить чудо — и оно не было инсценировано гуру!

Какова же разгадка? Все просто. «Умерший» человек слышал, что когда кто-то совершает самоубийство возле этого казино, персонал всегда подкладывает в карманы покойника деньги, желая показать, что казино не причастно к смерти. «Самоубийца» инсценировал свою смерть, чтобы получить деньги. Это было явное мошенничество, и ничего более. Что касается гуру и его ученика, то здесь имело место ошибочное понимание. Вот что я имел в виду.

КАК НАЗВАТЬ

Некоторые муллы, не все, конечно, действительно глупы. Подобные люди, так уж они устроены, приходят в ярость, когда их называют дураками.

Как-то раз один дервиш, позабыв об этом, обозвал в разговоре некоего муллу ослом.

Мулла немедленно обвинил дервиша в нанесении оскорбления и повел к местному судье.

Дервиш признал проступок, и судья сказал:

«На этот раз я ограничусь предупреждением. Но впредь так не поступайте».

«Ваша честь, — сказал дервиш, — допустимо ли, если я назову какого-нибудь осла муллой?»

«Это будет зависеть от того, — сказал судья, — подаст ли мне какой-нибудь мулла жалобу на подобный поступок. Лучше бы вам идти своей дорогой и быть осмотрительнее».

«Спасибо, ваша честь», — ответил дервиш. И тут же сказал мулле: — «Сдается мне, что вы, мулла — мулла!»

МИССИОНЕРЫ

В.: Каково ваше мнение о миссионерах и людях, меняющих свои религиозные убеждения? Ведь, если, согласно суфийскому принципу, прежде чем достичь более высокого понимания, человек нуждается в некотором фундаменте — вере и соответствующем поведении, чтобы стабилизировать свою обычную жизнь, то в чем разница между различными формами веры и деятельности, которые может выбирать человек?

О.: Как суфии указывали на протяжении веков, вопрос не в перемене ваших религиозных убеждений и не в том, придерживаетесь ли вы в действительности какой-нибудь религии. Возможно, вы называете себя последователем определенной религии, тогда как и в мыслях, и в действиях демонстрируете, что являетесь неверующим или идолопоклонником.

Недавно один христианский миссионер рассказал мне, что много лет жил и обучал людей в Индии. Как-то он сказал одному индийцу:

«Не хотел бы ты стать христианином?»

«Конечно, хотел бы, — ответил индиец, — но при условии, что одновременно и вы станете настоящим христианином. Я слушал вашу проповедь и наблюдал за вашими поступками и не могу согласиться, что вы уже христианин».

Миссионер сказал, что ему стало так стыдно, что он покинул страну и «никогда более не отваживался называть себя живым свидетелем христианства».

Я полагаю, что на ваш вопрос можно ответить в каком-то реальном смысле, только если мы

условимся, говорим ли мы о верующих или о пропагандистах. Верующие — люди, которые действуют в согласии со своими предполагаемыми верованиями, а проповедники указывают другим, как верить или поступать.

РИС

На протяжении многих поколений Индия считалась благодарным полем для миссионерской деятельности. Различные конфессии боролись за души миллионов голодающих.

Вот история о том, как одного нищего бродячего дервиша прозвали Рисовым христианином.

«Я пришел к протестантам, и они предложили мне мешок риса — “паек на восстановление”, если я присоединюсь к ним. Затем я пошел к католикам и рассказал об этом. Они сказали, что могли бы дать мне вдвое больше — два мешка риса».

Один из слушавших собратьев прервал его:

«Но почему же ты в итоге принял предложение протестантов?»

«Для меня стало очевидно, что протестанты менее продажны!»

РАЗДЕЛ VIII

СВЯЩЕННЫЕ РИТУАЛЫ, ТАНЦЫ И ОБРЯДЫ

Для получения какого-то специфического эффекта люди используют доступные средства. Если, скажем, вам нужно, чтобы источник света «изменил цвет», можно поместить между источником и глазом цветной светофильтр. При отсутствии подходящих источников света и цветных светофильтров можно попробовать воспроизвести этот эффект другими способами. Например, вам надо показать какому-то человеку определенный спектр цветов, но у вас нет соответствующего технического аппарата, и тогда вы можете одеть двадцать человек в цветные, возможно, покрытые узорами костюмы, и заставить их двигаться в поле зрения этого человека. Из этой демонстрации может возникнуть «ритуальный танец». Появись здесь антропологи, они заметили бы сходство цветовой гаммы, ну, скажем, с окраской павлина, и заключили бы, что данный танец связан с культом павлина. Предположим, по функциональным причинам, вы выстроите подобную серию движений в виде драматического представления. Сами участники могут и не осознавать функции передачи света, реализуемой ими для себя или для других. Эти люди исходя из субъективного понимания условий, в которых они выполняют свою работу, вероятно, будут воображать, что, будучи великими актерами, играют различные роли. Как они могут знать, что их представления и идеи о том, чем они занимаются, вторичны по отношению к первоначальному замыслу?

То, что обрело известность, как Доктрина сигнатур (похожее есть то, на что оно похоже), и затем было осмеяно наукой, все еще с нами. Просто эта доктрина принимает несколько другие формы, вот и все. Сегодня она проявляется следующим образом: современный исследователь полагает, что поскольку нечто выглядит как, скажем, танец плодородия, то это и есть танец плодородия. Он еще недостаточно утончен, чтобы почувствовать присутствующий там более глубокий смысл или увидеть гротескное изображение более тонкой реальности.

«ДУХОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ»

Ничто так явно не показывает, что многие человеческие взаимоотношения носят не духовный, а откровенно социальный характер, как потребность в контакте, общении или

объединении. Люди чувствуют, что они должны находиться возле святого человека, должны передавать его благодать другим; что частый или постоянный контакт определенного рода имеет некую духовную составляющую.

Факт, однако, состоит в том, что в определенное время и в определенном месте людям с общими духовными интересами гораздо важнее быть врозь, чем вместе. Те, кто это понимает и испытал, являются духовными людьми. Все же остальные образуют социальное явление, называемое стадом.

Источник подобного желания — сбиваться в стадо — не надо долго искать. Люди, ведущие это стадо, неадекватны: они чувствуют сомнения и дискомфорт, если не находятся в контакте с людьми, мыслящими так же, как они. Те, кто сбивается в стадо, требуя себе «пастуха», также неадекватны. Но в их случае присутствует более сильная надежда, что обстоятельства сложатся для них как-то иначе и что они не должны будут и дальше зависеть от других, в результате чего их неадекватность скорее исправится, чем укрепитя.

ДЕГРАДАЦИЯ КОСТЮМОВ

Когда люди задают вопросы о вещах, которые легко поддаются поверхностному объяснению, и при этом сами предлагают альтернативные варианты ответа, вы сталкиваетесь с весьма любопытными моментами.

Кто-то спросил меня: «Правильно ли носить одежды определенных людей, таким образом создавая в себе или в других некоторую атмосферу?»

Я спросил, что имеется в виду.

«Ну, скажем, посвященные ризы священников, они ведь важны и обладают символическим значением, способствующим увековечиванию определенных верований и чувств...» Подобных вопросов уйма, и все они исходят из предположения, не вызвавшего и тени сомнения, что ризы, одеяния и т. п. либо изображают что-то, либо обладают некоторым содержанием, которое можно и нужно объяснять в исторических терминах. Что ж, подобный взгляд отвечает истинному положению вещей в поверхностных или утративших законную силу традициях. Человек, например, может завернуться в шкуру льва, чтобы показаться или почувствовать себя храбрым, а может надеть ее для другой, более фундаментальной цели. Но вот одно поколение сменит другое, или это даже не успеет произойти, как уже найдутся имитаторы, которые будут рядиться в львиные шкуры, поскольку благодаря этому смогут чувствовать себя или выглядеть храбрыми, или потому, что они или кто-то другой предположили, что никакой иной первоначальной функции у данного одеяния и быть не может. Например, я мог бы надеть шкуру льва просто потому, что она мне нравится, или если бы я хотел отпугнуть собак, которые боятся запаха льва. Кто-нибудь подошел бы ко мне и спросил: «Вы, полагаю, носите шкуру льва потому, что принадлежите к Сообществу Льва?» Я скажу: «Да» — и, пожалуйста, традиция установлена. Если вы немного подумаете сами, то перед вами откроется масса других возможностей такого же рода и направления.

Поскольку большинство людей не способно воспринимать никакого реального, объективного или абсолютного смысла в одеждах, костюмах, пышных убранствах, церемониях и т. п., они предполагают, что подобные вещи можно истолковать одним из трех способов: (1) ссылкой на историю; (2) исключительно ассоциативно; (3) взяв за основу то, что им рассказали люди, которые, не желая потворствовать любопытству, возможно, хотят только одного — поскорее от них отделаться.

Мне больше нечего добавить к сказанному, кроме, пожалуй, следующего: если вы ищете смысл одеяний и т. п. исходя из предположения, будто целью всего этого является

необходимость связать каких-то людей или оказать на них влияние, то вы действуете на таком низком уровне, на столь ограниченном и грубом поле исследования, и вы настолько слепы, что вам там и следует оставаться и не беспокоить себя понапрасну поиском внутреннего смысла жизненных событий. Такой грубый интерес питают пестрая информация, пустое любопытство, эмоциональные аффекты и грубые восторги.

Так проявляются формы дикости, даже если они приобрели очертания так называемой утонченности. Эзотерическая функция одеяний, убранств и церемоний относится к измерению, весьма далекому от всех знакомых вам сфер.

ПРИСУТСТВОВАТЬ

В.: Какой толк от посещения встреч, если некоторые из обсуждаемых вопросов даже не можешь понять? Есть ли хоть какое-нибудь преимущество в том, чтобы являться членом учебной группы, если ни теория, ни объяснения тебя не интересуют?

О.: На оба эти вопроса существует один ответ: подобные материалы действуют на многих уровнях. Материалы, выраженные в философской форме или полные сложной терминологии, имеют еще и другую сторону. Этот иной аспект может начать действовать, когда человек не следует той линии, которая кажется главным направлением мысли в предлагаемом фрагменте.

Часть ответа заключена в том, что группа специально сформирована таким образом, чтобы через определенный процесс, в котором слова являются лишь одной из внешних форм, способствовать осуществлению передачи между членами группы, между учением и учащимися и между учителем и учениками.

Именно поэтому, используя более традиционную терминологию, мы всегда говорим: «Простое присутствие на собрании мудрости несет в себе значительно больше пользы, чем любое другое обучение, практическое или теоретическое, происходящее вне подобных встреч».

Далее, присутствие на учебных занятиях — это способ, с помощью которого люди, через внутреннее развитие, а не только с помощью слов, достигают определенной стадии, и для них становится возможной прямая связь с соответствующими вещами.

Именно эти особенности реальных учебных групп, а не необходимость или желание людей объединиться в группу для удобства прослушивания лекций, лежат в основе групповой системы. По этой же причине истинное обучение, по крайней мере частично, проводится в больших и малых группах, и именно ради усовершенствования данной системы формируются подгруппы.

МИСТИКИ

В.: Как различается отношение представителей различных религий к деньгам?

О.: Это слишком всеобъемлющий вопрос для короткого ответа. Впрочем, я слышал одну историю, описывающую некоторые денежные операции подобных людей.

Умер один человек, и его друзья — группа мистиков — пришли на похороны. А в той стране был обычай класть в могилу деньги.

Так вот история рассказывает, что:

йог, который зарабатывал преподаванием, положил пять долларов;

монах, у которого с собой был монастырский ящик для сбора подаяния, положил десять долларов;

суфий, не одобрявший пустые траты, взял пятнадцать долларов наличными и положил чек на сто долларов;

Мастер дзена был могильщиком. Он забрал чек и обналичил его!

Я конечно же не рассматриваю эту историю в качестве модели действительного поведения представителей данных конфессий. Я вижу в ней модель, которая состоит в следующем: первый человек вкладывает часть того, что он заработал; второй — добавляет к этому из того, что ему дали; третий — способен использовать то, что у других пропадает впустую; и последний — берет то, что ему не предназначено. В этой аналогии речь идет о бараке — духовной силе — ее вкладывают и забирают. Ярлыки же — монах, мастер дзена и так далее — вам следует рассматривать как дополнения, не относящиеся к делу, их предназначение лишь в том, чтобы сделать историю более красочной.

ЙОГА И ПРОСВЕТЛЕНИЕ

В.: Некоторые люди говорят, что йога не связана с религией, тогда как в справочной литературе йогу называют индийским мистицизмом. Можно ли достичь просветления, выполняя йоговские упражнения?

О.: Вот рассказ, хорошо известный в самой Индии.

Один человек, прошедший через йоговские практики, медитации, особое питание и т. п., решил, что нуждается в реальном знании. Он отправился в глухомань и, найдя после долгих лет поисков в каком-то лесу аскета, стал его учеником.

Наконец мельком он увидел Реальность и осознал, что все, прежде казавшееся ему реальностью, — иллюзия. Тогда он воскликнул:

«Я стал просветленным. Вот истинная йога!» Его гуру ответил:

«Да, кажется, ты делаешь успехи, хотя и несколько торопишься. Но поясни мне, о какой такой йоге ты толкуешь?»

СИТУАЦИЯ «РАБОТЫ»

Ситуация «Работы», как и обычное предприятие, предъявляет определенный минимум требований. Если мы хотим сделать стол, у нас должны быть доски, гвозди, рабочие руки и умение.

Предположим, что какой-то человек захотел обставить дом и у него есть и материалы, и желающие помочь — из местного населения, но они не знают, что такое обставить дом. Предположим еще, что по каким-то причинам для хозяина является неудобным или невозможным объяснять окружающим весь проект в целом. Какие-то люди из их числа хотят ему помочь, и он сообщает им, что они и сами извлекут из его работы пользу. Как поступает этот человек?

Он собирает, или уже собрал, материалы. Их он адаптирует, или уже адаптировал, в соответствии с задуманной целью. Когда четыре ножки и крышка стола готовы, он делает пометки на заготовках и говорит: «Прижав этот кусок дерева к этому, забейте сюда гвозди». Когда люди справятся с задачей, будет готов стол. Теперь можно продемонстрировать, как он используется. Связь стола с другими предметами, такими как стулья, также становится очевидной тем или иным образом.

Этот человек — плотник, но его цель — обставить дом, а не просто плотничать. Единственный способ достичь подобного результата, в нашем случае, — сделать так, чтобы помощники делали работу плотников.

Все предприятие в целом туманно и трудно для понимания начинающего. Когда ему велят взять кусок дерева и обстругать его, он не видит смысла. Он желает сначала увидеть стол. Его приходится убеждать, что, обстругивая данный кусок дерева (которому предназначено стать

чем-то в конце процесса), он принимает участие в работе. Фактически, этот человек находится в ситуации работы, но желает, чтобы ему описали ее. Но время, отведенное на выполнение всей задачи, может быть очень ценным, и его нельзя тратить на объяснения.

При организации некой всесторонней деятельности начинающие плотники неизбежно работают в неведении. Великий афганский учитель Руми как-то использовал следующую аллегорию. При изготовлении шатра, говорит он, один человек вьет веревки, другой тклет материю, третий делает шесты. Для каждого важна его задача, каждый стремится к ее завершению, и в один прекрасный момент, смотрите-ка, встает шатер!

В нашей деятельности всегда необходимо помнить, что мы находимся в ситуации работы. Понимание ее смысла отдельным человеком менее важно и на самом деле менее возможно, чем эффективное выполнение задачи. Чтобы обеспечить благовидный или даже таинственный формат для осуществления подобной работы, на свет появились многочисленные организации, от которых теперь остались лишь оболочки.

Быть пойманным видимостью — плохой знак для человека.

СИТУАЦИЯ «РАБОТЫ» II

Настроившись на возможность принять участие в целенаправленной деятельности или организации, человеческий ум склонен попадать в колею автоматизма. Например, люди видят человека, который что-то делает, и все они желают делать то же самое. Они видят богатого — и хотят стать богатыми, видят уважаемого — и все жаждут быть уважаемыми. Именно этот фактор заставляет людей функционировать в целом как шестеренки в машине, довольствуясь положением рабов и в то же время поддерживая иллюзию, что они могут двигаться вверх в этой пирамиде.

Аналогично, если в ситуации «Работы» надо изготовить мебель для дома, люди предполагают, что каждому надо стать плотником. Истина же более эффективна, более сложна и значительна, чем подобное предположение.

По мере развития деятельности будет происходить вот что: одни люди найдут свою роль и выразят себя в одних аспектах этой деятельности, другие — в других. Некоторые обнаружат, что надо приобрести определенную квалификацию, другие — испытают нужду в иных способностях.

Вечная путаница, и сегодня, и в прежние дни, проистекает из того, что обычный человек предпочитает верить, что жизнь — это своего рода дорога, по которой идет каждый, и что каждый достигнет или должен достичь сходных стадий и пройти через одни и те же этапы. Опять-таки истина гораздо утонченнее. Можно сказать, что люди, думающие таким образом, автоматически проявляют отсутствие способности думать на языке внутреннего опыта, по крайней мере в данный момент. Они мыслят поверхностными категориями, полученными из опыта в весьма обычных областях, не имеющих отношения к данному вопросу.

В действительности ситуация работы тесно связана с тем, что мы называем «функцией». Функция здесь означает следующее: в любой данный момент времени человек может достигнуть прогресса лишь в той степени, в какой ему позволяют его собственные способности и текущие требования данной работы.

Некоторые люди согласны безропотно работать и ждут, чтобы им рассказали, что делать. Они считают, что этого достаточно. Им придется выучить, что подчинение работе не будет правильным, если оно совершено без определенной настроенности. Без нее они даже могут оказаться бесполезными для работы. Другие, чтобы подготовиться к чему-то большему, требуют каких-либо знаний в качестве платы. Они становятся легкой добычей профессионалов,

которые обеспечивают желающих не более чем ощущением опыта. Подобным людям в данном промежутке времени надо сначала восстановить способность быть некоторым особым образом пассивными. И первым, и вторым необходимо кое-что заработать. Они не должны предполагать, что их оценка ситуации верна.

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ

В.: Что можно получить от древних храмов и чудес света?

О.: Здесь есть несколько моментов. Большинство людей почти ничего не знает о них. Если человек намеревается получить пользу от великих произведений прошлого, ему необходимо осознать, что они содержат ценные элементы, во много раз превосходящие то, что в состоянии постичь «варварский» ум. Чтобы дать об этом какое-то представление, я укажу на факторы, которые, вероятно, покажутся вам необычными. Храмы и памятники в Китае, Греции, Египте, Южной Америке обладают многими функциями. Наименее значимая из них — впечатлять, создавать «атмосферу», воздействовать на эмоции. Указанные места использовались для определенных целей и поэтому приобрели некое качество, и, в отдельных случаях, оно все еще с ними. Лишь те, кто понимает Работу, могут использовать эту субстанцию. Иногда ее называют бараккой.

Поверхностные, одержимые идеями люди, полагающие, что пережили связанные с этими местами чудеса, обычно являются лишь «утонченными варварами». Возможно, Тадж-Махал, освещенный луной, вызывает у них эмоциональный подъем. Быть может, они являются жертвами «обусловливания»: им столько понарасказали о храме Зуба Будды, что, попав туда, они чувствуют, совершенно субъективно, что-то трансцендентное. Эти люди — всего лишь эмоционалисты.

Еще один момент — размеры и расположение определенных строений. Здание располагается соответствующим образом по многим причинам, из которых, с нашей точки зрения, эстетическое воздействие находится на последнем месте по важности. Кроме того, динамическая функция строения в том смысле, в каком это понимаем мы, возможно, уже исчерпала себя, что и произошло с большей частью греческих строений много веков назад. Ее перенесли на другие объекты, в другие места, пригодные для другого времени. То, что осталось, является оболочкой, обеспечивающей эмоциональными, интеллектуальными, математическими или иными смыслами, и они заставляют «утонченного варвара» считать увиденное чудом. Но для целей Работы и Мудрости полезность этого явления может быть равна нулю.

Люди, которые не в состоянии постичь эти весьма важные аспекты напрямую, редко даже подозревают об их существовании.

Те же, кто лишь слышал о чем-то подобном, слишком часто распространяют воображаемые и ошибочные теории, еще больше запутывающие людей.

ОСОБЫЕ СМЫСЛЫ СЛУЖЕНИЯ

В.: Не могли бы вы прокомментировать принцип служения применительно к развитию человека?

О.: Вот один аспект этого принципа.

Человек может служить другому, потому что вынужден это делать. Такая «вынужденность» обычно проистекает из эгоизма. «Я делаю это, поскольку в результате что-то получу». Мотив остается эгоистическим, даже если цель — приобретение заслуги, или, в случае религиозного контекста, — Небесного блаженства. Когда служение человеку или какому-то делу происходит

по причине потребности в подобном служении, то оно также может быть нежелательным. В современных психологических терминах эту мотивацию можно определить как мазохистскую.

Какое же служение выполняется тогда в реальном смысле — не из страха наказания, не из желания награды и не для временного удовольствия? В нашей традиции люди, подобные Рабийе и Худжвири, подчеркивают тот факт, что существует более тонкая концепция, которую должно постичь. Когда она задействована, и никак не раньше, служение действительно в целом вознаграждает и человека, и его усилия.

Обычно люди предполагают, что служение может относиться только к одной из трех упомянутых выше категорий. Подобным предположением они разрушают возможности усовершенствования своего восприятия, ошибочно принимая несвязную массу материалов, которые они не анализируют, за нечто такое, что нельзя проанализировать никаким другим методом, кроме примитивной сортировки, каковой они и занимаются.

И что же в результате?

Результат будет таким.

1. Психолог придет к ошибочному, частичному и поэтому ограниченному пониманию мышления человека и его поступков.

2. Внешний наблюдатель предположит, что любое служение — это просто механический или эмоциональный процесс, обусловленный господством одного человека над другим, или индивида над организацией, или организации над индивидом, или идеи над человеком.

3. Человек, вовлеченный в религиозную, политическую или иную деятельность, разовьет в себе привязанность, слепую привязанность, к людям, вещам или даже к идеям без какого-нибудь реального представления о правильном долге или развивающей функции «служения».

Как учатся реальному «служению»? Не у людей, просто увлекающих других в механическое или эмоциональное служение, что фактически является рабством. К ним относятся большинство так называемых духовных и других учителей, которые сами они не прорвались сквозь внешнее, незрелое представление о служении. Они увековечивают рабство и требуют рабства от других, иногда действительно полагая, что оно является реальной частью религиозного долга человека. Реальному служению учатся только у индивидов, способных видеть почему, где и какое служение отдельной личности и группы может, должно и имеет значение в любой данной ситуации, и эти ситуации они рассматривают как часть эволюционной картины человека в целом.

СИМВОЛЫ, ОСОБЕННО ЭННЕАГОН

В.: В течение многих лет я пытаюсь проследить, что означают и как используются символические фигуры; особенно меня интересует девятиугольная фигура — эннеаграмма. Почему мне не удалось отыскать изображение этой фигуры в оккультной и иной подобной литературе? И что она означает, если к ней вообще применимо такое понятие?

О.: Двумя, вроде бы короткими вопросами, включающими в себя очень много аспектов, вы на самом деле поднимаете один большой вопрос. Как вы скоро увидите, я отвечу на него в том же фрагментарном стиле, в котором он задан, ибо здесь мы не располагаем ни временем, ни возможностью рассматривать его полностью. Поэтому запомните следующую информацию, так как она чрезвычайно важна. Эннеагон, или девятиугольная фигура, отнюдь не тайна для «оккультных» кругов Запада. Например, я помню, что его изображение встречается в одном манускрипте из библиотеки

Гренобля. Вы искали недостаточно хорошо. В Европу эннеагон попал с каббалой, основанной на хорошо известном труде древнеарабского философа Ибн аль-Лейха, и этот факт

упоминается в «Наследии Ислама», в главе о математике. Таким образом, упомянутая фигура отнюдь не была тайной и в средневековых кругах.

Однако очень важно знать следующее: девятиугольная фигура может быть представлена многими способами. Один из примеров — дверь в форме девятичастной фигуры в Тур-Хасане (Башня Хасана) возле Рабата в Марокко. Другой, крайне важный для запоминания аспект состоит в том, что и диаграмма, и то, что она символизирует, передается при помощи еще одного дополнительного элемента на чертеже. Например, восьмиугольная диаграмма, имеющая в центре свободное пространство (образованное наложением двух квадратов), используется как закодированная форма энеаграммы. Однако вы поймете, в каком направлении следует искать, только если будете находиться в гармонии со смыслом энеаграммы (и великой диаграммы, частью которой она является). Нелепо просто разыскивать знакомые изображения девятиугольника, которые по формальным признакам вы могли бы признать своей «энеаграммой». Числа и диаграммы имеют для нас смысл только в том случае, если мы связаны с их подлинной сутью. Иначе ситуация подобна поиску идеи, или «сути», семени, когда вы способны узнать только виноградную косточку и полагаете, что, пока «семя» не будет найдено, вам не встретится одна из косточек.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СИМВОЛОВ ПЛАНЕТ

В.: Я много лет учился астрологии. Не могли бы вы дать мне какую-нибудь информацию о происхождении знаков планет? Кажется, тут есть какая-то тайна. Я полагаю, что они приняли свою нынешнюю форму в Средние века. Их пытаются соотнести с греческой или иной символикой, правда без особого успеха.

О.: Солнце и Луна обозначаются пиктограммами — диском и полумесяцем соответственно. Марс — стилизованная форма арабского слова (Мирикх — Марс), перевернутого при написании, что, возможно, произошло из-за ошибки в процессе ошибочного переложения арабских рукописей на латынь. Меркурий — стилизованная форма повернутого на бок арабского слова Утарид (Меркурий); знак Венеры — это название Венеры по-арабски, сокращенное до первой буквы и стилизованное. То же происхождение и у знака Сатурна. Символ Юпитера — сокращенное арабское написание Юпитера — Муштари. Ни у одной из этих форм нет никакого особого смысла, хотя позднее набожные имитаторы окружили их своего рода ореолом священной тайны, — весьма распространенное явление искажения, когда речь идет о каком-либо феномене неизвестного происхождения. Как и со многими другими реликтами Средних веков, достаточно просто хорошего знания арабских букв, чтобы понять их значение; они не являются, например, частью какой бы то ни было кодовой системы.

О ТОМ, КАК РАСПОЗНАТЬ...

Однажды я повстречал группу людей, которые разбили лагерь на природе. Их было шестеро, и каждый день, утром и вечером, одного из них — и только его — жалили дикие пчелы, роившиеся вокруг его головы, будто бы в поисках цветов.

Почему пчелы не трогали остальных? Их явно что-то привлекало в этом человеке. Понадобилось совсем немного времени, чтобы разобраться, в чем тут дело. Пчелы чувствовали ароматические вещества, входившие в состав его пены для бритья, поскольку это был запах натурального цветочного экстракта, а не синтетики!

Пчелы узнали настоящий запах, а туристы, хотя и использовали разные ароматы, в этом не разбирались. Для людей все парфюмерные запахи казались одинаково «настоящими»,

одинаково благоуханными. Пчелы — эксперты: они настроены на реальное, а люди — на подделку.

Нет сомнений, что пчелы — не совершенство, невозможно отдать им предпочтение перед людьми каким-либо разумным образом; их можно даже назвать глупыми, ведь они не осознают, что запах не обязательно исходит от цветка.

Однако, если есть необходимость отличить настоящий запах от синтетического запаха, полезно использовать пчел, а людей — бесполезно.

Можно возразить, что людям достаточно и синтетики для их целей. Пусть так. Но если взглянуть на рассказ как на аллегорию, то следует признать, что для восприятия Реального требуется нечто, воспринимающее Реальное, даже если синтетическое приносит некоторую пользу. Все зависит от того, что нам на самом деле нужно.

ТАЙНЫЙ СМЫСЛ ТЕОРИИ РЕИНКАРНАЦИИ

«Душа нисходит от Бога в грубый материальный мир. Затем она должна вернуться в мир Божественного, последовательно пройдя через шесть стадий:

Ангелов,
Демонов,
Людей,
Четвероногих,
Птиц,
Рептилий».

Это утверждение, содержащееся в традиционных учениях, по мнению буквалистов и людей, у которых отсутствует восприятие, означает, что члены человеческой расы могут «вселяться» в физическое тело одного из упомянутых шести созданий.

На самом деле учение утверждает:

Душа человеческого существа может находиться в одном из шести состояний. Каждое символизируется одним из перечисленных созданий. Хотя они и даются в нисходящем порядке, Душа может начать свое восхождение к совершенству из любого из этих состояний.

Вырождение метафорического, иллюстративного в буквальное является одной из наиболее распространенных форм деградации человеческой мысли. (Конечно, невежественное мышление точно так же может добиться обратного: убеждения, что буквальное является всего лишь метафорой.)

Цель настоящего (просветленного) учителя состоит в раскрытии (при необходимости) истинной «технологии» и смысла символов. Поэтому величайшие религиозные учителя всегда становились известны скорее как «реформаторы», чем как создатели или новаторы.

Значение «погруженности в Божественное, из которого Учитель возвращается в образе человека, чтобы устранить ошибки и научить Пути», — на самом деле, в свете вышеизложенного, становится совершенно ясным.

ЛАБОРАТОРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

В.: Как получается, что лабораторные эксперименты с экстрасенсорным восприятием, кажется, не дают результата, хотя имеются свидетельства, что такое восприятие проявляется вне специально созданной ситуации?

О.: По той же самой причине, по какой курица не будет нести вареные яйца, даже если ее поить кипятком. Человек, который знает, как и почему работают эти вещи, не будет пытаться

поставить эксперимент способом, заимствованным у обычных экспериментаторов.

Можно почти наверняка утверждать, что один старинный английский стишок намекает на такой подход:

Раз Саймон-простофиля Кита поймать решил, И к матушкиной кадке Он с сетью поспешил.

УЧИТЬСЯ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

В.: Можно ли узнать, что является основной проблемой при столкновении с желаниями людей? Велика ли разница между тем, что им необходимо, и тем, чего им хочется?

О.: На самом деле между тем, что люди считают необходимым, и тем, что им на самом деле нужно, лежит пропасть. Я часто говорю об этом. Однако сейчас я хотел бы особо выделить следующую важную проблему.

В настоящее время мы живем в царстве искажений. Это значит, что человеку, желающему действовать так, как ему следует, фактически нужно адаптировать собственное чувство направления, чтобы воспользоваться имеющимися здесь и сейчас материалами. Другими словами, утверждать, что существует непрерывная, последовательная линия развития от мышления обычного человека до того, как он мог бы мыслить, было бы неверно. Он должен сделать свою мысль утонченной, не отбрасывая при этом своего нынешнего способа мышления, ведь он задействован в большей части нашей жизни. В результате человеку необходимо развить органы восприятия, которые ему покажутся новыми.

Эту жизнь можно назвать пародией на ту «жизнь», к которой человеку следует стремиться. Пародию нужно доиграть, как пьесу. А «другую жизнь», или область правильной расстановки, или ориентации, нужно сделать целью своих устремлений.

Иной истинной цели, доступной земному человеку, нет, и никогда не было.

ОПАСНОСТИ АВТОМАТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В.: Я чувствую, что если достаточно долго буду заниматься саморазвитием, то достигну цели. Я верю, что суть метода заключается в настойчивом применении, — как в случае с Брюсом и пауком. Я изучил множество путей и теперь вижу общее направление. Я уверен, что способен следовать этому направлению в самом широком смысле. И еще я верю, что человек должен найти путь самостоятельно. Не могли бы вы высказать свое мнение по этому поводу?

О.: Не только могу, но и должен. Ваши слова о том, что вы чувствуете, основаны на допущении, что вы знаете определенные вещи. В частности, у вас даже не возникает сомнения, что вы обладаете стабильной индивидуальностью и знаете, как совершить путешествие подобного рода. Сейчас я не буду на этом останавливаться, но должен отметить, что в вопросе присутствуют и другие наивные предположения. Одно из таких предубеждений весьма опасно. Вот оно.

Вы предполагаете, что то, что подходит для более простых (менее сложных) дел, даст хорошие результаты и здесь. Например, вам известно, что такое усилие и преданность делу. Пусть вам нужно пройти, скажем, тридцать миль. Вы говорите себе, что если вы достаточно дисциплинированы и опытны в подобных пеших переходах, то вам под силу преодолеть это расстояние. Подобное чувство, с помощью присущего уму явления «переноса», заставляет вас так же автоматически мыслить и применительно к нашей области. Здесь такое мышление неуместно. Если говорить о повседневных и хорошо знакомых делах: вы уже делали нечто, подобное тому, что собираетесь предпринять в следующий момент. Другими словами, вы знаете, что делаете. В нашем случае вы не знаете. Например, в том поиске, о котором идет речь, вы

способны знать лишь некоторые, наиболее общие моменты. Но вы не высказываете никакой осведомленности об относительной важности этих факторов.

Если человеку надо пройти определенное расстояние, все, что он должен сделать, это тронуться в путь и преодолеть необходимый его отрезок. В нашей области гораздо больше измерений. Представьте, что вам надо сделать один шаг, проскочить семь с половиной, а затем спеть песню. Вы не имеете об этом ни малейшего представления. Вот она — опасность автоматических предположений. Фраза «человек должен найти путь самостоятельно» — достаточно хороша. Но она не означает для вас того, что должна была бы означать. Вам надо прилагать усилия, но не вслепую.

Вам необходимо найти выход из леса, но для того чтобы сделать это, прежде чем вы умрете от старости или сдадитесь, поддавшись замешательству, нужно обладать тем, что позволит вам настойчиво продолжать поиск. Сейчас у вас для этого есть только бесполезные предположения. Мы восхищаемся человеком, который хочет самостоятельно пересечь нехоженую пустыню. Но мы не в восторге, если у него нет ни средств, ни пищи, ни восприятий.

Суть метода в его настойчивом применении, говорите вы, но применение должно быть осмысленным. Знаете ли вы КАК? Фактически, вы говорите следующее: «Я хочу подняться на гору. Я могу поднять свои ботинки за шнурки. Поэтому надену-ка я ботинки, ухвачусь за шнурки и втяну себя наверх». Ну что ж, попробуйте. Желая куда-нибудь попасть, вы должны обладать ориентирами, чтобы им следовать, либо инструментами для навигационных расчетов. У вас нет ни того, ни другого. У вас есть лишь чувство тайны — комфортное и дразнящее ложными надеждами. У вас до сих пор нет ориентации. Но вы этого не знаете. И мало кто вам об этом скажет, ибо так устроен мир.

КАК Я ВАС ВИЖУ

В.: Когда я думаю о вас, я мысленно представляю себе одного из великих учителей древности, сидящего в окружении людей и указывающего на глупость их мнений. Меня привлекает нечто вроде сверхъестественного аромата. Не это ли заставляет людей собираться вокруг каждого истинного учителя?

О.: Если бы вы увидели меня как человека, который пришел на поле, где люди не могут вырастить картофель, потому что разрослись сорняки, и человек этот идет вдоль грядок и выпалывает сорную траву, у него, может быть, есть, а может, и нет задачи делать что-то дальше после прополки, но ему приходится делать определенные вещи в определенном порядке, даже если нетерпеливые требуют картофеля, а растения еще не окрепли, — тогда вы могли бы получить пользу от меня и моей работы.

Конечно же «согрейте руки у костра дервишей» — минимум того гостеприимства, которое они готовы вам оказать. Но принесли ли вы с собой фунт мяса, чтобы его можно было приготовить на этом огне и накормить вас? Вспомните суфийский афоризм: «тот, кто пробует, знает». Вы должны съесть приготовленное мясо, сколь бы ни были для голодного привлекательны размышления о возможности еды вообще.

В путешествии дервиши собираются вокруг своего огня, чтобы согреться и поесть. Возможно, они разговаривают, поют или танцуют. Любой пришедший погреться сможет погреться. Подобным образом обстоит дело и с другими элементами.

И лишь мотылек снова и снова бессмысленно устремляется к огню, пока не сгорит.

НЕ ДЛЯ ВАС

Один мулла, который не прожил достойной жизни, а был лицемером в одеждах аскета, оказался после смерти в аду.

К нему подошел черт, глянул в свою книгу и произнес:

«Ты грешник на 90%, а не на все 100%. То есть ты можешь сам выбрать себе мучение».

«Что это значит?» — спросил мулла.

«Это значит, — ответил черт, — что ты пойдешь со мной, посмотришь на различные мучения и сделаешь выбор».

И он повел муллу по длинному коридору, где по обе стороны были двери. В первой комнате, в которую они заглянули, людей кормили горячими углями; во второй их клеймили раскаленным железом; в третьей — рвали на части и т. д., и т. п. «Должно же где-то быть что-нибудь получше», — думал мулла и поэтому каждый раз отказывался от предлагаемых мучений.

Наконец черт открыл дверь, и там мулла увидел сидящего за столом человека в одеждах аскета. Человек пожирал клубнику, весьма аппетитно выглядывшую.

«Вот! Вот оно! Вот какое мучение я хочу!» — закричал мулла.

Черт открыл книгу и сверился с ней. «Комната 599... Нет, прошу прощения, произошла ошибка. Эта комната отведена для того, чтобы вечно мучить клубнику!»

ПРЕДУСТАНОВКИ...

Предположения (незримые соглашения) — что за поле для изучения человека!

В одной опубликованной недавно книге я прочитал, что ее автор — журналист — считает офисы газет и журналов естественными магнитами для разного рода ненормальных людей, тех, кто ищет знаков внимания, кто убежден, что с ними должны встретиться, поговорить, выслушать, оделить вниманием.

Это же мне говорили представители местной власти, особенно те, кто поживает за пуленепробиваемыми окошками в офисах социальных служб. Менеджеры банков и работники строительных организаций также считают, что люди требуют от них специального внимания, и люди эти в любой момент могут впасть в раздражение и даже неистовство. Как-то один директор сети магазинов сказал мне: «В любом магазине есть постоянные посетители, которые требуют времени, общения, подтверждения своих теорий, денег в долг, подарков, всего, о чем им случится подумать». «Теперь я понимаю, — продолжал этот человек, — почему и вне Букингемского дворца необходимы охрана и полиция».

Меня в этом контексте больше всего интересуют именно предубеждения. Передо мной лежит письмо от одной леди, которая считает, что я знаю все о прошлом, настоящем и будущем, и стремится встретиться со мной, чтобы обсудить свои проблемы. Поскольку длительный опыт — отнюдь не предвидение — говорит мне, что пользы от такой встречи не будет ни для нее, ни для меня, я несколько раз в письменной форме отклонил оказанную мне честь. Но она продолжает настаивать.

Что поражает в этой леди — равно как и в сотнях других людей, следующих подобному образцу поведения, — так это то, что она наотрез отказывается принимать утверждения «человека, который знает все». В последний раз на ее письмо я, возможно, безрассудно ответил: «Поскольку я знаю все, то знаю, что наша встреча не пойдет вам на пользу».

Никогда нельзя недооценивать изобретательность искателей внимания. Ее ответ гласил: «Я знаю, что вы знаете все. Но я также знаю, что ваш отказ со мной встретиться — это только проверка моей преданности».

Когда искатели внимания начали осаждать мой дом, звонить в дверь, притворяясь газовщиками, выкрикивая, что лучше бы мне встретиться с ними, а то мне несдобровать, я

обратился к начальнику местного полицейского участка.

В моей голове пронеслась мысль: «А не подумает ли он, что я прибегаю к своего рода трюкам и искусно придумываю истории, чтобы, если действительно обиженный человек призовет меня к ответу, я мог тотчас обратиться к полиции за помощью?» Предвидение ничего не говорило мне об этом. Поэтому я пошел к нему безо всяких предположений.

Я поведал ему свою историю, и он печально посмотрел на меня:

«Да, сэр, все, что я хочу сказать вам — так это то, что предпочел бы вашу работу своей. Двадцать человек за три месяца? Ну и что, у меня в участке было больше народу за одно утро. А доктор, что напротив, говорит, что редко когда кто-нибудь из пришедших за помощью или позвонивших действительно болен. Всем им нужно внимание, и все...»

Пожалуй, хорошо, что я сам, кажется, не нуждаюсь в неотложном внимании и не думаю, что все эти посетители пришли ко мне потому, что я очень значительный человек или что-то вроде того...

ТЕЛЕПАТИЯ

В.: Как можно развить телепатические способности? Как читают мысли и предвидят будущее?

О.: Суфиям прекрасно известно, что является необходимым для этого. Вопрос не в том, как это делать, а в том, способен ли данный человек сделать подобное.

Человеческое существо уже чувствительно к тем вещам, о которых вы спрашиваете. Сказать, что кто-то «развивает способности», — это все равно, что утверждать, будто Солнце вращается вокруг Земли: это лишь иллюзия.

Дело в том, что эмоциональное напряжение, включая и то, которое порождается желанием чего-либо, препятствует действию таких способностей.

В.: Тогда почему столь часто сообщается, что люди обретают паранормальное видение в момент эмоционального напряжения, а «беспристрастные» ученые не получают результатов?

О.: Во время эмоционального напряжения у людей никогда не бывает паранормального видения. В подобных обстоятельствах человек может обрести данную способность только тогда, когда его эмоциональное состояние истощается и он выходит за границы собственных эмоций. В этот момент, при временном отсутствии желания, у него и возникают проблески восприятия. Что же касается ученых, то они получают незначительные результаты или вовсе не получают таковых именно потому, что не «беспристрастны», — они хотят получить результат. Он для них важен. Поэтому они препятствуют проявлению указанной функции у себя и у других. Участники проводимых экспериментов тоже находятся в эмоциональных состояниях, что порождает подобный эффект.

Этот процесс описан в последнем томе Masnavi Руми, где он говорит о человеческом уме как о канале с водой, на поверхности которой плавает всякий мусор, мешающий чтению мыслей. Когда канал очищен, в воде появляется отражение того, что находится вовне. «Потворство своим желаниям, — говорит Руми, — сравнимо с загрязнением воды». Подобное потворство, включающее фантазии и иллюзии, завладевает умом и мешает ему правильно работать.

ЛЮБОПЫТСТВО

Сегодня нас посетил один человек, который принес большую пачку писем.

Он объяснил, что от нечего делать поместил в нескольких газетах и журналах долгосрочную рекламу:

«Сенсационные секреты суфиев! Пишите на абонентский ящик №...»

Число откликнувшихся было огромным. Его, однако, больше всего заинтересовало то обстоятельство, что «секретов» жаждали не только многие знаменитые индуистские, еврейские, христианские и мусульманские богословы и священники, но даже те, кто провозглашал себя суфийскими мастерами и учителями. Они, кажется, тоже нуждались в обновлении собственного знания!

«Если они все пытаются учиться у меня, а я ничего не знаю, то что же знают они?..» — удивлялся этот человек.

РАЗДЕЛ IX

НЕМНОГО АНТРОПОЛОГИИ

Если спросить: «Что вы предпочтете — немного антропологии или миллион долларов?» — большинство, разумеется, выберет миллион. Конечно, сегодня социологи, и не только они, знают, что слова людей не обязательно совпадают с их намерениями, да и не найдется столько миллионов, сколько нужно для этого теста. Однако было отмечено, что на вопрос, какую газету они читают, ответ — «Тайме» дал такое количество людей, что, будь это правдой, каждый день продавалось бы несколько миллионов экземпляров данной газеты (согласно экстраполированным статистическим данным). Таким образом, можно без особого риска предположить, что большинство людей, включая самих антропологов, предпочтут антропологии миллион долларов. Те же, кто поступит наоборот, не только статистически незначимы, но, вполне возможно, ненормальны...

Почему же выбирают деньги, а не учение? Чтобы увидеть причину, мы должны вернуться в далекое прошлое, возможно с помощью антропологии, но, конечно, выходя за ее рамки, и когда мы это сделаем, нам все станет ясно.

Рассмотрим живое существо: человека, животное, птицу или пресмыкающееся. Пока оно перемещается по некоторой территории, ничем особенно не занимаясь, жизнь его скучна и однообразна. Оно, так сказать, движется на низшей передаче.

Но вот оно случайно находит источник стимулов — допустим, положительных. Это может быть пища, секс или что-либо еще, что приносит «кайф». Такое событие делает жизнь достойной того, чтобы жить. Оно делает все вокруг более приятным. Это все равно, что найти сокровище. Только что найденный фрукт кажется вкуснее, а миллион долларов означает нечто, способное создать множество приятных стимулов. Знание, изучение, антропология ничего подобного не дают.

За стадией непосредственного поиска удовольствия следует стадия, на которой начинает работать здравый смысл или знание. Здравый смысл говорит, что человеку нужно убежище. Строить убежище не очень захватывающее занятие, не такое интересное, как получить что-то приятное, найти нечто, обладающее восхитительным вкусом, запахом или видом. Здесь в ход событий вмещивается иерархия важности.

ЕЩЕ НЕМНОГО АНТРОПОЛОГИИ

Если вы отнесетесь к европейцам или американцам как к простодушным «туземцам», они соответственно и отреагируют.

К примеру, вы можете завести с ними разговор на трудные для понимания темы или упомянуть какие-то явления предположительно высокого уровня, к которым никто не должен

относиться безучастно, и они ответят вам тем же.

Но... скажите умудренному интеллектуалу, что вы собираетесь написать его имя арабскими буквами, и он неизбежно в тот же миг попадет в ловушку, как если бы был африканцем или азиатом, впервые увидевшим фотографию, сделанную поляроидом.

Проводя демонстрацию подобного феномена, я заставлял многих профессоров, инженеров, ученых и бизнесменов умолкнуть и доверчиво слушать, всего лишь сказав им, что могу прочесть их характер по ладони.

Имеется еще немало свидетельств того, что люди реагируют в соответствии с тем, как вы с ними обращаетесь.

КАК ЭТО ВСЕ РАБОТАЕТ

С тех пор как я стал подчеркивать, что человеку необходимо научиться различать и понимать эмоциональные приливы и отливы, чтобы управлять ими, а не наоборот, на эту тему поступило много замечаний. Люди, конечно, говорят, что поскольку ими движут эмоции, то только так и может быть. Те, кто поклоняется эмоциям, вообще воображают, что эмоции будут «испорчены», если не позволять им застичь человека врасплох. Такой подход, конечно, не мешает подобным людям при возможности использовать эмоции с расчетом...

Вот очень древняя аллегория, отражающая убеждение, что в мире все устроено определенным образом и никто не может этого изменить.

История о щенке, который плакал

Жил когда-то человек, который решил убедить одну женщину в том, что некий пес — воплощение ее умершего мужа. Таким образом он рассчитывал сорвать солидный куш на продаже никому не нужной дворняжки.

И вот несколько недель он кормил голодного щенка хлебом, намазанным горчицей. У собаки, естественно, появлялись слезы.

Затем пройдоха пришел к женщине и сказал, что просто обязан продать ей этого щенка, поскольку ему было видение, что в животное вселилась душа ее умершего мужа.

Увидев, что женщина сомневается, жулик сказал:

«Я не прошу вас верить мне на слово, но вы можете убедиться в этом сами. Помните, как вы кормили вашего дорогого супруга и как ему нравилась ваша еда? Давайте напомним ему об этом. Принесите кусок хлеба, предложите щенку, и, если он проявит необычный интерес, вы своими глазами увидите, что я сказал суцую правду».

Женщина вынесла кусочек хлеба и дала его щенку, который, вместо того чтобы съесть хлеб, посмотрел на нее с укором и на глазах у него выступили слезы.

Она, конечно, купила щенка и нежно заботилась о нем, и ничто не могло ее убедить, что он не ее муж, — разве она не удостоверилась в этом лично?

ГРЫЗТЬ

В.: Я не получаю никакого удовлетворения от жизни в целом, но многое из того, что я делаю, доставляет мне удовольствие, и это делает жизнь достойной того, чтобы жить. Может ли в этом быть что-то неправильное, если я никому не причиняю вреда?

О.: Это зависит от последствий, к которым в конечном счете приводит то, что вы делаете. Если вы осведомлены об этих последствиях, то уже мудры и, полагаю, не стали бы задавать подобного вопроса.

Поэтому я могу только напомнить вам историю о мышце, которую спросили, зачем она

грызет изоляцию высоковольтного кабеля. Мышь ответила:

«Это доставляет мне удовольствие, и, кроме того, разве я причиняю кому-нибудь вред?»

СОСЕД РЫБАКА

Жил-был бедный рыбак. Заработанных денег ему еле-еле хватало, чтобы сводить концы с концами.

Однажды он вытянул невод и обнаружил в нем рыбу с золотым кольцом. Не зная, как поступить с находкой, он отнес ее к королю.

Восхищенный король дал рыбаку больше денег, чем стоило само кольцо, — несколько мешков мелких монет, — что для рыбака было куда полезнее, да и понятнее.

Придя домой, рыбак попросил своего маленького сына сходить к соседу и одолжить весы и гири, чтобы взвесить деньги.

Сосед, считая себя очень умным, решил разузнать все, что сможет, и намазал чашку весов жиром. «Что бы они ни взвешивали, — думал он, — прилипнет, и я все узнаю о его делах».

И вправду, когда ему вернули весы, на дне чашки была серебряная монетка.

Тогда сосед решил разузнать, откуда у рыбака столько денег, что их пришлось взвешивать. Они с женой по очереди принялись дежурить у рыбака под окном, чтобы подслушать все, что можно.

Беда в том, что оба они были глуховаты, хотя и не признавались в этом.

Дежуря под окном, сосед слышал, как рыбак обсуждал с женой все, что с ним произошло. Он почти все понял, но вместо слов «отнес королю золотое кольцо», ему послышалось «отнес королю целый мешок кошек» — поскольку на их языке эти две фразы звучат очень похоже.

Он тут же вернулся домой и за пару дней наловил столько кошек, сколько смог. Затем он доставил животных королю. Когда он выпустил свою добычу в тронном зале, кошки словно взбесились, покусали людей и разодрали дорогие драпировки. Конечно же соседа рыбака бросили в темницу.

Если вы пускаетесь в предприятие, не имея необходимой основы, весьма вероятно, что вас ждет нечто подобное.

Люди этого не понимают, поскольку из-за отсутствия правильной подготовки приписывают совершенно другие причины всему, что с ними случается. Что касается соседа рыбака, то он, конечно, не сделал никаких выводов из последствий собственной жадности и глухоты, и даже еще и упрекал рыбака в том, что «он знал, что я там подслушиваю, и нарочно обманул меня».

Но ведь мы-то не такие, не правда ли?

ОБЛИЧЕНИЕ

Когда-то в одном городе, в маленьком домике, жил-был дервиш. Время от времени к дервишу приходили люди, надеясь получить пользу от его поучений.

Однажды он сидел у двери своего дома, и к нему подошел человек, прибывший из далекой страны. Гость спросил, можно ли ему припасть к ногам хозяина, чтобы набраться мудрости.

«Добро пожаловать», — ответил дервиш.

А надо сказать, что посетитель этот много лет слушал рассказы о мудрости и святости нашего дервиша и в течение многих месяцев копил деньги на далекое путешествие, чтобы повидать его. И вот теперь он стал опасаться, что, возможно, ошибся, приписав дервишу столь высокие качества.

Каждый раз, когда он посещал дервиша, святой человек просто сидел, не делаясь ни с кем

своей мудростью и не обращая внимания на прибывшего гостя. И в еще большее недоумение приводило пришельца то, что дервиш ничего не предпринимал по поводу криков и шума, постоянно доносившихся из соседнего дома. Там жил пьяница, который, казалось, трезвым не бывал никогда.

Наконец наш посетитель набрался смелости и сказал дервишу:

«Умоляю вас, господин, скажите, почему вы не обличаете пьяницу из соседнего дома, он ведь постоянно нарушает ваше спокойствие, и, более того, в этих краях пьянство запрещено законом, поэтому сообщить о нем властям — долг каждого человека, как личный, так и общественный».

Дервиш тяжело вздохнул и ответил:

«Трудно выполнять социальный долг ценой своего эгоизма. Мой сосед склонен к пьянству. Я же склонен обличать людей. Обличая его, я буду питать и усиливать свою склонность. Пусть обличают те, кто уже сполна заплатил свой долг обществу или вообще не нуждаются в этом».

«Зачем же ему страдать, если его можно излечить?»

«Я начну беспокоиться о других, когда моя склонность ослабнет», — сказал дервиш.

На основании этих слов путешественник пришел к убеждению, что дервиш эгоистичен и потому человек недостойный.

ПУСТЯКИ

Однажды суфий и его ученик, отдыхая на высокой скале, заметили, как внизу разбойники напали на двух человек.

Наблюдатели были слишком далеко, чтобы вмешаться. Разбойники же скрылись сразу после нападения.

Когда суфий и его спутник спустились к месту, где были ограблены люди (которые оказались купцами), они увидели, что те с трудом выбирают обратную дорогу. Пришедшие перевязали купцам раны и предложили им подкрепиться тем немногим, что у них было. Ученик был изумлен, увидев, как суфий поцеловал обоим путникам руки.

«Баба, почему вы поцеловали руку этому человеку?» — спросил он суфия.

«Потому что он, несмотря на свой возраст, сражался с разбойниками как подобает настоящему мужчине, пока они не обратили его в бегство».

«В таком случае я не могу понять, почему вы поцеловали руку второму купцу. В конце концов он ведь убежал, бросив старшего товарища одного».

«Более молодой купец не нуждается в отваге, ибо обладает восприятием. Он знал две вещи, которые не воспринимал никто из присутствующих. Во-первых, если бы в бой вступили все четверо, то схватка пошла бы совсем по-другому и было бы выбито три глаза. Во-вторых, его храбрость вызвала бы такое восхищение у остальных, что они так и остались бы рабами эмоций и впоследствии везде бы их искали: в любви и на войне, в коммерции и преступлении, в играх и пустяках. Они бы совсем оставили всякие духовные усилия».

СМИРЕНИЕ

Некий миссионер, одержимый смирением, посетил современного дервиша, и между ними произошел следующий диалог:

«Есть ли что-нибудь хуже отсутствия смирения?»

«Есть. Привлечение внимания к отсутствию смирения в других людях — хуже».

«А что лучше, чем умеренность?»

«Уверенность в себе, когда самоуверенность необходима». «Когда же она необходима?»

«Когда завистливые люди, желая заставить вас замолчать, хотят, чтобы вы были “смирненными”».

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Здравый смысл вновь и вновь прорывается даже сквозь толщу самых жестких бюрократических препонов. Возможно, это обстоятельство — одна из причин, почему столь важен юмор. Тираны, угнетающие других людей и сами угнетенные идеями и воспитанием, почти никогда не обладают чувством юмора. Итак, стремитесь отыскивать и поддерживать юмор.

Как-то раз, приехав в одну страну, я проходил иммиграционный контроль. Чиновник, задававший мне вопросы из бесконечного списка, имел весьма суровый вид.

И вот, выяснив имя бабушки моего отца, он неожиданно расхохотался.

Я вежливо ждал. Немного успокоившись, он сказал: «Однажды, когда я задал одному человеку следующий по списку вопрос: “Вас когда-нибудь признавали невменяемым?”, он печально ответил: “Нет, никогда, но теперь я к этому готов!”»

АНАЛОГИЯ

В.: Не могли бы вы привести аналогию нашей ситуации в смысле существования иного измерения, которое мы не можем реально постичь?

О.: В действительности аналогия сама по себе почти что бесполезна до тех пор, пока человек не сможет правильным образом ее постичь. Для вас я лишь обозначу подобную возможность в терминах знакомого опыта, но это не будет подлинной аналогией. Тем не менее вот она.

Вы сидите в самолете и едите сэндвич. Самолет, вы и сэндвич мчитесь в пространстве со скоростью несколько сот миль в час. Но до тех пор, пока вы не выглянете в иллюминатор и не посмотрите в течение нескольких мгновений на какую-нибудь неподвижную точку внизу, вы не сможете этого осознать. С практической точки зрения, вы не принимаете полета в расчет, потому что вам не кажется, что он на вас влияет.

Скорость же сама по себе не воспринимается.

ПРИЯТНЫЙ

Один мудрый человек как-то поведал мне следующий случай.

Некий ученый-грамотей, полный зависти и внутренних сомнений, поднялся однажды на кафедру для проповедей и подверг меня резкой критике.

Впоследствии, во время ужина, принимавший нас хозяин спросил меня, почему этот ученый был столь ожесточен — чем я настолько вывел его из себя?

Прежде чем я успел ответить, вмешался другой гость, настоящий мудрец.

«Господин, — обратился он к нашему хозяину, — если бы вы знали этого ученого так, как я, вы бы сформулировали свой вопрос по-другому!»

«В самом деле? — сказал хозяин. — Что же вы знаете об этом ученом такого, что полностью изменило бы вопрос?»

«Если бы вы знали его, как я, — продолжил мудрец, — вы бы поняли, что на самом деле он пытался ПОНРАВИТЬСЯ!»

ОСОЗНАНИЕ ДОБРА

В.: Вы рассказали историю о том, как человека отругали по телефону. Забавная история. Но кажется, что человек, который отругал девушку, немного получил. Да и девушка ничего не получила, ведь она не несет ответственности за сложившуюся ситуацию. Что хорошего принесло это действие?

О.: В самом деле, что? Яблоко упало с дерева. Что в этом хорошего? Кто-то поднял его и съел. Что хорошего в этом? Когда сгнила сердцевина, проросли семена и выросло дерево. Что хорошего случилось? Упадет больше яблок, больше яблок будет съедено, больше семян прорастет и так далее. Что хорошего во всем, что делается? Вы думаете, что подобные вещи могут быть поняты в таком ключе?

Запомните: «две неправды не приведут к правде». Прекрасно, а к чему же приведут две неправды? К чему приведет правда? А две «правды»? О чем именно вы спрашиваете? Фактически вы спрашиваете о чем-то таком, что можно охватить только восприятием. До тех пор, пока вы будете продолжать выхватывать обрывки каких-то понятий и относить их к какому-то виду индивидуального «добра», вы не сумеете понять, что такое добро и зло. «Какая удача! Я выиграл целое состояние!» «Как жаль! На эти деньги я напился вусмерть!» «Какая напасть! Кто-то стащил у него все деньги». «И в плохом можно найти что-то хорошее». «Нет худа без добра».

В.: Конечно, однако я ЗНАЮ, что где-то внутри себя я ощущаю добро и отвергаю зло.

О.: Если вы знаете, не пытайтесь отождествлять это с поверхностно оцененным, фрагментарным и искусственно «замороженным», неподвижным «добром». Следуйте тому «добрю», что внутри вас, и пользуйтесь им. Как же можно совмещать и то добро, и это? Если вы опасаетесь, что внутреннего ощущения добра в действительности нет, тогда, конечно, вы будете просто тешить себя тем, что «в любой момент сможете обратиться к добру, стоит только захотеть», — и продолжите оценивать вещи старым и абсурдным способом.

В.: Но не предоставляется ли в этом случае человеку как бы право делать все, что заблагорассудится, оговариваясь, что есть в этом некое добро; или что по меньшей мере нет «зла» в том, что реально именно им и является?

О.: Нет, такого не случится, если только вы пришли к познанию паттерна (узора), РЕАЛЬНОМУ осознанию добра, являющемуся вашим внутренним, вполне ощутимым опытом. С развитием этого опыта вы будете следовать не воображаемому, а «независимому» (объективному) добру. Если у вас такого опыта еще нет, следуйте добру, основанному на оценке. Однако не пытайтесь во всем разобраться или разгадать добро, потому что подобная задача невыполнима. Вы используете слишком грубый метод: поняв это, вы, по крайней мере, достигнете какого-то результата. Возможно, с этого момента вы начнете развиваться, хотя не факт, что так оно и случится. Одна из самых трудных вещей — понять, где же находится стартовая точка. Человек пытается стартовать с места, находящегося значительно дальше той позиции, откуда он мог бы реально начать свой путь.

СКОЛЬКО МИЛЬ?..

В.: Вы часто сетуете на то, что суфийские материалы представляют люди, неосведомленные или не имеющие полномочий. Разве в этом может быть что-то плохое? Разве какая-нибудь информация не лучше, чем вообще ничего? Разве может не быть полезным простое накопление фактов и аргументов?

О.: Остановитесь, вы задаете вопрос за вопросом, и это начинает звучать риторически.

Суфийское знание — это опыт, а не накопление фактов и аргументов.

Нет никакой необходимости в постоянном увеличении количества информации о суфиях и суфийском опыте. Чем больше у вас этих сведений, тем более незрелый результат вы получаете и к тому же истощаете суфийское содержание.

Знаете ли вы, какая стопка получится из листа бумаги толщиной в одну тысячную дюйма, если пятьдесят раз сложить его вдвое?

В.: Дюйм?

О.: Нет, попробуйте еще раз. В.: 20 дюймов? О.: Нет. В.: Сдаюсь.

О.: Видите, вы даже отдаленно не можете себе представить, каков правильный ответ для таких строго материальных вопросов, что же говорить о более тонких. А ответ такой: если пятьдесят раз сложить лист толщиной в одну тысячную дюйма — при условии, что это возможно, — получится стопка бумаги толщиной более чем семнадцать миллионов миль.

«Удвоение» инертных фактов только увеличивает их мертвый груз.

ТЕРПЕНИЕ, ВЕРА И ЧЕСТЬ

На Востоке, как и во многих странах Запада, нет права первородства. Это означает, что сыновья королей и других титулованных лиц не наследуют автоматически высокий ранг, а должны его заслужить. Отец решает, кто из кандидатов наиболее достоин.

Жил некогда король, у которого было трое сыновей. Однажды он почувствовал, что пришло время назвать своего преемника, и велел своим сыновьям отправиться в мир на поиски.

«Отправляйтесь по свету — искать себе жену, ибо наследнику трона следует иметь супругу. Моим преемником будет тот, кто вместе со своей невестой принесет самый ценный дар», — сказал им отец на прощание.

Так, трое юношей, каждый со своими собственными представлениями, отправились в путь. Первый принц вернулся через несколько дней с принцессой из соседней страны и с огромным богатством: тремя тысячами верблюдов, груженными золотом, серебром и драгоценными камнями.

«Все это предназначается для укрепления нашего королевства, — сказал он отцу. — Сомневаюсь, смогут ли другие братья привезти что-либо столь же великолепное».

Второй сын все еще искал себе сказочно богатую невесту, когда весть об успехе первого сына достигла его ушей. Он понял, что здесь не сможет соперничать с братом, и принялся размышлять, что делать. В конце концов он выбрал себе в жены женщину выдающихся качеств. Она была поэтесса и философ, искушенная в любой отрасли знаний.

«Эта госпожа, — доложил он отцу, — будет более драгоценна для нашей страны и подданных, чем любое сокровище».

Третий сын, никогда не придававший большого значения богатству или интеллекту, просто отпустил поводья своего верблюда, полагаясь на его чутье, и поехал, куда тот его повез, все дальше и дальше в джунгли, ожидая, что ему принесет судьба и что с этим можно будет сделать.

Прошло много дней, и принц оказался в стране, где высилось множество превосходных зданий и колосились обширные поля. Прежде чем он успел разузнать что-либо об этом месте, его схватила стая обезьян, привела его во дворец и заперла в тюрьме, глубоко под землей.

Пленнику доставляли еду и выводили на прогулки, и постепенно принц стал осознавать, что в этом царстве живут и правят обезьяны, такие как те, что схватили его.

Эти обезьяны не были похожи ни на каких других известных ему обезьян и в значительной степени вели себя как люди. Они возделывали землю, проводили дебаты, принимали законы, даже читали книги. Они делали все это по-своему, и многие их привычки ужасали принца. Более

того, он был не в состоянии понять больше, чем несколько слов из их языка, основанного на хрюканье, хохоте и столах.

Он выяснил, что среди обезьян жили и другие люди, — все пленники, как и он сам. Ему не разрешали разговаривать с этими несчастными, и освобождение из плена представлялось ему совершенно невозможным делом.

Однажды ночью он услышал в камере голос, и голос этот был женским: «Принц, ты возьмешь меня в жены?»

Поначалу он решил, что все ему мерещится, но голос повторял свой вопрос ночь за ночью. Принц пришел к выводу, что с ним говорит реальное существо. Голос обладал странной, непреодолимой красотой, и принц, не видя его обладательницы, влюбился. В конце концов он ответил: «Да, я возьму тебя в жены».

На следующее утро обезьяны забрали принца из тюрьмы, помыли, накормили и доставили во дворец. Он увидел фигуру женщины, полностью скрытую покрывалом, сидящую на подушках и окруженную всеми принадлежностями для бракосочетания. Вокруг собрались также и плененные обезьянами люди, включая муллу и свидетелей. Слуги-люди внесли в зал розовую воду и великолепные фрукты.

Во время церемонии наконец настал момент снять с невесты покрывало, и принц смог впервые увидеть ее. Он взглянул на обладательницу мелодичного голоса и, о боже, — перед ним была обезьяна!

Позабыв прекрасный голос, принц, ужаснувшись, поначалу отпрянул от нее. Затем он стал размышлять: «Я дал слово, слово принца, и должен держать его. Терпение спасет меня, если в терпении вообще есть смысл. Во всяком случае, я должен выполнить свое обязательство — во имя собственной чести».

Руководствуясь этими доводами, он подписал брачный контракт.

Только он поставил свою подпись, как обезьяна превратилась в принцессу — девушку восхитительной красоты. Ее отец — большая обезьяна на троне — превратился в мужчину-короля. Он сказал: «Знай, о принц, что на самом деле мы люди. Один волшебник обратил нас в обезьян, наказав за неверие. Мы должны были ожидать, пока не появится человек, обладающий терпением, честью и верой. Вот почему, в поисках такого человека, мы брали в плен как можно больше людей». Затем он с великой радостью и благодарностью заключил своего зятя в объятия.

Юный принц со своей женой, в сопровождении огромного отряда слуг-обезьян, — ибо большинство людей не приняли своего прежнего облика — вернулся на родину.

По возвращении они отправились во дворец к королю и поведали ему о своих приключениях. Король слушал их, погрузив голову размышления в карман мудрости, и сказал, когда они закончили свой рассказ:

«Три подарка принесли мои сыновья, и лучший из них — твой, мой сын и преемник! Ибо этот подарок — терпение, вера и честь — должен цениться гораздо выше, чем материальные блага или интеллект».

При этих словах все обезьяны, которые были в свите принца, чудесным образом превратились обратно в людей. Их глава обратился к королю:

«О Фонтан Мудрости! Знай, что, хотя многие наши сограждане были освобождены от чар колдовства благодаря помыслам и поступкам твоего благородного сына, некоторые не освободились. Мы должны были ожидать, пока не появится тот, кто на самом деле оценит подобающие мысли и поступки выше, чем богатство или хитрость; кто, подобно вам, на деле докажет свою преданность этим ценностям». — Затем в знак уважения глава каравана поцеловал королю руку.

Удивительно, что после этих событий все, кто в той стране поклонялись педантизму или

бессодержательному мышлению, деньгам или вещам, обнаружили, что превратились в обезьян.

После смерти доброго короля принц и его супруга много лет правили страной счастливо и справедливо. А люди, по своим злым словам и делам ставшие обезьянами, должны были ждать появления другого спасителя, который не преминул появиться по истечении долгого срока, достаточного для того, чтобы заколдованные существа могли хорошенько обдумать все то зло, которое они творили.

ХРАБРЫЙ КУПЕЦ В ОБЛИЧИИ ВОИНА

Жил некогда богатый человек. Весь его жизненный опыт сводился вот к чему: он покупал что ему вздумается, вознаграждая себя тем, что его богатство производило огромное впечатление на других людей, и сам себе придумывал различные занятия.

Его жена, видя, как он обделен, не получая от жизни того, что имеют другие люди, предложила ему попытать счастья в торговле.

«Ну, разумеется, дорогая, — сказал он, — если ты обеспечишь меня подобающим транспортом и товарами, я буду только рад испытать свой жребий в купеческом деле. Раз уж моя удача и благоразумие привели меня туда, где я сегодня нахожусь, они, несомненно, поведут меня и дальше».

Итак, женщина устроила, чтобы муж ее смог купить несколько мешков пшеницы, одела его в одежды купца, и вот уже он, знатно восседая на статном рысаке и в сопровождении мула, навьюченного мешками пшеницы, важно тронулся вослед своей счастливой звезде.

Так он проехал какое-то время, пока не стало смеркаться, и тут решил остановиться на привал. Свернув с дороги, наш путешественник подъехал к каменному валуну, спешился, привязал своих животных и улегся спать.

А возле того места, где он устроился для ночного отдыха, находился вход в пещеру, в которой решила заночевать группа купцов. Утомленные длинной дорогой и непомерно тяжелым грузом ценных товаров, они вошли вовнутрь, положив на землю перед входом рожок, чтобы тот из них, кто услышит ночью какой-нибудь подозрительный шум, мог, не теряя времени, подать сигнал и разбудить спящих товарищей — на тот случай, если им придется защищать себя и свое имущество и отражать нападение разбойников.

Купцы конечно же в темноте не заметили другого путешественника, спавшего у входа в пещеру, и он тоже не почувствовал их приближения.

Спящий купец ворочался во сне с боку на бок, и рожок тоже несколько раз перекатился по склону в его направлении, и тут, о, чудо, мундштук рожка встретился с губами спящего, как раз когда тот, погруженный в глубокий сон, глубоко вздохнул. Рожок громко задудел и разбудил купцов, которые проснулись в великом страхе, а наш герой продолжал безмятежно спать.

Оглядевшись вокруг и обнаружив, что все они находятся внутри пещеры и никто ее не покидал, купцы задались вопросом, кто же дунул в рожок.

Они незамедлительно пришли к выводу, что окружены мощной бандой дерзких разбойников, которые вызвали их на бой и в любой момент могут ворваться в пещеру и устроить там резню. От одной этой мысли купцы буквально лишились рассудка и в страшной панике ринулись вон из укрытия, разбежавшись кто куда и оставив все свое имущество внутри.

Один из них, наткнувшись в своем стремительном бегстве на лошадь новоявленного купца, вскочил на нее и умчался прочь. Весь этот переполох разбудил спящего. Дождавшись рассвета, наш герой стал искать свою лошадь, но ее не нашел, зато обнаружил множество товара, оставленного в пещере. Осмотрев его, он подумал: «Видать, они очень спешили совершить со мной сделку, но, как мне кажется с первой прикидки, это был справедливый обмен».

Итак, он забрал весь тот товар, который бросили купцы, и отправился в обратный путь, стремясь в свой город навстречу триумфу. Толпы людей высыпали на улицу, едва заслышав о его победном возвращении. Вокруг только и говорили: «Он рожден под счастливой звездой! Но одного везения тут мало, обменять лошадь на куш, достойный короля, смог бы только купец высшего класса, мастер купеческого сословия!»

Наш герой тоже был совершенно убежден в том, что достиг высшего мастерства на новоизбранном поприще. Только жена, хорошо знавшая своего мужа, догадалась, что во всей этой истории ее супруг заметил далеко не все.

Как правило, люди пытаются найти любому событию какие-либо очевидные объяснения, и наш богатей, как нечто само собой разумеющееся, принял свои собственные фантазии о причине и следствии случившегося. И вот он сказал своей жене:

«Ты была совершенно права, говоря о том, что мне следует расширить свой жизненный опыт. А теперь, когда я всем показал, что могу быть успешным купцом, почему бы мне не стать охотником».

Его жена с ним согласилась. Но ее не покидала мысль, что за фасадом видимого скрывается реальность, и именно это она решила выяснить. Экипировав своего мужа необходимым оружием и лошадью, она попрощалась с ним и так напутствовала его в дорогу:

«Охота — достойное занятие для мужчины, но знай, что дорога полна опасностей. Вооруженный человек может столкнуться с крепкими молодцами, искушенными в противоборствах. Они бороздят дороги в поисках достойного противника и не упустят случая доказать свою удачу, вызвав на бой первого встречного».

Но богатый человек, который стал купцом, потом решил сделаться охотником, а теперь почувствовал себя воином, ответил:

«Я тронут твоей заботой, однако, мне нет никакой нужды в твоём предупреждении и поддержке. Хоть какой герой, пусть он только посмеет ко мне приблизиться, я знаю, что обращу его в бегство!»

И вот новоиспеченный охотник тронулся в путь.

Только он скрылся из виду, как его жена облачилась в воинские доспехи и, чтобы остаться неузнанной, прикрыла лицо концом своего тюрбана. Затем она вскочила на быстрого коня и поскакала к месту, мимо которого вскоре должен был пройти ее муж.

Увидев, что он приближается, женщина выхватила меч и помчалась ему навстречу, закричав низким голосом:

«Если ты мужчина, остановись и прими бой!»

Муж затрепетал от страха. Спрыгнув на землю, он снял с себя оружие и предложил грозному противнику и его, и свою лошадь, умоляя о пощаде. Переодетая жена забрала трофеи и ускакала прочь. Она успела надежно спрятать их до того, как спустя несколько часов вернулся домой ее муж, весь покрытый пылью.

«Что с тобой приключилось, любезный супруг? — спросила его жена. — Ты выглядишь так, словно побывал в какой-то переделке».

«Ничего особенного не случилось, — мрачно прогремел герой. — Я столкнулся в дороге с самым лютым и опасным рыцарем, какой только есть на всем свете, лицо его было скрыто тюрбаном. Но я без труда одолел его и обратил в бегство!»

«А где твоя лошадь, твое оружие?» — спросила жена.

«Неужели ты не помнишь, о женщина, что, нажив торговлей огромную прибыль, я отказался от нее, чтобы посвятить себя отважному ремеслу ратного подвига. И вот теперь, победив величайшего рыцаря дорог, я более не нуждаюсь в рыцарских атрибутах и потому милостиво отдал ему все это, чтобы хоть как-то сгладить его позор!»

«И что теперь?» — полюбопытствовала жена. «Теперь я готов для новых приключений».

КЛАД

Жил-был один весьма почитаемый дервиш. Жил он в небольшой келье. Мимо пролегал караванный путь, и дервиш с усердием отдавался религиозной практике в своем жилище.

Однажды группа купцов принесла ему в подношение много золота и, оставив дар у дверей, ушла. На следующее утро золота уже не было на прежнем месте, и жители соседнего городка, которым странствующие купцы рассказали о своем подарке, стали думать, не присвоил ли дервиш этот благотворительный дар себе.

Много лет спустя дервиш умер, и люди начали строить над его прахом гробницу (maqbara). Внутри нее должна была находиться келья святого. Когда они работали, стена кельи треснула и обнаружился замурованный клад с золотыми монетами. На сундуке с золотом было нацарапано такое послание:

«Сокровище спрятано, дабы отвратить искушение. И ты, нашедший его, берегись оказаться во власти искушения».

Дервиши любят рассказывать эту историю, чтобы показать, как часто их братьев не понимают и как те работают над преодолением искушений, а также и простым людям помогают их избегать.

Но историю эту рассказывают также и суфии, и другие люди, иллюстрируя различие между дервишем и суфием. Дервиш — это человек правил, он вынужден строго придерживаться верований и различных практик, потому что фактически он ничего не знает.

А суфий — тот, кто знает, как, например, отстраниться от искушения или наилучшим образом использовать золото, предлагаемое в дар.

Не следует думать, однако, что суфии и дервиши противопоставляют себя друг другу.

Дервиш является высшим моральным образцом обычного человека; суфий — высший образец человека сознательного.

МУЗЫКА И ДОБРОТА

В.: Сегодня стаю широко известно, насколько твердо суфии настаивают на том, что, если мы хотим устранить отрицательное воздействие музыки, ее следует исполнять и слушать в высшей степени избирательно. Исполняя ее для случайной аудитории, люди, сами того не зная, подвергают себя весьма нежелательному влиянию. Существует ли какое-то доказательство подобного негативного эффекта музыки, которое могло бы убедить обычного человека в истинности этого утверждения? Ведь вне суфийских кругов предполагается, что музыка несет доброту и относится к вещам возвышенным...

О.: Суфии не считают это большой проблемой, поскольку нет никакой нужды в «доказательствах», если заявление столь авторитетно. Кроме того, никто не пытается кого-то в чем-то убеждать.

Отметив это как некую данность, мы, однако, можем вас проинформировать, что многие люди, потрудившиеся исследовать затронутый вами вопрос даже на более низком уровне, совершенно точно установили возможность негативного воздействия музыки.

Если бы вы прослушали передачу Би-би-си, вышедшую в эфир 24 декабря 1981 года между 7 и 8 часами утра, то есть когда по всем каналам вещания то и дело исполняют рождественские хоралы, вы бы поняли, о чем я говорю.

В этой передаче процитировали сообщение одного канадского исследователя об

эксперименте с рождественскими хорами, проведенном в 1981 году.

Этот исследователь собрал две группы людей. Одной группе он дал прослушать хоралы, а другая такое же время провела в тишине. Затем он описал одно и то же «преступление» обеим группам и спросил участников, к какому наказанию они приговорили бы виновного. Те, кто не слушал музыку, присудили преступнику «пять лет» тюрьмы. Те же, кто подвергся влиянию возвышенных песнопений, предпочли осудить виновного на все одиннадцать лет.

Мир и доброта не производятся воспеванием этих добродетелей, на самом деле здесь может работать даже «закон обратного действия», что и показал эксперимент.

Вот что происходит в этом случае с точки зрения суфия: вовсе не духовное начало, а эмоции под влиянием музыки достигают наивысшего накала и, воздействуя на невозрожденное Я, выносят на поверхность те глубоко затаившиеся качества ума, которых не коснулось воспитание. Сама же музыка предположительно облагораживающая человека, не только не улучшает подобные качества, но, возможно, даже усиливает их.

ВНУТРЕННЕЕ ЗНАЧЕНИЕ МУЗЫКИ

В.: Я очень люблю музыку. Я чувствую, что великие композиторы и музыканты добавляют в нашу жизнь нечто очень важное — некое дополнительное измерение. Я это очень ценю. Не могли бы вы рассказать о месте музыки в учениях, предназначенных пробуждать высшее сознание?

О.: Всегда помните два момента. Первый: люди извлекают из всего именно то питание, которое они подготовлены и приспособлены получать. Второй: музыка, будучи продуктом ума определенного типа, или ума, находящегося в некотором состоянии, будет отражать этот ум. Я вижу, что современные музыканты и любители музыки не интересуются подобными факторами, если вообще когда-либо слышали о них. Сейчас я расскажу об этом подробнее.

Музыку можно использовать, и уже используют, для увеличения надоев молока у коров. Как видите, на коров музыка действует. Что касается людей, то они просто получают ощущение, что музыка «дает» им нечто. В некоторых случаях музыка «дает» им не более чем средство, или инструмент, для снятия эмоционального напряжения. Музыка должна быть написана, исполнена и пережита только тем, кто знает ее потенциальную роль в формирующей или развивающей сфере, и тогда она сможет реализовывать соответствующую функцию. Это подводит нас к пониманию музыки как гораздо более важного явления, чем считает большинство людей. Музыку можно использовать, и так периодически происходит, просто как некий тренирующий, или «обуславливающий», элемент, вызывающий определенные эмоции. Человек, пишущий, исполняющий или слушающий такую музыку, вероятно, в основном в силу социальной привычки, полагает, что извлекает из процесса что-то ценное, но это ценное на самом деле весьма далеко от того, что он действительно получает или мог бы получить.

Музыку можно понять и участвовать в ней только посредством высшего восприятия, посредством ума, который способен извлекать из музыки то, что она действительно содержит. Это может случиться лишь, если человек:

знает об этом факте;

знает, как слушать и понимать;

слушает в то время и при тех условиях, которые подходят для желаемого развития.

ТО, ЧТО ЗА ИМИДЖЕМ

В.: Мы все знаем, что люди оценивают других по внешности и считают, что создание

хорошего и эффективного «имиджа» важнее, чем сам человек. Что же плохого в «имидже»?

О.: В этом смысле в имидже нет ничего плохого, но если за «имиджем» ничего нет, то это может свидетельствовать о недостатке мужества и привести только к слишком хорошим результатам, как в случае с философом и улицей дурной славы.

ФИЛОСОФ И УЛИЦА ДУРНОЙ СЛАВЫ

Жил когда-то философ, который верил, что внешнее отражает действительное настолько точно, что если люди совершают поступки, которые выглядят хорошими, то сами эти люди — хорошие. Он также полагал, что человек должен избегать выглядеть плохим, чтобы люди не подумали, что он и в самом деле плохой человек.

Как-то один суфий сказал ему:

«Если то, что выглядит добротой, и считать добротой, то как же тогда назвать настоящую доброту? С другой стороны, если люди думают, что нечто является плохим только потому, что выглядит таким, то как мы назовем хорошее, которое выглядит плохим, или, наоборот, плохое, если оно выглядит хорошим?»

Философ ответил так:

«Все это словесные выкрутасы. Я верю, что делать хорошее — хорошо».

А надо сказать, что философ был очень близорук и поэтому редко отваживался выходить из дому в одиночку. Но однажды он все же решился прогуляться по городу.

В итоге он заблудился и оказался в тупике, где стоял лишь дом дурной славы. По чистой случайности несколько уважаемых людей того города оказались поблизости и увидели нашего бедолагу в этом злосчастном месте.

Молва о том, что философа видели там, где ему быть не следовало, разнеслась по городу с невероятной скоростью.

Его ученики пришли к нему и потребовали объяснений.

Философ произнес:

«Дорогие друзья, я могу сказать только одно: я совершил ошибку из-за своего плохого зрения. Я советую вам прислушаться к тому, что говорил суфий на эту тему и о такого рода подозрениях и суждениях».

Но ученики закричали:

«Давайте немедленно покинем этого низкого человека! Он не только опозорил всех нас своим поступком, но и поддерживает того пресловутого суфия, который, как все мы знаем, заявляет, что внешнее не имеет значения!»

Философ конечно же испортил себе репутацию, а также потерял всех своих учеников, поскольку слишком хорошо учил их смотреть только на внешнее. Теперь они не смогли понять его именно потому, что раньше усердно ему внимали.

ПУТЬ УПРЕКА

В.: Вы говорили о Пути Упрека. Не могли бы вы рассказать о нем побольше?

О.: В Персии Путь Упрека называют Рахималамат. Хотя это и называется «путем», в действительности речь идет о некой фазе деятельности. Путь этот используют многими способами. О большинстве этих способов на Западе даже не подозревают. Некоторые способы применения системы Маламати* известны только специалистам или тем, кто проходит курс обучения Маламати.

Метод Маламати присутствует во многих историях о мулле Насреддине. Говорят, что

масонские идеи также весьма сходны с этим методом. Масоны, общавшиеся в Турции с людьми Маламати, говорили о наличии ритуалистического сходства.

Учитель навлекает на себя «упрек». Он, например, может приписать себе какой-нибудь плохой поступок для того, чтобы, не критикуя ученика напрямую, научить его, как себя вести. Прямую критику плохих черт, являющихся препятствием, не всегда можно использовать для их преодоления. Вот здесь и оказывается полезной техника Маламати.

Если вы говорите: «У меня есть плохая привычка делать или думать так-то и так-то», вы устраняете в ученике личностный аспект и этим самым препятствуете тому, чтобы его самолюбие отклонило или впитало ваши замечания.

Многие даже используют поведение Маламати (заслуживающих порицания), выдавая себя за злодеев, чтобы таким образом высветить соответствующие черты в других людях. Дело в том, что человек, глядя на кого-то другого, кто что-то говорит или делает, будет склонен судить его по себе. Руми и другие называют этот феномен: «держат перед собой зеркало и называют отражение другим человеком».

* Заслуживающие порицания. —Прим. автора.

Соблазн применять эту технику в массовом порядке характеризует гумрахи (заблудшего) или руководителя с ограниченными возможностями. Поведение Маламати можно использовать только с величайшей осторожностью.

Первым человеком, сделавшим эту систему публично известной, был Дхун-Нун Мисри, «Господин рыб», с которым связывают интерпретацию древних египетских учений.

ПЕРСПЕКТИВА

В.: Вы говорите, что вам не нравится, когда книги используют для того, чтобы получить знак или ответ на вопрос. Однако я обнаружил, что, если я чем-то обеспокоен, мне становится гораздо лучше, если я открываю наугад одну из святых книг и читаю в том месте, куда упал мой взгляд. И, как правило, так можно найти еще и хороший совет.

О.: О знаках и тому подобном: вам следовало бы знать, что, когда людям, рожденным, скажем, «под знаком Близнецов», показывают «гороскоп», составленный для «Овнов», «Тельцов» или других знаков зодиака, они в подавляющем большинстве утверждают, что описание в точности соответствует их личности. Если, конечно, им сказать, что они читают свой гороскоп, а не какой-то другой. То есть здесь мы имеем дело с внушением.

Что же касается ценности того, что дарит вам замечательные чувства, сколь бы причудливым ни был источник, вы не принимаете во внимание следующего: действия, от которых вы чувствуете себя лучше, могут с таким же успехом способствовать превращению вас в менее качественное, а не просто чувствующее существо.

Вот короткая история на эту тему. Она предназначена для того, чтобы указывать перспективу, которая отсутствует у людей с вашим подходом.

Жила-была пожилая дама. Она решила избавиться от курицы, поскольку та перестала нестись. Дама взяла курицу и пошла на рынок, но никто птицу не покупал. В конце концов старушке пришла в голову хорошая мысль. Она пошла к зубному врачу и сказала:

«Вырвите мне, пожалуйста, зуб, я дам вам за это курицу. Вам ничего не стоит поупражняться на мне, и к тому же вы получите курочку».

Врач согласился, но, выдернув зуб, спросил:

«Зачем вам понадобилось удалять этот зуб — ведь он здоровый!»

«Ну, — ответила женщина, — я же хотела избавиться от курицы!»

Возможно, вы «избавились от курицы», но какой ценой?

ДУХОВНОСТЬ И МАТЕРИАЛИЗМ

В.: Работа осуществляется в нашем мире и связана с материальными вещами. Можно ли поэтому считать, что духовность предпочтительнее материализма?

О.: Я отвечу на этот вопрос, а заодно и еще на несколько подобных вопросов, которые недавно были мне заданы.

Первым делом вы должны понять, что так называемая «духовность» обычного человека — это неопределенное устремление к чему-то «высшему» или, возможно, потакание некоторым видам эмоциональности, почитаемым только в силу обычая из-за исторической или ассоциативной связи с тем, что в течение длительного времени принималось за духовное или провозглашалось духовным. Мы вообще не имеем дело с такими фальшивыми элементами.

Опять же «материализм» рассматривается как привязанность к накоплению материальных вещей или к определенному их использованию. Никто не задает вопрос — единственный ли это способ рассмотреть или воспринять то, что обычно считается «материальным»?

На самом деле факт состоит в том, что подобная незрелая позиция не способна сформулировать реальной основы для подхода к нашей проблеме.

В том, что обычно называют духовностью сбитые с толку люди, содержатся элементы, имеющие ценность для развития. Это именно та часть духовности, с какой имеем дело мы. В потоке материального также есть элементы, с которыми мы работаем. Так сформулировать проблему мог бы и дикарь, спрашивающий, что ему следует делать с зажигалкой: вдыхать запах бензина или любоваться блестящим металлическим корпусом? Если ему сказать, что назначение, или использование, зажигалки в корне отличается от того, что он способен предположить, то он, возможно,отреагирует недоумением, враждебностью, удивлением или не заинтересуется предметом вообще. До сих пор его опыт был выражен в терминах обоняния и зрения — бензин и блики. В прошлом это служило ему верой и правдой. Зачем же сейчас делать шаг вперед и искать новый диапазон опыта?

СОБСТВЕННОСТЬ И ОБЛАДАНИЕ

В.: Смешиваются ли в умах людей понятия собственности и обладания с «отношениями»? И связано ли это со своеволием?

О.: Да, смешиваются. Просто подумайте о разнообразном использовании притяжательной формы «мое», которая в действительности связана с тем, что мы считаем собой. Например: «мой» отец, «мой» сын. Ваши отношения с ними различны, но для обоих вы используете одно и то же слово. Далее, «мои» деньги — нечто такое, что, как предполагается, вы контролируете; «моя» чашка — то, из чего вам случилось пить и что на этот период считается вашим.

С нашей точки зрения здесь видна ужасающая неэффективность работы ума, который из-за наличия многочисленных ассоциаций со словом «мое» переносит какой-то специфический тип «моего» из одной ситуации в другую и сам себя запутывает. Далее, «мое», очевидно, бывает как ограниченным, так и абсолютным. Человек попадает и на это тоже. Например, «моя обязанность» не является абсолютной, если только это не тот вид обязанности, с которым действительно знакомы немногие. Но поскольку слово «обязанность» стали рассматривать в значении чего-то непрерывного, то это сбивает с толку наш мыслительный аппарат, который не всегда способен понять, когда обязанность на самом деле уже исполнена. Поэтому люди пытаются выполнять свои обязанности, когда они таковыми более не являются (если для них слово «обязанность» значит нечто непрерывное); либо иногда рассматривают долгосрочные

обязанности как кратковременные.

Я не играю словами. Напротив, я пытаюсь показать, что игра словами вредит мыслительной способности человека. В широком употреблении не существует устоявшегося точного метода, на который мог бы опереться мозг в своей работе. Опираясь на такие неэффективные материалы, ум не в состоянии схватить другие, более утонченные, то есть более точные, или действительно объективные.

ПРОБЛЕМЫ МИРА

В.: Наше общество находится в состоянии брожения, и люди совершенно открыто говорят, что эта цивилизация больна. Я отдаю себе отчет, какая несправедливость творится в мире, и осознаю также, какое количество разных факторов угрожает нашему физическому существованию. Целые сообщества людей готовы вцепиться друг другу в глотки, и зло, которое нам, казалось, удалось укротить, возрождается в новой, сильной форме. Хотя я готов вносить свою лепту и всегда буду поддерживать, насколько это возможно, все хорошее и слабого в борьбе против сильного, если слабый прав, мне все же хотелось бы знать, насколько мы будем способны выживать, если действительно собираемся выжить? Вот вопрос из тех, что беспокоят меня больше всего, — справедливые люди совершают огромные ошибки, когда пытаются действовать исходя из объективных моральных принципов или, что называется, «как лучше».

О.: Если отсутствует знание, а есть только информация, то в лучшем случае люди действуют в соответствии с доступной им информацией. Худший вариант — и он встречается гораздо чаще, — когда они поступают в соответствии с импульсом, или эмоцией, которые привязаны к интеллекту и уравновешены тем, что вы называете объективными моральными принципами. Объективные моральные принципы, конечно, — это выражение, которое, как кажется, что-то означает, но на самом деле является не более чем набором предположений.

Если вы посмотрите на людей, глубоко озабоченных правдой и совершением правильных поступков, то заметите, что в них доминирует такая характерная черта, как беспокойство. Они обеспокоены ядерной угрозой, несправедливостью и т. д. Их решения продиктованы беспокойством. Естественно, все это дает «кособокие» результаты.

У таких людей нет реального чувства того, что может произойти вследствие определенных действий, поэтому они действуют под влиянием момента. Не удивительно, что последствия их поступков вновь и вновь порождают беспокойство. Им бы остановиться и подумать о том, что одно дело распознавать зло, совсем другое — беспокойством доводить себя до такого накала, когда начинаешь импульсивно действовать против зла. Люди беспокоятся по поводу бедности. Они борются с бедностью, бедность уменьшается, но растет преступность. Поэтому они снова беспокоятся, на сей раз насчет преступности, беспокоятся потому, что были неправы.

Им не приходит в голову мысль: «Возможно, мы как-то не так смотрим на вещи, что и заставляет нас постоянно совершать эти ужасные ошибки». Подобные люди ничему не учатся и ничего не забывают. Пока они не начнут правильным образом искать верное понимание собственной ситуации, они с неизбежностью будут следовать тем же путем.

ОБМЕН

В.: Почему люди служат суфиям, делая то, что, кажется, не имеет никакого отношения к учебе? Например, я видел учеников, прислуживающих суфию и его гостям, выполняющих работы по дому, и т. д.

О.: Потому что взамен суфий делает то, что может сделать для них. Вам ведь не кажется

странным, если вы что-то делаете для водопроводчика, который починил вам кран? Нуждается ли в комментарии ситуация, когда булочник дает мяснику батон хлеба взамен куска мяса? Будете ли вы спрашивать: «Почему булочник дает хлеб, почему мясник берет его?»

Вы и не подумали бы задать этот вопрос, если бы не сомневались в том, что ученики вообще что-либо получают в обмен на службу. А сомневаетесь вы в этом только потому, что не способны взвесить получаемое ими. Другими словами, это ваша проблема, а не их или кого-нибудь еще. Ваша проблема в том, что вам надо продвинуться до той стадии, на которой вы сможете ощутить менее грубое, то, что учитель дает взамен. Если вы, к примеру, глухой, но не слепой, и видите, кто-то дает нечто, но не можете услышать того, что дается взамен (например, информацию, которую можно только услышать, а увидеть — нельзя), вы, возможно, зададитесь аналогичным вопросом. Единственный возможный ответ в данной ситуации может показаться вам невежливым. Тем не менее он содержит истину и звучит так: «Если вы глухой, то не узнаете, пока не услышите».

АЛМАЗ

Широко известно, что при посещении уважаемого духовного лица принято дарить подарок. Обычно это знак уважения и доказательство личной жертвы, а также предмет, который может быть использован получателем для благотворительной или иной деятельности.

Согласно распространенному убеждению — и мне часто случалось видеть, как это происходит, — подарки, в том числе и денежные, полученные суфием, включаются в сферу действительно важных процессов и человеческого служения, взамен высвобождая что-нибудь для дающего.

То, что эта «алхимия» происходит только при участии реальных суфиев, может быть подтверждено несколькими примерами. Я приведу типичный.

Однажды некий человек нашел крупный алмаз, огранил и подарил его, но не суфию, а дервишу. Дервиш — это примерно то же самое, что монах на Западе. На Востоке принято думать, что такие люди еще только ищут высшее знание. Другие же, подобно тому человеку с алмазом, воображают, что они святые.

Дервиш не был вором, но и духовным человеком, что бы он сам ни воображал на этот счет, тоже не был. Он отдал алмаз женщине, которая недавно овдовела и воспитывала нескольких детей. Рассказывают, что дервиш, выступая в качестве средства передачи, не смог найти алмазу места, чтобы он сработал в «действительно важной сфере», и потому женщине не удалось распознать, что алмаз настоящий. Она отдала его своей дочке, и маленькая девочка играла с ним, пока не выросла. Семья переживала трудные времена, а алмаз лежал в коробке для рукоделия.

Через двадцать лет человек, когда-то нашедший этот алмаз, случайно увидел его на уличном лотке, среди кучи безделушек, и купил за цену, равную цене булки хлеба. Он отдал алмаз суфию, который спросил:

«Сколько ты заплатил за него?»

Человек ответил:

«Столько, сколько стоит булка хлеба».

«Отлично, — сказал суфий, — ведь вещи этого мира не стоят большего. Однако с его помощью мы можем предотвратить войну».

Как это произошло — уже другая история, но все было именно так.

РАЗДРАЖЕННЫЕ

В.: Какие письма из тех, что вы получаете, можно было бы назвать наиболее раздраженными?

О.: Самые раздраженные письма приходят от людей, которые хотят знать, почему я не раздражен тем, что раздражает их, — и это касается широкого спектра вопросов — от политики до критики в мой адрес. На втором месте люди, рассерженные тем, что я не ответил на их письма, или, скорее, тем, что я не дал ответов, которые они хотели услышать. По мере того как их раздражение растет, они пишут все больше и больше, в итоге писем становится так много, что если бы я стал отвечать на них, то не смог бы больше ничем заниматься. Из этого, конечно, следует, что ответа они не получают и, возможно, еще больше раздражаются.

КАК ПОЛУЧИТЬ РАБОТУ

В.: Вы постоянно говорите, что в действительности люди не знают, что делают, и, многие их действия подсознательно направлены на получение некоего результата, которого сам человек не понимает. В суфийской литературе есть много примеров того, как люди ведут себя подобным образом. Но разве не бывает ситуаций, когда человек на самом деле осознает, что самообман стал чертой его характера, и намеренно используют эту черту?

О.: Да, так бывает. Иногда, как в случае с продавцом восточных халатов, которую я упоминал в книге «Учиться, как учиться», люди, осознавая этот механизм, позволяют ему действовать. Другие ситуации подобны случаю с профессором, который попросил меня взять его на работу — личным помощником. Я сказал, что не сделаю этого. Тогда он взмолился:

«Хотя бы дайте мне письмо с приглашением на работу!»

Я спросил:

«Но какой вам толк от этого письма?»

«Ну как же, — ответил он, — если я покажу его такому-то человеку, а он — ваш поклонник, то сразу же получу предложение работать у него, потому что он будет счастлив опередить вас в этом!»

Этот вид намеренного обмана, который обычно происходит на неосознанном уровне, как правило, встречается в несколько ином виде, в шутках и историях об «умных идиотах». Но мой опыт показывает, что подобное явление вообще известно только потому, что люди наблюдали человеческое поведение и передавали свое знание в форме «шуток» как для иллюстративных, так и для информационных целей.

ДЕМОН И СЧАСТЛИВАЯ СУПРУЖЕСКАЯ ПАРА

Однажды некий демон решил разлучить счастливую супружескую пару. Сначала он, прикинувшись старухой, пошел к жене и наговорил ей, что муж ее ведет себя странно, потому что влюблен в другую женщину. Затем демон под видом хироманта пришел к мужу и сказал ему, что его жена тайно встречается с другим мужчиной.

Вполне естественно, что муж, придя вечером с работы, почувствовал, что ему тяжело общаться с женой, а ей, в свою очередь, с ним. Из-за этого каждый заключил, что в услышанном была доля истины.

Конечно, они не были уверены в своих подозрениях, и, зная это, демон предпринял еще одну атаку. Он сказал женщине, что знает магический обряд, который вернет ей верность мужа.

«Чтобы добиться этого, — сказал он, — надо срезать три волоска с его бороды. Вот тебе бритва».

Затем он сообщил мужу, который начал сомневаться в справедливости слов предсказателя, что этой же ночью жена предпримет попытку его убить.

Когда муж вернулся домой, жена предложила ему прилечь отдохнуть. Он лег и сделал вид, что заснул. Как только жене показалось, что благоприятный момент настал, она вынула бритву и приблизилась к спящему мужу. Тут он открыл глаза и увидел «доказательство» ее смертоубийственного замысла.

Далее история рассказывает, что муж убил свою жену, а затем и сам был убит соседями, пришедшими в смятение, ярость и панику. В итоге каждый в этом городе принял чью-то сторону, и в образовавшейся заварушке были убиты почти все.

Оглавление

СУФИЙСКИЕ МЫСЛЬ, ОПЫТ И УЧЕНИЕ

КУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОМАНДУЮЩЕГО Я

ВВЕДЕНИЕ

ЯМА...

ЦЕЛЬ УЧЕБЫ И ИССЛЕДОВАНИЙ

РАЗДЕЛ I

ИЗЖИТЫЕ ТЕХНИКИ

ВЕРБОВКА И ОБРАЗОВАНИЕ

ПОНИМАНИЕ СЕБЯ

КРИТИЦИЗМ И ОБУЧЕНИЕ

ЗАЧЕМ МНЕ МЕНЯТЬСЯ ПРЯМО СЕЙЧАС?

НАУКА И ФИЛОСОФИЯ

БАНЯ

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА

КАЧЕСТВО ПОИСКА

МИР

КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ

ОСЕЛ И ВЕРБЛЮД

КОТОРЫЙ ЧАС

УЧИТЕЛЬ

НОЖ И ВИЛКА

МИСТИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ

ПОВТОРЯЕМЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

КАКИМИ ВЕЩИ КАЖУТСЯ

НЕПРАВИЛЬНО ПОНЯТЫЙ

УПРОЩАЯ СУФИЙСКИЕ УЧЕНИЯ

ОПАСНОСТИ ИМИТАЦИИ

МЫШЬ И СЛОН

НЕВЫНОСИМАЯ МЕШАНИНА?

ВНЕШНИЕ АТТРИБУТЫ И СОДЕРЖИМОЕ СУФИЙСКИХ ИСТОРИЙ

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО

НА ЧТО ЭТО ПОХОЖЕ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

НЕВЕРНОЕ ТОЛКОВАНИЕ

БЕГСТВО

ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО

РАЗДЕЛ II

ТРИ ВАЖНЫЕ ФАЗЫ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧЕБЫ ЛЮДЕЙ

«ОСЕЛ, КОТОРЫЙ ПРИВЕЗ ВАС СЮДА...»

ФАКТОР ВРЕМЕНИ

ЗАБОТИТЬСЯ О КОНЦЕ

ЛЯГУШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

ЖАРА И ЖАЖДА

РАЗГОВОР ПТИЦ

ОСНОВНОЕ И НЕЗНАКОМОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ВООБРАЖЕНИЕ

ПТИЦЫ

ЗНАНИЕ ИЛИ ЭКСПЕРИМЕНТ?

ПРЕСНАЯ ВОДА*

ПРЯМОЕ И НЕПРЯМОЕ ОБУЧЕНИЕ

СУНДУКИ

НАЧАТЬ УЧИТЬСЯ

СОВЕТ И ПОИСК

ВЫСОКАЯ ЦЕНА УЧЕНИЯ

КОМУ ВЫ ПОДРАЖАЕТЕ?

ГЛУБОКОЕ ВЛИЯЕТ НА ПОВЕРХНОСТНОЕ

ЛЮДИ НА «ДРУГИХ УРОВНЯХ»

НЕУВЕРЕННОСТЬ, НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ, ПУТАНИЦА

ВРЕМЯ И СЛУЧАЙ

ПОДХОДЫ К ВОСТОЧНЫМ УЧЕНИЯМ

МЕДИТАЦИЯ И ДРУГИЕ ТЕМЫ

РАЗДЕЛ III

КОЛИЧЕСТВО, КАЧЕСТВО И ВРЕМЯ

АРОМАТ

ПРАВИЛЬНЫЕ И НЕПРАВИЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ

ДОВЕРИЕ

АЛЬТЕРНАТИВА

БРОВИ

НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЕ

ЗАПЛАТИВ, ОЦЕНИШЬ

АРТОБСТРЕЛ

УКРАДЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

ПЯТЬ ЖИВОТНЫХ

ВАШ ВЗНОС И МОЙ ВЗНОС

ОГОВАРИВАТЬ УСЛОВИЯ ДАРЕНИЯ...

МУРАВЬИ

ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ УЧИТЕЛЯ...

В ПОИСКАХ УЧИТЕЛЯ

КАК ОТЛИЧИТЬ

ИМИТАТОРЫ

ТЕПЕРЬ ОН ПОНИМАЕТ...

ПОВАР

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ И НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ

ИНДИЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ

ЧЬИ ЖИВОТНЫЕ?

ЗВЕРИНЕЦ

ЖЕСТКОСТЬ В ПОВЕДЕНИИ СУФИЕВ

ПУТЕШЕСТВЕННИК И БАНЯ

БЫТЬ ГРУБЫМ С ЛЮДЬМИ

ОТКРЫВАЯ ДРУГУЮ ДВЕРЬ

СВИРЕПЫЙ И КРОТКИЙ

КТО ТАКОЙ ДЕРВИШ?

ДЕРВИШ И УЧЕНИК

ДЕРВИШ, СУФИЙ, УЧЕНИК

ТРЮК

КТО ТАКОЙ УЧИТЕЛЬ

Я ЕСТЬ

ИГРОКИ В ШАХМАТЫ*

СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ...

ВЕРЕВКА

МУДРОСТЬ ЗАПАДА

РАЗДЕЛ IV

ЛИЦЕМЕР

НА ПУТИ...

У САВАНА НЕТ КАРМАНОВ

ОБЕ СТОРОНЫ ДОРОГИ

ДОКТОР И ПАЦИЕНТ

МАКСИМАЛЬНОЕ УСИЛИЕ

ДВОЙСТВЕННОСТЬ

ДВА МЕЧА

КОНФРОНТАЦИЯ И ПОДДЕРЖКА

РАХСА

ЭТИКЕТ

ЧУВСТВО ОБЩНОСТИ

СУДЬБА

ЖИТЬ ВЕЧНО

ПЛОТ

НЕСНОСНЫЙ

ИСКРЕННОСТЬ И ИСТИНА

ПУТЕШЕСТВИЯ НА ВОСТОК

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕЛЬЕ «ОНКИНК»

СТУЧИТЕ ТИХО

ПО ЧАСОВОЙ СТРЕЛКЕ

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ И ОПЫТА

ВЕЩИ, НЕВЫРАЗИМЫЕ СЛОВАМИ

СОСТОЯНИЕ БОГАТОГО ЧЕЛОВЕКА

КЛЮЧИ ОТ МАШИНЫ

РАЗДЕЛ V

ВОСЕМЬ АНАЛОГИЙ

ПОТРЕБНОСТЬ ПОНИМАТЬ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ РОЛИ

РАБОТА

ЗАСТЫВШЕЕ ВНИМАНИЕ

НЕВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

РАСКРЫТИЕ ИСТИННОЙ ПРИРОДЫ

ЛИЦЕМЕРИЕ

НЕ ПОНЯЛ СУТИ...

К ДЕЛУ НЕ ОТНОСИТСЯ

ВЕСЬ В СИНЯКАХ

БАРЬЕРЫ

НЕУСВОЕННОЕ

ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ

АБРИКОСОВЫЕ ПИРОГИ

ЗАГРУЗКА И РАЗГРУЗКА

ВИНОГРАДНАЯ ДИЕТА

ВНИМАНИЕ

КОГДА ОБУЧЕНИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ВНУШЕНИЕМ

СВЯЗЬ МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ

«ВАРВАРЫ»

УТОНЧЕННЫЙ ВАРВАР

КАК ИЗМЕРИТЬ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА

ЗАКОНЫ И УЧИТЕЛЬ

ВЫСШЕЕ ОБЩЕСТВО

ОПРАВДАНИЕ

МАШИНА

ПЕРЕВОДЫ

РАЗДЕЛ VI

ВОПРОСЫ

НЕОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

ЦИКЛИЧНОСТЬ

ПОЧЕМУ ЗАДАЮТ ВОПРОСЫ

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ЗАДАЮТ ВОПРОСЫ

ОТВЕТ

ОТСУТСТВИЕ ОТВЕТА

ПИСЬМА И ОТВЕТЫ

РИТОРИКА

ИДЕАЛИЗМ

ЗАПОМИНАТЬ БЕСЕДЫ

СЛИШКОМ ТУМАННО

ТЮРЬМЫ МЫШЛЕНИЯ

ОТБИВАТЬ ОХОТУ

ВАЖНОСТЬ НАМЕРЕНИЯ

ПРИРОДА

ЛОДКА

ПОВЕРХНОСТНОЕ ЧТЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ТЕНЬ БЕЗ ДЕРЕВА

ДЕРВИШЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЗНАЧЕНИЕ БИОГРАФИЙ

РАЗДЕЛ VII

РЕЛИГИОЗНАЯ ИЛИ СУФИЙСКАЯ ПОДАЧА МАТЕРИАЛА

ЧТО ЕСТЬ ЧТО?

НЕПОБЕДИМОЕ НЕВЕЖЕСТВО

СУФИИ И ПОКЛОННИКИ КУЛЬТОВ

ОБУСЛОВЛИВАНИЕ

ОБМАН

БОГИ И ДЕМОНЫ

МОЛИТВА

ДЕМОНЫ

ГЕРОЙ ИЛИ НЕВЕЖДА?

НА ПУБЛИКУ

ЛЮДИ БОГА

ЛЕГЧЕ...

ИДИОТ

СТРАДАНИЕ

ЗАМЕЩАЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЧТО ДЕЛАТЬ В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ

НА ЧТО ОНИ ОТКЛИКАЮТСЯ

ЛЕВИТАЦИЯ

ОСЛЕПЛЯЯ ИХ НАУКОЙ

СКАЧКИ

ЛЮДИ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ НА НАС ВПЕЧАТЛЕНИЕ

ЦЕННЫЕ СЕКРЕТЫ

БЛАГОЧЕСТИЕ

ВЕРИТЬ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ

НЕТ ЛУЧШЕГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА...

ДУХОВНЫЕ УЧИТЕЛЯ

ГОВОРIT ЗОЛОТО, А НЕ ВЕРА

ИИСУС И ЗОЛОТО

МОТЪЛЕК И САЖА

ПОГЛОЩЕНИЕ

ЗЕМЛЯ, СОЛНЦЕ, ЧЕРНЫЕ КОШКИ...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

КОЧУЮЩИЕ ИСТОРИИ

ЧУДЕСА...

КАК НАЗВАТЬ

МИССИОНЕРЫ

РИС

РАЗДЕЛ VIII

СВЯЩЕННЫЕ РИТУАЛЫ, ТАНЦЫ И ОБРЯДЫ

«ДУХОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ»

ДЕГРАДАЦИЯ КОСТЮМОВ

ПРИСУТСТВОВАТЬ

МИСТИКИ

ЙОГА И ПРОСВЕТЛЕНИЕ

СИТУАЦИЯ «РАБОТЫ»

СИТУАЦИЯ «РАБОТЫ» II

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ

ОСОБЫЕ СМЫСЛЫ СЛУЖЕНИЯ

СИМВОЛЫ, ОСОБЕННО ЭННЕАГОН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СИМВОЛОВ ПЛАНЕТ

О ТОМ, КАК РАСПОЗНАТЬ...

ТАЙНЫЙ СМЫСЛ ТЕОРИИ РЕИНКАРНАЦИИ

ЛАБОРАТОРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

УЧИТЬСЯ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

ОПАСНОСТИ АВТОМАТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

КАК Я ВАС ВИЖУ

НЕ ДЛЯ ВАС

ПРЕДУСТАНОВКИ...

ТЕЛЕПАТИЯ

ЛЮБОпытСТВО

РАЗДЕЛ IX

НЕМНОГО АНТРОПОЛОГИИ

ЕЩЕ НЕМНОГО АНТРОПОЛОГИИ

КАК ЭТО ВСЕ РАБОТАЕТ

ГРЫЗТЬ

СОСЕД РЫБАКА

ОБЛИЧЕНИЕ

ПУСТЯКИ

СМИРЕНИЕ

РЕКОМЕНДАЦИЯ

АНАЛОГИЯ

ПРИЯТНЫЙ

ОСОЗНАНИЕ ДОБРА

СКОЛЬКО МИЛЬ?..

ТЕРПЕНИЕ, ВЕРА И ЧЕСТЬ

ХРАБРЫЙ КУПЕЦ В ОБЛИЧИИ ВОИНА

КЛАД

МУЗЫКА И ДОБРОТА

ВНУТРЕННЕЕ ЗНАЧЕНИЕ МУЗЫКИ

ТО, ЧТО ЗА ИМИДЖЕМ

ФИЛОСОФ И УЛИЦА ДУРНОЙ СЛАВЫ

ПУТЬ УПРЕКА

ПЕРСПЕКТИВА

ДУХОВНОСТЬ И МАТЕРИАЛИЗМ

СОБСТВЕННОСТЬ И ОБЛАДАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ МИРА

ОБМЕН

АЛМАЗ

РАЗДРАЖЕННЫЕ

КАК ПОЛУЧИТЬ РАБОТУ

ДЕМОН И СЧАСТЛИВАЯ СУПРУЖЕСКАЯ ПАРА